

ТИМО ВИХАВАЙНЕН

ВОСТОЧНАЯ
ГРАНИЦА
ИСЧЕЗАЕТ

Два столетия
России и Финляндии

Нестор-История
Санкт-Петербург
2012

УДК 94(47+474) : 008.001
ББК 63.3(0)+71.4
В 54

Вихавайнен Тимо

В 54 Восточная граница исчезает. Два столетия России и Финляндии /
перев. А.И. Рупасова. — СПб. : Нестор-История, 2012. — 248 с.
ISBN 978-5-90598-629-1

ISBN 978-5-90598-629-1

© Тимо Вихавайнен, 2012
© А.И. Рупасов, перевод, 2012
© Издательство «Нестор-История»,
издательская подготовка, 2012

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
I. «Китайская стена» посреди Европы.....	7
II. Восток, увиденный с Запада	10
Образ Востока	10
Мы были плохими шведами.....	14
Оставшиеся на несправедливой стороне границы.....	19
III. Часть Запада на Востоке	28
Когда оказались финнами	28
Новозавоеванная страна глазами русских	35
Выстрел в ночи.....	41
Пушкин как символ России	47
Рунеберг и Пушкин	52
Я. Аренберг и тень России	54
Яков Грот и финляндско-российское сближение	60
«Ложный» патриотизм Й.Л. Рунеберга	64
В качестве туриста в Петербурге	79
Финляндия Веры Желиховской.....	87
Толстой в Финляндии и в России.....	91
Россия Арвида Ярнефельта	99
IV. Подальше от Востока.....	103
Великое княжество и российский народ	103
Независимость Финляндии	107
Революция — великий водораздел	113
Петербургские недоброжелатели.....	124
Финны в Восточной Карелии	129
V. Угрозы с Востока и Запада.....	137
Избранный народ и земля обетованная	137
Русофобия и классовая ненависть: модные идеи одного времени	144
Защитники российской западной границы, или Как поменялись роли	153

Нотный кризис, добродетель и ватник	155
Неверно прочитанная история Зимней войны, или Как Финляндия потеряла Восточную Карелию	157
За что сражались в Зимней войне?	161
Контрудар империи	168
Информация и мнения в национальной памяти	172
VI. Когда Запад пришел на Восток	177
Флагеллантизм культуры.....	177
Отличает ли национальный характер Россию от Запада?	187
Пошлость	194
Реальный социализм Востока и культурная революция Запада	198
Россия снова на распутье?.....	202
Снова модернизация	207
Снова возврат Карелии?.....	212
Имя России.....	215
Девушки, розы и история.....	219
Lunatic Fringe и бренд «Финляндия»	225
Дух свободы и отношения с Востоком	231
Исчезновение «китайской стены».....	236
Литература.....	243

Предисловие к русскому изданию

Это книга — собрание исторических эссе. Речь идет не об исследованиях в прямом смысле слова, а о попытке установить, какое значение на самом деле исторические исследования и их результаты имеют и могут иметь для нашего понимания известных вопросов истории. В центре внимания — тема культурной границы между финским и русским народами. Из тысячелетней истории внимание уделено прежде всего двухсотлетнему периоду — со времени присоединения Финляндии к Российской империи в 1809 г. до наших дней.

Материалы книги были изданы ранее на финском языке под названием «Восточная граница исчезает». Она была написана для финской публики, и в ней, как и следовало ожидать, содержалось много такого, что для русского читателя было бы непонятным. Поэтому некоторые эссе, которые были в финском издании, не входят в русский вариант. Те, которые в нее вошли, публикуются без серьезных изменений. Русскому читателю понимать их смысл может иногда быть нелегко, но я считаю, что такой подход вполне уместен — читатель получает возможность взглянуть на то, как некоторые темы рассматриваются в современном финском дискурсе.

Переводчик, д.и.н. Александр Рупасов привел некоторые ссылки там, где они будут особенно нужны для русского читателя. В конце книги представлен список литературы, который поможет читателю видеть, на какие книги в тексте ссылается автор. Ряд тем

настоящих эссе уже затрагивались мною в опубликованных на русском языке книгах «Внутренний враг» и «Сталин и финны».

Благодарю всех, кто оказал помощь в публикации этой книги. Я искренне надеюсь, что и это произведение может внести хотя бы скромный вклад в великое дело дружбы наших народов и способствовать взаимному пониманию.

Хельсинки, 20 февраля 2012 г.

Тимо Вихавайнен

Профессор истории России

Университет Хельсинки

Мотто:

От любви к Финляндии и к России

I

«Китайская стена» посреди Европы

«Прошлое не мертво. Оно даже не прошло». Известное изречение Уильяма Фолкнера истинно по сути и действительно в отношениях между странами и народами. Отношения России с соседями представляют собой хороший пример властвования прошлого в современном мире. Польша для России — вековой враг. С точки зрения России, она представляла опасность, угрожавшую исконной основе нации, православной вере. С точки зрения Польши, Россия — угнетатель, удерживавший нацию в тюрьме полтора столетия и затем еще несколько десятилетий пытавшийся насильем уничтожить ее национальное бытие. В странах Балтии Россию считают оккупантом, стремящимся уничтожить нации, растворив их в себе.

Швеция и Дания столетиями вели нескончаемые войны, пока Швеция не смогла отобрать у соседа территории на северном побережье Эресунна и освоить их. Денационализация шла достаточно быстро, хотя вначале мятежные движения и пытались изменить ход процесса. Единая вера и почти общий язык послужили хорошими отправными пунктами для удачного грабежа. Никто уже не требовал возвращения Сконе Дании. Это прошлое действительно стало прошлым.

Финляндия не напоминает ни Данию, ни, тем более, Польшу или Балтию. Наше развитие было индивидуальным, единственным в своем роде. Периоды русской оккупации в XVIII в. были недолгими, хотя и драматичными. Для всей истории наших восточных отношений исключительное значение имело то, что Финляндия

не была русифицирована. Народы не смешивались, национально-покорения удалось избежать. В действительности Финляндия покорила своего гигантского соседа, оккупировав в период войны-продолжения часть его территории. Карелию дважды уступали России в 1940-х гг., после того как в 1811 г. она была возвращена Финляндии, но в обоих случаях — без населения. Финны и русские оставались обособленными друг от друга.

Да, Финляндия более сотни лет принадлежала Российской империи, но, несмотря на это, никогда не была объединена с Россией. Между народами сохранялась та граница, образ которой уже в XIX в. хорошо передавало часто используемое выражение — «китайская стена». Серьезной проблемой в отношениях Финляндии и России, а также финнов и русских была не враждебность, а инаковость. В отдельные периоды истории различие подпитывало враждебность, но, в конечном счете, оно также способствовало ослаблению враждебности. В довольно гомогенной в этническом отношении Финляндии почти не было напряженности в отношениях национальных групп.

Ирония истории заключалась в том, что на протяжении столетий русских в Финляндии — в результате *ежовой* обороны финнов — в конце XIX в. было всего примерно шесть тысяч, а в 1970-х гг. — около двух тысяч. Невероятная ситуация, если учесть, что речь идет о тысячелетнем соседе, который находился отнюдь не за тридевять земель. Это удивительно и по той причине, что великая Россия время от времени пыталась насильственно поколебать обособленность Финляндии.

Замысел данной книги состоит в том, чтобы рассмотреть с обеих сторон — как со стороны Финляндии, так и со стороны России — отличающие их особенности культуры: как Россия виделась в Финляндии, но также и как Финляндия виделась в России. Граница между этими двумя странами нередко считалась непреодолимой. Известный политолог Самуэль Хантингтон считал ее частью восточной границы культуры западного мира. В этом он не был одинок.

Исключение, впрочем, подтверждает правило. Часть «Востока» за столетия прошла через наш дом на «Запад», а часть «Запада» — на «Восток». Давняя граница лютеранского и православного миров оказалась сломленной, и западная монокультура утратила свою целостность в 1617 г., когда Швеция захватила у ослабленной России территории современной Северной Карелии и Ингерманландии. В религиозном отношении, не говоря уже о языковом, Великое княжество не являлось еще полностью

гомогенным, но отличие родины в любом случае было очевидным и разительным для большинства населения. В 1917 г. Великое княжество почти во всех отношениях представляло собой отдельное и готовое стать независимым государство, хотя многих страшил этот последний шаг. Окончательное отделение как от России, так и от русских, прихоть судьбы, произошло исключительно резко и основательно. В течение последующего столетия имело место немало перемен, но граница между народами все еще сохраняется и воспринимается все более серьезной, хотя «огромная пропасть в уровне жизни» ушла уже в прошлое.

В этой книге будет предпринята попытка ответить на вопрос, что в действительности представляет собой эта граница, какое она оказывает влияние и как она формировалась и изменялась с течением времени. Именно сейчас есть причина задать себе вопрос — исчезнет ли эта тысячелетняя граница в наше время.

Одна из главных целей книги — рассмотреть те изменения, которые принесли социальные и культурные революции последнего столетия и которые сказались на наших подходах к исследованию истории и культуры. Излишне говорить, что развитие в Финляндии и России было одновременным, что оно имело особо важное значение для каждой из сторон. Уже одно это порождало труднопреодолимую пропасть. Поэтому важен вопрос, на чем это основывалось.

Эта книга не претендует на то, чтобы быть научным исследованием, хотя в ней и комментируются исследования. Она, скорее, представляет собой эссе, и ее основная цель заключается в том, чтобы отыскать и изучить оставленные без внимания взгляды, объяснить результаты исследований и заново прочесть забытые документы минувших времен. Двести лет — достаточно продолжительный период, чтобы можно было сделать обобщенные выводы в отношении перспектив и альтернатив прошлого, выводы, над которыми следует, по крайней мере, поразмышлять, но которые, по разным причинам, остались в стороне.

В книге также использованы и развиты ранее опубликованные в журналах *Kanava* и *Politika* статьи, поскольку они релевантны для этой книги.

II

Восток, увиденный с Запада

Образ Востока

Эта книга имеет немного общего с физической географией. Ее объект — культурный Восток или, точнее, соотношение его и Запада в области культуры, прежде всего, при взгляде с финляндско-российского рубежа. Однако и культурные горизонты имеют коннотации с физической действительностью. Наша страна географически расположена довольно далеко на востоке, если путешествовать из центра Европы. Однако быть Востоком мы не желаем.

У горизонта есть свой образ. Север — холодный, юг — более теплый, запад — большой и обширный, Восток... многообразный. Восток в истории западных стран приобрел особое значение. Свободе Греции угрожали катящиеся с востока военные орды. С Востока пришли Аттила и Чингисхан, Сулейман и Тамерлан. Оттуда пришли арабы и тюрки, татары, калмыки и казаки. С Востока приходят в Европу холодные воздушные массы, снежные бури и стужа. Помимо них приходят иногда также тепло и жара, но о них мы легко забываем.

Когда оценивают культуру западных стран, то подчеркивают также то, что она всегда была вынуждена противостоять опасности проникновения с Востока. Победы при Пуатье, на Каталлаунских полях, под Веной и во многих других местах, служившие подтверждением многовековой традиции, оградили западные идеалы свободы, права и правды от опасностей с Востока. Этот взгляд, который

отнюдь не является безосновательным, через школу передавался из поколения в поколение. При этом становилось очевидным, что азиатское общество должно было традиционно восприниматься как попирающая право тирания. За тысячелетия тирания меняла свои формы, но всегда представляла как нечто противостоящее Западу с его идеалами. Разумеется, на этом аспекте особенно акцентировалось внимание в приграничных странах, от Финляндии до Балтии, от Польши до Балкан.

Географически особые черты Востока вполне логичны: на материке зимы суровые и холодные, море не смягчает их своим дыханием. Солнце, правда, встает на Востоке, но сияет там только в утренней стуже. Латинское слово *oriens* означает также «начало», как и русское «восток». Немецкое *Morgenland* указывает на направление, где светит по утрам солнце. В китайском языке Япония обозначается словом *Ri-ben*, буквально «начало солнца». Этимология обозначающего восток слова *dong* (*dong-fang*) более туманна, но в иероглифическом знаке, обозначающем его, присутствуют дерево и восходящее над ним солнце. Солнце поднимается из-за деревьев. В финском языке слово *itä* («восток») родственно *itäminen* («прорастание») — иными словами, солнце прорастает, поднимается из земли. Английское *east*, пожалуй, восходит к индоевропейскому слову *hausos*, из которого возникло древнегреческое *eos* — богиня зари, об *Eos purppurasormi* («пурпурном персте Эос») писал вдохновленный античной традицией финский поэт В.А. Коскенниemi¹. Классическая античность присоединяла и нас к Западу, и эта традиция парадоксальным образом процветала в Финляндии еще тогда, когда в римской Европе она уже увядала.

На самом деле, «запад» как слово по своему значению более печально и слабосильно, чем «восток», т. к. указывает на конец, уход, гибель. Латинское *occidens* означает «заход», «забытье», так же как и русское «запад». Немецкое слово *Abendland* волей-неволей таит в себе более печальный отзвук: за сумерками наступает неизбежная ночь, только после которой когда-то придет высокий полдень. Русское «запад» родственно слову «западня», означающему ловушку, силоч: иными словами, капкан, в который попадают («падать»).

В финской литературе и в национальной памяти Восток прочно связан с угрозой нападения: «полыхающему на Востоке»,

¹ Вейкко Антеро Коскенниemi (до 1906 — Форснес) (1885–1962) — финский поэт, журналист, профессор литературы, академик. В данном случае имеется в виду его эпитафия «*Sotilaan hauta*».

накатывающемуся лавиной «отвратительному Востоку» надлежало сопротивляться. Юго-восток является только гипонимом и приобретает от него свое значение и оттенок: «красно палит юго-восток, кровь, огонь он предвещает».

Ориентированные на Запад отношения финнов с Востоком, разумеется, неустранимы из национального предания. Пожалуй, вершину национальной памяти представляют собой строки из стихотворения Ууно Кайласа¹ 1931 г.:

Впереди Азия — Восток,
Позади — Запад и Европа.
Ее оберегаю, я, страж.

Перемены в восточной политике, разумеется, влекли внесение политических коррективов в оценки Кайласа, и по прошествии двух десятилетий его стихотворение считали скорее забавным примером бывшей глупости, не задаваясь вопросом, в какой ситуации он написал его. Эти слова не были пустым брэнчанием, а били ключом, когда ГУЛАГ по ту сторону границы являлся действительностью.

У восточных стран своя оценка. Восток всегда был экзотической стороной света. Восточная мудрость — понятие само по себе. Три восточных мудреца пришли с той единственной стороны света, где мистика и тайные знания, с точки зрения Европы, всегда уживались в сумрачных потаенных местах таинственного Востока. А их действительно развивали там, так что речь не идет о где-то там специально выстраиваемом «ориентализме». Восточная мудрость иная, чем западная, она скорее выражает не холодный *ratio*, а мистический *logos*, она связана не с рассуждениями, а с высшей божественной (именно со строчной буквы, а не с прописной) мудростью, которой рационалистичный западный человек очень часто чуждается.

Хотя солнце встает на востоке, оно светит на западе тогда, когда сам восток остается во мгле. Едва ли будет несправедливым считать, что восток в душе очень многих связан также с известным представлением о непроницаемости и беспросветности.

В одной газете любителей лодочного плавания некий читатель предложил как средство запоминания для опознания восточного бакена красить его преимущественно в черный цвет, в отличие от западного бакена: если это помнить, то ошибки не допустишь — на востоке ведь нет светлого, там все сумрачное, считал создатель

¹ Ууно Кайлас (Франс Уно Салонен) (1901–1933) — финский поэт, писатель, переводчик.

идеи. Идея родилась в последнее десятилетие XX в. при совершенно определенных обстоятельствах, но схожую оценку ее автор мог бы дать также и сотню, и две сотни лет тому назад, понимание дела не доставило бы финнам затруднений.

Но где проходит граница между Востоком и Западом? Разумеется, за исключением полюсов глобуса, нет такого места, откуда нельзя было бы пойти как на восток, так и на запад. На Украине и в Сибири важно уточнять, на востоке или на западе. В Финляндии различие между востоком и западом так же существенно. Существенной в Финляндии является также принадлежность к Западу, хотя страна располагается географически восточнее, чем бывшие восточноевропейские страны, которые ныне называют Центральной Европой.

Являлась ли имеющая большое значение граница между Западом и Востоком и, пожалуй, всей мировой истории важная внутренняя пограничная линия восточной границей Европы, каковой с XVIII в. считались Уральские горы и река Урал, Кавказский хребет, Черное море и турецкие проливы? До XVIII в. особо не размышляли о том, что граница Европы проходит где-то в ином месте, а не в области Черного и Средиземного морей, в которой различие между Европой и Азией ощущалось еще с античных времен, хотя часть Азии принадлежала к сфере западной культуры.

Только в XVIII столетии Европа получила точную, несколько искусственную линию границы, заключавшую в себе также часть России, государства, которое Петр Великий целеустремленно и упорно вводил в Европу. Эта граница была, однако, довольно фиктивной и произвольной. Политически российское государство уже с XVI в. простиралось за Уральский хребет в Сибирь. Географически степи Азии простирались далеко к западу от Урала, и сегодня часть их — на территории Казахстана западнее от Урала. Географическая граница между Европой и Азией — проведенная по воде линия. Любящая классификации и проведение границ эпоха вынуждена была в любом случае отвечать на вопрос, где проходит граница частей света, и тем самым устанавливать межевые знаки. Уточнение границы культур — еще более сложная проблема, и в разные периоды разные народы решали ее по-разному. Существенной проблемой при этих начертаниях границ оказывалась Россия, которая в европейском культурном контексте всегда помещалась на «востоке», хотя она также в значительной степени была европейской, по крайней мере, последние три сотни лет. Финляндия, Польша, государства Балтии хотели быть на Западе,

хотя они в известные исторические периоды оказывались на «востоке» именно благодаря России. Все это в целом касается всей так называемой Восточной Европы и тех территорий, которые ныне именуются Центральной Европой.

Когда после распада Советского Союза запретили говорить о «Восточной Европе» или, по крайней мере, о вхождении Польши и других стран, ранее являвшихся членами Варшавского блока, в эту область, политическое значение этого переворота превосходило чисто политический уровень и охватывало также культурную или даже метакультурную сферу. Если прежние «народные демократии» не являются сейчас частью «Восточной Европы», то это означает, что они по своему духу более часть не «Востока», а Запада. И это происходит только потому, что они сами хотят быть иными, чем «Восток», где добровольно, кажется, остается только Россия. Граница между Востоком и Западом — теперь восточная граница бывших восточно-европейских стран, т. е. граница между ними и Россией.

Мы были плохими шведами

Пропасть между Востоком и Западом была глубокой уже в Средневековье, это ощущалось и на Севере Европы. Нам это известно, но что касается истинного состояния дела, то мы способны только строить предположения в той степени, в какой мы можем понять дух эпохи. Этот период не может осмыслиться в понятиях политической корректности, уровня жизни и разницы в уровне жизни, или прав человека, или даже блага и счастья. Очевидно, что в жизни разных групп людей разные дела играли важную роль, но религия, Бог и церковь у всех стояли на первом месте. Богохульники, правда, всегда сидели на своих скамьях, но без Бога не было ни жизни, ни смерти.

О сущности средневековой границы между Россией и Швецией есть специальные исследования, которые свидетельствуют о заглушающей все дело нормальной практике в этой сфере. Впрочем, ясно одно: жившие по другую сторону границы люди, с точки зрения современников, были осуждены на геенну огненную, тогда как путь на небеса в принципе был уготован только жившим по эту сторону границы. Церкви проклинали друг друга, остававшиеся вне церкви утрачивали надежду на спасение. *Extra ecclesiam nulla spes salutis*¹. Против этого протестовать было тщетно.

¹ Вне Церкви нет надежды на спасение.

Здесь едва ли следует повторять повествования о том, как враг по ту сторону границы нападал, грабя и опустошая земли. Те, кого не убивали, становились рабами и нередко продавались на далеких невольничьих рынках Востока. Определенно, гены саволакцев и карел можно и в наши дни обнаружить повсюду, от стран Магриба до Центральной Азии, где процветала работоторговля, но это не тема нашей книги.

В горьких пограничных войнах шведы, которые в то гибельное время были нашими предками, мстили точно таким же образом, когда не были настоящими инициаторами. Аналогия со спором о том, что было в начале — курица или яйцо, пожалуй, не применима к тому времени. Тотальное разорение Олонца в нашей истории блистает как особое достижение финнов. Сожжение монастыря в Печенге и убийство его монахов в рождественскую ночь стало позже преподноситься как акт настолько достойный восхищения, что детская организация Аграрного союза взяла себе имя вождя этого похода.

В гербе Карелии не напрасно присутствуют восточный и западный мечи. «Таковы дела в Финляндии», — констатирует Мессениус Юханнес¹, описывая в своей хронике этот герб. Мессениус писал именно о «Финляндии», которая стремилась быть достойной частью шведского государства. Т. е., несмотря на то, что от метрополии нередко в награду за труды получали пренебрежение и упреки, как это имело место после периода Великого Лихолетия.

Можно утверждать, что этот виток обоюдного разорения и порабощения населения не завершился с периодом Средневековья, а продлился до XVIII столетия. Кустаа Х. Вилкуна в своей книге описал тот террор, который русские, особенно казаки, в период Великого лихолетья осуществляли в отношении незащитного гражданского населения. Алексей Шкваров, известный исследователь шведско-российских отношений, а также казачества, сравнивал казаков со всадниками Апокалипсиса. В обычае казаков было нападение с криками и воплями в ночное время на своих ничего не подозревающих жертв. Они убивали и грабили без жалости, т. к. это было их промыслом, а на самом деле «призванием», для которого они были рождены. У казаков всегда были с собой мешки и запасные кони для перевозки добычи. Российские власти использовали казаков прежде всего для осуществления тактики выжженной земли, но этим занимались и другие части. И это всегда происходило по приказу, как замечает Шкваров.

¹Юханнес Мессениус (1579–1636) — шведский историк, профессор.

В любом случае нам легко представить, насколько «теплыми» были отношения между нашими шведами и убивающими и грабящими нас русскими. Российский историк Михаил Михайлович Бородкин еще более столетия тому назад считал, что финны со своей стороны были отчасти виновны в разорении во время Великой Северной войны: они укрывали в своих деревнях партизан, делая это добровольно или по принуждению. Тезис, бесспорно, убедительный, но то же самое могли бы сказать и немцы, объясняя, почему на Украине и в Белоруссии во время Второй мировой войны уничтожались целые села, а их жителей убивали. Плохое дело защищать не следует, хотя причины его и можно попытаться понять.

Чтобы образ русских не оказался односторонне излишне негативным, следует напомнить, что российские военачальники во время Великой Северной войны неоднократно запрещали насилие в отношении гражданского населения, поскольку оно должно было выполнять свои повинности. Петр Великий в Эстонии даже собственноручно казнил одного солдата, который был обвинен в подобном. Наместник Финляндии князь Голицын, которого называли «финским богом», был известен своей справедливостью, и высказывания о нем финнов в период Великого лихолетья всегда были хвалебными. В этом отношении недавно ставшие символом националистического мрака 1930-е гг. не были исключением.

Но каковым вообще представлялся русский человек в те минувшие столетия, когда он не появлялся с мечом и факелом в руке, чтобы жечь и убивать? Ощущалась ли между Востоком и Западом та культурная граница, которая не определялась только религией или была независимой от нее?

Та обильная информация, которую доставляли посещавшие Московское царство иностранцы с Запада, подтверждает, что именно таким было положение дел, даже в еще большей степени. Так, английские, как и немецкие и итальянские путешественники, начиная с XVI столетия пространно повествовали об особенностях Московского царства, которые всем чужестранцам представлялись экзотикой. Исследовавший эту тему Кари Таркиайнен¹ подчеркивал, что, например, приписываемая русским и союзным с ними татaram и калмыкам необычайная жестокость объяснима политической целью, обусловленной борьбой за Балтию в XVI в. Жестокость и коварство на всем протяжении истории являются повторяющи-

¹ См., например: De ryska nationalegenskaperna enligt svensk uppfattning i början av 1600-talet (1973).

мися темами, разумеется, имевшими практическую значимость в условиях войны и вражды.

Жестокости только этим объяснить невозможно. Иван Грозный действительно был патологическим садистом, злодеяния которого на территории Балтии порицал великий, патриотически настроенный российский историк Карамзин. Свидетельства жестокости можно найти и в иные времена. Что касается коварства, то немецкий историк Габриеле Шейдеггер полагает, что дело заключается в религиозных различиях. Во всяком случае, осуждение на муки адские людей, заключивших с *немцами* (выделено автором) соглашения, нельзя в данном случае считать весомыми свидетельствами. Ведь у подчиненных интересам божьего народа положений равноправного договора с врагами Креста была совершенно нехристианская основа. Параллели легко найти в тоталитарном мышлении.

Однако все это тем или иным образом, но связано с верой. Это же следует сказать о тех представлениях, которые связаны со скверной немцев. В те времена у людей, кажется, не было никакой особой склонности проводить границу между религиозной и нерелигиозной сферой жизни. Едва ли кто-то решился бы сказать, что о скверне немцев ничего не упоминается в Библии или в церковном предании. «Домострой», знаменитая русская рукопись XVI в. о ведении домашнего хозяйства, объясняет как варку пива, потчевание гостей, наказание женщин и слуг, так и другие каждодневные дела и христианские нормы и поступки без какого-либо различия между святым и профанным.

Пьянство русских нельзя как-то особо связывать с их верой. Во всяком случае, это подчеркивается почти во всех описаниях и, кажется, представляется просто противоположностью западной воспитанности и сдержанности. Иногда утверждается также, что женщины в России часто напивались, хотя «Домострой» это строго запрещал. Правда, в России теория и практика часто не совпадают. Причиной, пожалуй, можно считать то, что грубыми обычаями русских считались именно с точки зрения высших классов западного общества. Путешественники принадлежали именно к ним. Изысканность обычаев на Западе научились ценить во времена Ренессанса, и тем отличались от варваров, но определенно было бы заблуждением поставить едущих в Москву или в Новгород наблюдать различия между Востоком и Западом где-нибудь в сельской местности на шведско-русской границе.

Хорошие качества русских зачастую не оспариваются. Как отмечал в своей книге Кари Таркиайнен, швед Петрус Петреус

в опубликованной им в 1615 г. работе описывал русских как щеголей, а русских женщин как удивительно красивых. Ум русских не подвергался сомнению, они лукавые, умные, умелые, а помимо прочего — превосходные игроки в шахматы. Досадной стороной было то, что способности использовались не должным образом. Среди плохих качеств русских часто упоминалась лень.

Применяемые в отношении русских клише в равной степени повторялись из столетия в столетие, так что сила их доказательности не вызывает особых сомнений. Все же бремя доказательства иного остается за сомневающимся. Эти описания не являются объективными, что следует подчеркнуть, а, напротив, свидетельствуют об известном, свойственном наблюдателям способе осмысливать виденное. То есть, как это виделось с Запада.

Финн, т. е. швед в то время Ларс Юхан Мальм, возведенный в дворянство под именем Эренмальм, во время Великой Северной войны написал достойную похвалы работу о России и русских. Кари Таркиайнен в своей книге комментирует это, представляющее большой интерес для нашей темы, сочинение. В книге Мальма повторяются очень многие, имевшие хождение уже пару столетий клише — от упоминаний о лени и пьянстве русских до свидетельств их лживости и проявлений жестокости. Одной значительной и также в других сообщениях упоминающейся чертой русских являлось спесивое отношение к Западу, о котором, впрочем, ничего не знали. Теперь, т. е. во времена Петра Великого, ситуация, по наблюдениям Мальма, изменилась. Новые русские брили бороды и одевались как европейцы. Они владели иностранными языками и даже усвоили изящные манеры. Мальм сомневался, однако, что эти перемены действительно глубоки и длительны, и полагал, что страна вернется к прежнему после смерти Петра Великого. Швеции, впрочем, это только лишь пошло бы на пользу.

Мальм считал, как показывает Таркиайнен, что «обоюдную вражду» между русскими и иностранцами вызывали «совершенно особенные обычаи русских, их особая вера и странные церемонии, речь и одеяния».

Иностранцы в свое время были в России изолированными и заклеятыми как безбожники, но теперь все изменилось, считал Мальм, который тем самым взваливал основную часть вины за прежнюю обособленность на русских. Сам он, однако, сомневался в наличии у России настоящих возможностей для европеизации и предлагал Швеции продолжать войну, хотя и понимал, что преимущество противника в силах было преобладающим.

Труд Петра Великого, конечно, не был напрасным, хотя российские западники позже стонали, что он остался незавершенным. Ставшая великой державой Россия интегрировала в империю и Прибалтику, которая ранее была захвачена Швецией, а также часть собственно Швеции, т. е. часть Финляндии. Тем самым Россия, по меньшей мере, наполовину стала европейской, что не могло не отразиться на ситуации по обе стороны восточной границы Швеции. Ведь за восточной границей был теперь Выборг, уже не говоря о многочисленных говорящих по-фински приходах, получавших своих пасторов из Абоского университета.

Финны называли себя нередко «добрыми людьми Швеции», в их отношении к государству не было места упреку. По ту сторону Ботники копили золото и честь, финны могли довольствоваться только крохами. Хотя Финляндия отнюдь не была колонией, а равноправной частью государства, в этом мире кто-то всегда менее равноценен. Так как торговля шла через Стокгольм и по ту сторону залива были более тучные земли и более оплачиваемые должности, Финляндия, особенно Восточная Финляндия, оставалась глушью, которая не очень-то бралась в расчет до начала XVIII века. Препятствием к настоящему равноправию Финляндии со Швецией являлся язык. С точки зрения жителей Швеции на побережье говорили на языке, с трудом поддающемся пониманию, а чем дальше на восток, тем более язык становился невыносимой тарабарщиной. Над говорившими по-шведски финнами насмехались из-за их языка, как вспоминал Спренгпортен, но говорившие по-фински были уже на краю цивилизованного мира. В XVII в. финнов хотели заставить стать шведами, но судьба Сконе их миновала, пожалуй, благодаря тому, что народ в XVIII в. уже не стоило раздражать, поскольку речь шла об его лояльности. В начале XVIII века в этом отношении стали уже заметны признаки беспокойства. Известным примером является, разумеется, деятельность Г.М. Спренгпортена. Российскую границу теперь можно было перейти.

Оставшиеся на несправедливой стороне границы

Озеро Киткярви в Куусамо знаменито своей мелкой ряпушкой, которая чувствует себя хорошо только у финских берегов, хотя ей было бы легко подплыть к стоку на российской стороне. За этот упорный патриотизм ряпушка получила прозвище «киткярвеский мудрец».

В ходе истории у ряпушки не было таких возможностей, как у людей, выбрать власть.

Российско-шведская граница 1721 г., т. е. примерно та же, что и нынешняя восточная граница Финляндии, рассекла населенную финнами территорию, но в некотором смысле это было уже давно сложившимся положением дел. Граница учитывала сферы интересов государств, а не границы этносов.

С точки зрения физической географии финляндско-российскую границу никогда нельзя было провести по так называемой естественной линии. В заросшей хвойными лесами северной территории было бы невозможно заметить границу без установленных человеком знаков. Хотя государственные границы значительно определяют состав населения, люди по обе стороны границы также относятся к тем же этническим группам. Так обстояло дело, особенно до XX столетия, в течение которого можно было наблюдать исключительно большие перемещения населения и миграционные течения, этнические чистки, полностью изменившие ситуацию.

По обе стороны границы в разные периоды истории давало о себе знать желание сделать эту границу «естественной». Уже шведский король Юхан III в XVI в. хотел иметь выход к морю, т. е. вплоть до Белого моря. В 1800-х гг. Александр I передвинул границу к другому морю, т. е. к Ботническому заливу. Когда рухнула Российская империя и большевиками был провозглашен принцип самоопределения народов, многие в Финляндии сочли, что это касается и их. Подразумевалось, что это затрагивало также проживавших по другую сторону границы восточных карел. Намечавшаяся в 1900-х гг. «Великая Финляндия» означала бы перенос границы к Белому морю, но политическая конъюнктура этого не позволила. Во всяком случае, Тартуский мир 1920 г. провел государственную границу России в очередной раз далеко восточнее относительно «естественного» Ботнического залива, снова туда же, где граница культур фактически существовала уже столетия, оставив восточных карел под «подолом» России.

Мысль о единстве финнов и (восточных) карел возникла где-то в середине позапрошлого столетия, став в начале 1900-х гг. новой значительной идеей, имевшей политические последствия. Ранее это единство вовсе не было аксиомой, если даже кто-то считал его действительно существующим.

Генетическое единство финнов и восточных карел в свое время считалось очевидным, хотя современные генетические исследования приводят нас к тому выводу, что даже в Финляндии нет общей

генетической финской нации, не говоря уже о том, что есть некое генетическое «угро-финское» единство. Очевидно, известное генетическое единство имеется, скорее, между восточными финнами и восточными карелами, чем между вообще финнами и восточными карелами.

В Финляндии почти не известно, что в России вообще считается, что великорусский народ образовался от слияния славянских и финских племен. Мы, таким образом, с русскими братья по крови. Древняя история России, описанная в хрониках Нестора («Летопись временных лет»), рассказывает, что когда на Русь были приглашены варяги, то их пригласили чудь, словены, кривичи и вепсы (весь). Иными словами, в образовании русского государства участвовали два финских племени, из которых одно было упомянуто первым и, возможно, было инициатором. Без преувеличения можно констатировать кровное родство финнов и русских, в частности, генетики наблюдают общие элементы, имеющие распространение на территории севера по все стороны границ Швеции, Финляндии и России. С другой стороны, различия между восточной и западной границами Финляндии, кажется, в генетическом отношении более существенны, чем различия с живущими за восточной границей соседними народами. Быть может, граница между востоком и западом проходит в тех краях, где проходила граница Ореховецкого мира, который разделил Финляндию на территории черствого и мягкого хлеба. На самом деле эта граница может восприниматься как пространственная граница мировых культур: на востоке говорят (говорили) о «(т)чаечке», когда речь шла о чае. Слово *cha* восходит к временам китайских мандаринов и пришло в Восточную Финляндию через Россию. На западе же говорили о *tee*, что восходит к обычному словоупотреблению китайского Кантона, и, разумеется, было привезено на английских парусниках или собственно финских судах в Европу, а оттуда в балтийские порты.

Но значение этой границы не стоит преувеличивать. Подлинная разделяющая людей граница в целом проходила там, где менялись сферы власти государств и где столетиями сохранялись вероисповедные различия и различия в подданстве. Финский профессор Матти Клинге сформулировал мысль о двух Финляндиях, из которых одна была морской и на западе ориентированной на Стокгольм Финляндией, вторая же — восточной Петербургской Финляндией. У этих двух Финляндий, по мнению Клинге, не было очень много общего до того, как железные дороги создали физическую связь, а народные школы — дух. Взгляд Клинге интересен

и во многих отношениях плодотворен, но если внимание сосредотачивается на этой границе и о существовании восточной границы Финляндии забывается, то определенно недооценивается та стена, которая отделяла Финляндию от Востока. По сравнению с ней разница между Восточной и Западной Финляндией или же между Финляндией и Швецией — ничтожна.

Однако если размышлять именно об объединяющих людей факторах и искусственности политических границ, то можно констатировать, что финны и проживавшие по другую сторону границы карелы и русские были (и остаются) объединены многими другими факторами, помимо природы и генетики. Природа, со своей стороны, диктовала те способы деятельности и формы культуры, которые находили применение по обе стороны границы. Способы ведения сельского хозяйства, жильё, побочные промыслы и даже культура еды на этих северных землях формировались схожим образом. Жители Финляндии, прежде всего, Восточной Финляндии и Северной России, не найдут ничего нового и удивительного, посещая этнографические и краеведческие музеи соседей.

В Восточной Карелии финнам, кроме того, покажется знакомым язык. В северной части Восточной Карелии говорят на так называемом настоящем карельском языке, который довольно близок к нормальному финскому и вполне понятен финнам. Южнее, на восточной стороне финской границы говорят на олонцеком диалекте карельского языка, на так называемом ливском языке, который более далек от финского, но все же он явно настолько близкий родственный язык, что его можно считать наречием финского языка, как раньше и принято было делать. Проблема скорее в определении, чем в объективном характере различия.

Даже если учесть эти естественные объединяющие факторы, все же более заслуживает внимания то, насколько резка и высока, все-таки, граница между Финляндией и Россией на протяжении всей истории. Восточную границу Финляндии, которая за исключением чуть менее сотни лет была северо-западной границей России, с полным основанием можно считать именно границей Востока и Запада, она в действительности была таковой. Раскол христианской церкви на восточную и западную в 1054 г. постепенно перерос также в политическое противостояние государств, находящихся под их «подолом». Западная, т. е. католическая церковь относилась временами к восточной, т. е. к православной церкви как к врагу Креста, сравнимому с язычниками и мусульманами. Отношение восточной церкви к католицизму, а позже к протестантизму было схожим,

даже более жестким. Характерно, что национальный герой России святой Александр Невский приобрел свою славу благодаря тому, что спас Русь и ее православную веру, одержав победу именно над исповедующими католицизм врагами — как над немецкими рыцарями-меченосцами, так и над шведами; а не за победу, например, над язычниками, а позже мусульманами — монголами и татарами, с которыми он даже заключал союзы. В этом случае возможные границы диктовались тем обстоятельством, что он этими последними ничего не достиг на этом направлении, т. к. сражениям предпочитал политику приспособления, которая может быть сравнима с известной позже у нас «финляндизацией».

Во всяком случае, именно Александр Невский удостоился чести стать символом России при голосовании по проекту «Имя России» в 2008 г. Таким образом, он, сражавшийся против западного мира за свою веру, символизировал Россию. Образ героя можно оценивать как оборонительный и отражающий блокадный менталитет русских. Если Финляндии опасность всегда грозила с востока, Россия испытывала угрозу со всех направлений.

В Средневековье и еще в XVII столетии, а на самом деле до XIX в. религиозные преграды были исключительно важны на государственном уровне. На уровне народных масс это явление существовало еще в XX столетии. До Петра Великого Московская Русь была закрытой страной, которая верила, что является единственной представительницей чистой христианской веры, не признавала крещения католиков и протестантов. Иначе говоря, те не считались правильно крещенными. В России считали иностранцев или немцев «нечистыми», их право передвижения было ограниченным. В Москве они жили в собственном «гетто», в Немецкой слободе. Православный русский не мог в XVII столетии даже есть в обществе немцев, не говоря уже о том, чтобы пригласить его в свой дом. Заразительное влияние «неверных» требовало освящать заново те места, которые они осквернили своим присутствием. Русские не могли свободно выезжать в другие страны, в которых, как они считали, научиться было нечему, за исключением ереси и пагубных обычаев. На Западе русских считали в целом коварными, т. к. западный еретик не являлся, с точки зрения русского, полноценным человеком и клятва для него не была святым делом.

Некоторые исследователи отмечали, что именно вера наиболее эффективно разделяла народы в культурном отношении. Общность веры ведет к тому, что родственные связи общества ориентируются на один вероисповедный круг и кровные связи с исповедующими

иную веру соседями прерываются. Если еще принадлежность к одному государству диктует соблюдение жестких религиозных границ, то возникает пропасть, которую почти невозможно преодолеть, хотя люди могут говорить на одном языке. В силу этого в тот период государственные противоречия приводили к войнам между соседями и уничтожению. Хорошо известна, например, ситуация на Балканах.

Именно так произошло между входившей в состав Швеции Финляндией и ее соседом на востоке — Россией. Разрушительные пограничные войны велись в течение столетий. С запада нападали на русские деревни и монастыри, с востока проникал сжигающий и убивающий все неприятель. Ни одну из сторон нельзя считать милосерднее другой, хотя с российской стороны у пришедших был исключительный обычай уводить инаковерующих в рабство, даже для продажи на рынках Востока. Изучавший приграничные территории в период XVII в. Киммо Катаяла констатирует: ничто не указывает на то, что говорившие на одном и том же языке по обе стороны границы испытывали какое-то чувство солидарности. Кроме этого, не говорили о финнах или карелах. Православных карел именовали русскими, а католиков или, позже, лютеран — «шведами» или «немцами». Последний термин используется и ныне в отношении жителей Германии. Название определяло именно вероисповедание, не язык. Основанный на языке способ определения родовой принадлежности приобретает значение только у национальных романтиков XIX в., простонародье не часто могло следовать ходу их мысли.

Шведское государство, став в XVII столетии великой державой, потеряло свою религиозную гомогенность. Кексгольмская губерния и Ингрия, присоединенные к Швеции по Столбовскому миру 1617 г., были населены православными карелами и ингерманландцами. Перед ортодоксальной шведской лютеранской церковью был теперь поставлен исключительно важный религиозно-политический вопрос: являются ли новые подданные крещеными или их следует заново крестить в христианской вере? Защищенная Юханнесом Бутвидом в 1620 г. академическая диссертация дала облегчающую дело информацию — нового крещения не требовалось.

В любом случае считалось важным, в духе Лютера, чтобы новые подданные стали причастны к «чистой» проповеди слова Божьего, и поэтому их обязали содержать лютеранских священников и посещать лютеранское богослужение, хотя они и могли сохранять собственную православную веру и святилища, как это было оговорено в мирном договоре. Хотя, таким образом, нельзя говорить

о настоящем религиозном гонении, отношение новых подданных к новой лютеранской родине формировалось отнюдь не добровольно. Это стало очевидным в тот период, когда православные в 1656–1658 гг. во время так называемой Войны разрыва¹ подняли массы на поддержку русской стороне, а потом, избегая естественной в этом случае мести, перешли восточную границу.

Православные Карелия и Ингрия образовывали вместе со Швецией единое целое, они не были присоединены к Финляндии, а управлялись в качестве отдельной от Финляндии провинции. В XVII в. притесняемые православные ушли в Россию, освободив место для лютеран-саволакцев, которые прибывали во множестве в Северную Карелию и в Ингрию. Причиной было как бегство во время войны 1656–1658 гг. представлявших «пятую колонну» православных, так и «тяга Новгорода», которую исследовал профессор Пентти Лаасонен. Новгородская земля предлагала желающим на выгодных условиях землю, и православные охотно переезжали сюда ради нее, а также восточнее — в тверские земли, где сформировалась значительная концентрация карел, так называемая Тверская Карелия. Уехавшие из Финляндии лютеране, со своей стороны, сформировали заграничное меньшинство в Ингрии — после того, как при Петре Великом в 1721 г. туда была перенесена граница и где она почти там же проходит и сейчас. Численность как финнов в Ингрии, так и тверских карел перед русской революцией достигала полутора сотен тысяч.

Те православные, которые остались на месте, сформировали затем православное меньшинство в Финляндии, которое было административно интегрировано в Финляндию только в начале XIX в., когда так называемая Старая Финляндия была объединена в 1812 г. с Великим княжеством Финляндским. Следует помнить, что по Столбовскому миру 1617 г. присоединенная к Финляндии территория была в собственно шведской Финляндии на особом положении, на таком же, как первая была по отношению к Швеции. В 1721 и 1743 гг. мирными договорами она была отделена от новой метрополии.

Духовная интеграция была довольно медленной, и факторы трений во множестве проявлялись еще в XX в. Во всяком случае, финляндская православная церковь вышла из-под юрисдикции Московского патриархата в 1923 г., т. к. это стало возможным благодаря независимости Финляндии. В церковных кругах уже

¹Русско-шведская война 1656–1658 гг.

в конце XIX в. дали о себе знать поддержка феннизации и противостояние русификации, что, говоря иными словами, свидетельствовало о том, что национальная идентичность становилась важнее идентичности религиозной. Граница между Финляндией и Россией стала еще более конгруэнтной с политической границей.

Отношения же между лютеранской и православной церквями в Финляндии не были, однако, сердечными. Ещё во время войны-продолжения (1941–1944 гг.) проведенные в захваченной Восточной Карелии массовые крещения в лютеранство вызвали гнев у православных. По распоряжению ставки они были быстро запрещены. Предубеждения во многих краях вызвала также православная вера переселенных карел. Можно, следовательно, констатировать, что положение инаковерующих на «неправильной» стороне границы не было беспроблемным и в Финляндии.

Со своей стороны, ингерманландцы также могли исповедовать свою веру, находясь под властью России. Их положение со времен Петра Великого в религиозном отношении было даже легче, чем положение православных в Финляндии. Петр создал из старой России, известной под именем Русь, современную многонациональную империю — Всероссийскую империю, и принял титул императора, цезаря. На территории Старой Финляндии в силе были старые шведские законы в двух версиях — в зависимости от того, была эта территория присоединена к России в 1721 г. или в 1743 г. Ингерманландцы получали священников из Финляндии, а учителей из Колпанской семинарии. Таким образом, о духовной и личностной стороне оказывалось попечение, хотя по сравнению с бывшей метрополией жизнь часто была тяжелой, когда население оказывалось в положении «дарованных» крестьян, права которых для помещиков были несущественными. Ситуация была близкой к крепостному рабству.

Со времен Петра Великого Российская империя в духе просвещения начала одобрять многообразие на новых территориях (иначе обстояло дело в централизованной Московской Руси). Помимо ингерманландцев в России имелось много других лютеран, в основном в Прибалтике. Кроме того, у императора были в числе подданных католики, мусульмане, евреи, а со временем и подданные-буддисты.

Религиозные гонения начались в России по-настоящему только после революции, и как спланированная кампания они проводились в связи с коллективизацией села, особенно в 1930 и 1931 гг., когда огромное число так называемых кулаков было выселено из родных мест. Во второй половине 1930-х гг., в связи с так называемым

мым Большим террором, ингерманландцы, как и другие меньшинства, утратили все национальные культурные права, в том числе и религиозные. Священников уже не допускали¹, церкви закрыли. Ситуация изменилась только после краха коммунизма.

Осуществлявшиеся большевиками религиозные гонения были, однако, только уродливым проявлением того самого процесса модернизации, который уничтожал значение веры и с западной стороны границы. Так или иначе, в XX в. тысячелетняя религиозная граница между Финляндией и Россией утратила свое значение как в отношениях между государствами, так и внутри них. На время разделителем стала идеология, которая была более фанатична, чем когда-либо вера.

¹ Для приезда из Финляндии лютеранских священников в ингерманландские приходы на территории СССР требовалось разрешение советских властей. С конца 1920-х гг. разрешения уже не выдавались.

III

Часть Запада на Востоке

Когда оказались финнами

«Мы не шведы, русскими мы стать не можем, так будем же финнами!» Этот всем известный лозунг обыкновенно приписывают А.И. Арвидссону, хотя, как выяснил, например, Макс Энгман, эта честь принадлежит графу Г.М. Армфельту. Но мало того, что финны сами решились стать финнами. Цитируемый М. Энгманом А.Ф. Пальмгрен писал, что сам «император хочет сделать нас счастливыми и настоящими финнами».

Что это означало на практике, оставалось тогда, в начале XIX в., еще неясным. Густаф Мауриц Армфельт писал в 1811 г. о некоторых соотечественниках, называя «canaille тех, кто не желают быть финнами, но считают себя русскими или шведами и тем самым отказываются от собственной родины». «Canaille» в языке того времени было исключительно сильным выражением, и его использование в отношении благородного человека могло повлечь наложение судом значительных штрафов. Что тогда вытекало из требования «считать себя финнами»? Разумеется, под этим имелся в виду отказ от шведской идентичности, но тогда еще оставался вопрос, как следует относиться к этническим русским и русскому языку или к настоящим этническим финнам и финскому языку. Те господа, которые сменили свою идентичность, были, конечно же, шведоязычными.

Во всяком случае, Александр I создал рамки для финского патриотизма, который обладал собственным своеобразием. Великое княжество дало своего рода государственное бытие новой национальной единице, в которой русский был почти неизвестным языком, шведский — исключительно разговорным языком интеллигенции, а финский — языком простонародья, который господа во многих случаях понимали только при помощи переводчика.

Но каково было отношение финнов к России и чем оно стало? В начале периода автономии с готовностью признавали, что финны жили в России, которая в Финляндии выступала, прежде всего, в образе императора, долг признательности и уважения вызывался добрым и благородным обращением. Однако финны не «могли стать» русскими, не желали этого, вне зависимости от того, говорили ли они по-фински или по-шведски. На чем основывались антипатия и страх?

В своем превосходном исследовании Кати Катайисто пишет о «проведении отличия от варварской России». Для исследователя более поздних времен может оказаться неожиданным, что прославлявшую в XVIII в. философию просветителей Россию еще в начале следующего столетия считали «варварской» даже в кругах шведского дворянства, у которого за границей было немало как немецких, так и знавших шведский язык образованных братьев по сословию, и которое, кроме того, издавна следовало традициям французского Просвещения, как и его говорящие по-русски братья по сословию.

Речи о «варварстве» России были, во всяком случае, в то время, нормальным явлением, и это интересовало даже Наполеона, у которого, правда, для этого имелись собственные причины, и который как военачальник определенно подбрасывал в этот стеклянный шкаф камни.

Как следует из книги Катайисто, дворяне видели в России недостаток свободы и «азиатский» деспотизм. В 1808 г. многие из шведских офицеров считали за лучшее умереть, чем стать русскими. Так думал даже Густаф Мауриц Армфельт, который, правда, вскоре изменил свое мнение. Георг Магнус Спрентгпортен сделал выбор в пользу русскости еще ранее, но его ненавидели и презирали повсеместно, как показывает в своей книге Катайисто. Материалы Катайисто позволяют также понять, как много вкладывали в сохранение «свободы». Особый восторг вызвало благородство российского императора, когда он воздержался от положения

деспота в Финляндии и позволил финскому дворянству остаться гражданами. Тем самым «свободные мужи Швеции», не утратив своей чести, могли приобрести новую родину как граждане Финляндии в подданстве императора.

Когда Александр еще воссоединил с новым «Финляндским государством» Старую Финляндию, т. е., если так можно выразиться, вернул ему Карелию, появились основания для цитируемого Катайисто высказывания К.Ю. Валлена: «То, что только что завоеванная страна смогла испытать от российской власти, не имеет примеров в мировой истории, и подобных примеров, пожалуй, никогда и не будет».

Не считая увлеченности императором и почитания его, которые можно назвать просто поклонением, отношение к России сохранялось, однако, резко отвергающим. На этом сказывались те бесчисленные войны, театром которых становилась Финляндия в историческое время. Русофобия как таковая ни в коем случае не была в 1917–1918 гг. новостью, а скорее давней финляндской традицией. На протяжении столетий можно найти немало свидетельств в исторических источниках. Герб Финляндии — отнюдь не случайный образ борьбы Востока и Запада. Геральдический пафос являет нам попирающий восточную саблю победоносный Запад, но действительность была более мрачной. У воинской славы, кроме того, имелась тогда также горькая цена. Другое дело, что отношения между финнами и русскими в 1800-е гг. нельзя называть «ненавистными». Скорее всего, речь шла об отчуждении. Граница все еще разделяла стороны как в физическом, так и в культурном отношении. На финляндской стороне границы поддерживался также страх, и уничтожение дающей защиту границы было самой ужасной из картин.

Страх и неприятие, направленные на Россию и все русское, были, в целом, неопределенными и не анализируемыми. Повествующая о насилии традиция сохраняла их и связанные с ними представления о бесправии простого народа и произволе господ в России, которые имели во многом более острые формы, чем в Финляндии. Православная вера, которая оказывала свое влияние на многих уровнях, выделяя финнов-лютеран в собственный жизненный круг, являлась важным разделяющим фактором, который также препятствовал бракам, хотя и не делал их невозможными.

В Финляндии осознавали, что это новое и во многих отношениях ранее не слыханное выгодное положение, которое Великое

княжество получило по милости императора, было по природе своей уязвимо. Отношения с Петербургом были вопросом судьбы Финляндии. Они должны были осуществляться на самом высоком уровне и удерживать российскую бюрократию вдали от финляндских дел. Поэтому о Финляндии нельзя было слышать, с точки зрения монарха, ничего плохого или сомнительного.

В этом великолепно преуспевали на протяжении десятилетий. Финские бюрократы были святее папы римского, и жесткая цензура не позволяла винить в бедах страны Петербург, лишь нашу собственную «реакционную» бюрократию. Все попытки сопротивляться ограничениям свободы, не говоря уже о либеральных или напоминающих движение за независимость идеях, резко отвергались со всех сторон, т. к. осознавали, что подозрение монарха может привести к утрате всего. Польша в этом отношении была хорошим примером и наглядным уроком. Более мудрым было бы, скорее, послать своих немногочисленных солдат подавлять восстание в Польше и решительно отвергать домогательства анархиста Михаила Бакунина, чем предпринимать что-то, пассивно или активно сопротивляясь тем политическим направлениям, о которых было известно, что их поддерживает император. В этой политике можно увидеть прообраз линии Паасикиви и Кекконена. Паасикиви сам поддерживал эту тактику еще во времена автономии и после Второй мировой войны оживил старые принципы.

Во второй половине XIX столетия в Финляндии возникает четкое разделение по вопросу, что означает быть «финнами». Численно возросшая группа считала, что речь должна идти об учете интересов говорившего по-фински большинства народа. Небольшое, но очень влиятельное меньшинство верило в собственную шведоязычную культуру, и благополучие ее носителей было для них достаточно благородным делом в качестве государственной цели Великого княжества.

Как известно, во времена Александра Второго, а частично и ранее, русские начали поддерживать движение фенноманов, которое рассматривалось как противовес господству шведоязычного класса, лояльность которого в принципе считалась спорной. Правда, Швеция входила в число первых государств Европы, хотя ее мощь после XVIII столетия и пошла на убыль. Шведы, бесспорно, были культурным народом, создавшим государство. На деле общим мнением было то, что именно они, под именем варягов, основали также и Русское государство.

Финские племена, напротив, никогда не создавали государства, что можно считать научным фактом, и вывод о неспособности финского народа в этом отношении казался бесспорным. Николай Данилевский и некоторые другие славянофилы открыто провозглашали эту мысль и заявляли, что финны сами по себе были в истории «этнографическим материалом», вспомогательным материалом для создающего более высокую культуру народа. Такими народами были как шведы, так и русские, но Швеция как маленькая страна не могла позволить финнам этнографическую самостоятельность, в отличие от России. Поэтому в интересах финнов быть благодарными России, в единстве с которой находятся все другие финно-угорские народы, за исключением далекой венгерской ветви.

Воодушевленное Снелльманом движение фенноманов отнюдь не разделяло такого мнения, но с радостью ухватилось за протянутую русскую руку и вступило в борьбу против особых прав высшего, говорившего по-шведски класса. В то же время яростно осуждали все возможные отклонения от строгой верности императору. К этому проявили склонность шведоманы как уже во время Крымской войны, так и позже во многих других отношениях, в частности во время афганского кризиса 1885 г., когда, как казалось, была угроза войны между Россией и Англией.

Под руководством Снелльмана движение фенноманов одержало красивые победы, и уже в 1863 г. в монаршем рескрипте было дано обещание в течение двадцати лет уравнивать в правах финский язык со шведским. Это в те времена было весьма радикальной идеей и ее осуществление вызвало бурные страсти.

Со стороны немногочисленного финского дворянства отторжение русского духа было в XIX в. явно гораздо меньшим, чем у других слоев общества. В многонациональной России высший класс был космополитическим, и особенно немцы, хотя в большинстве они и были лютеранами, чувствовали себя в ней как рыба в воде. Выгодные должности в России и предлагавшиеся в ней возможности для коммерческой деятельности были для многих финских «соотечественников» нестерпимым искушением. Российская аристократия, «высший свет», была намного более роскошной, чем родное финское дворянство, убогий образ жизни которого удивлял Фаддея Булгарина во время Финляндской войны.

Очевидно, что Россия была для образованных финнов соблазном, искушением. Что плохого было в том, чтобы поставить свои способности на службу государству, к которому *ipso facto* в любом

случае принадлежали? Почему плохо учиться русскому языку и русским обычаям? Источники предлагают достаточно свидетельств того, что этого избегали. В диссертации Кари Кетола убедительно показано, насколько экзотичным было отправиться в Россию учиться русскому языку и насколько суровое неодобрение и подозрения в оппортунизме это вызывало на протяжении всего периода автономии.

Кроме того, сказывалось вышеупомянутое ужасавшее представление об окончательном смещении, «утоплении в море народов России». С этим определенно напрашивались коннотации о более низкой ступени развития российского общества, царивших в нем произволе, нецивилизованности, непристойности и лживости. Это были давние клише, которые и в России отлично знали и еще знают. В то время было обычным, то что вокруг виделось, объяснять вытекающим из существа дел. Русский не мог читать, потому что он был русским; по той же самой причине финн не мог основать государства, потому что был финном; или женщина не могла выбрать свободные профессии, потому что была женщиной. Аргументы могли считаться научными: история доказывала, что так всегда было.

Финляндию, как на краях страны, так и внутри нее, от России отделяла высокая граница. Присоединение в качестве Великого княжества к империи едва ли понизило ее. Финны, пожалуй, стали только более осведомленными о деле, когда появилась возможность полного и судьбоносного уничтожения этой границы.

Во всяком случае, фактом является то, что русский язык остался в Финляндии на положении пасынка, в пренебрежении, что, до некоторой степени, было, правда, исключительным в империи. Несмотря на предложения Армфельта и прочих государственных мудрецов, финны не учили русский язык, но, напротив, считали достойным чести поступком не учить его — в этом случае ужасная картина ассимиляции становится делом еще более далекого будущего. Принадлежность к России предлагала некоторые выгоды, по крайней мере, потенциально, но стремление к ним могли истолковывать как несущее риск будущему родины.

Исходя из этого, становится понятной знаменитая застольная речь Аугуста Альквиста, в которой он проклял как изменников тех, кто отправился в Москву стипендиатами изучать язык метрополии. Стипендии расценивались как сребреники Иуды, и московские магистры назывались иногда «кандидатами в министры статс-секретари», ведь в расположенном в столице статс-секретариате требовалось владение русским языком, на родине — почти нигде.

Принятие себя финном в том смысле, что следует отказываться от всего русского, явно не доставляло новым подданным императора каких-либо мучений. Отношение ко всему шведскому было намного более жгучей проблемой, и в кругах финляндских шведов в те дни испытывали горечь по отношению к Снелльману, который соблазнил многих соплеменников пожертвовать родным языком ради финского и финскости.

Вклад финляндских шведов в создание финскости был незаменим. Без Рунеберга и Топелиуса представить финскую идентичность затруднительно. Снелльман и Юрьё-Коскинен перешли к финскости более или менее полно. Даже труд настоящего финна Лённрота не был бы возможен без выстраивающего эту финскость круга говоривших по-шведски людей, в котором он действовал. Финская интеллигенция рождалась медленно и мучительно. В этом труде «фенноманы» вначале действовали согласованно, вне зависимости от того языка, на котором говорили. Существенным было служение народу, его введение в сферу культуры, как в целом понималось это дело еще в тот период, когда отцы-основатели финской идентичности Рунеберг и Топелиус вершили свой труд. Выдвинутое Снелльманом требование было радикальным: «один язык, один ум». Оно вызывало спор, неспроста в этой связи говорилось о «красности». Языковая борьба временами обострялась до крайности и отравляла отношения финнов десятки лет. Это определено не было видением будущего как Топелиуса, так и Рунеберга.

Что касается русской стороны, она оказалась в споре двух третьей, пожинаяющей плоды, стороной, *tertium gaudens*¹. Но сражавшиеся со шведоманами фенноманы держали дистанцию с русскими. Очень символичным представляется описание Арвидом Ярнефельтом Юрьё-Коскинена, позже возведенного императором в дворянство основателя партии фенноманов, который на вечерних приемах стремился уклониться от беседы с генерал-губернатором Гейденом, и который смеялся постоянным искусственным смехом фенноманов.

У движения фенноманов не имелось никакого намерения быть верными посылными русской культуры. Отношение к России определялось чистой политикой. Во второй половине XIX в. уже родилась финская идентичность, выстроенная в основном на созданной Рунебергом и Топелиусом основе. Она замкнула в себе как

¹Третий радующийся.

шведоязычную, так и финскоязычную культуру, обе были объединены идеей о финской нации и ее истории, которая теперь развивалась в рамках самостоятельной государственности и обособленно как от Швеции, так и от России.

Новозавоеванная страна глазами русских

Несмотря на презрение Наполеона, Россия в начале XIX столетия в значительной степени была страной европейской. В Петербурге о парижской моде знали намного лучше, чем в Финляндии, да и жили более роскошно. Более величественные дворцы трудно было найти в Европе, только разве в Париже или в Вене. Многие русские в то время чувствовали себя за границей как дома, хотя клише об очень богатом и в совершенстве владеющем французским языком расточительном русском появляется лишь несколько позже, когда стало возможным путешествовать по железной дороге.

Российская империя была не только многонациональной, но также и подлинно космополитической. Уже со времен Петра Великого в ее армии были широко представлены иностранцы. Помимо являвшихся ее подданными прибалтийских немцев в армии служило множество офицеров — швейцарцев, шотландцев, немцев и англичан, а также итальянцев и голландцев.

Представители голубой крови высшего дворянства, князья были по ту сторону границы обычным явлением, но по эту сторону — довольно большой редкостью. Великосветскому миру придавали дополнительный блеск имевшие западноевропейские корни герцоги, принцы и маркизы, не говоря уже о графах и баронах. В сражении под Руотсинсалми с российской стороны эскадрой командовал принц Нассау-Зиген¹, а легкой гребной эскадрой — итальянец граф Литта. Француз маркиз де Траверсе² был рекомендован Нассау-Зигеном Екатерине II и являлся, между прочим, начальником Роченсальмской крепости, т. е. нынешней Котки. Главнокомандующим российскими войсками был Михаил Барклай-де-Толли, предки которого были шотландцами. В его частях служил, между прочим, маркиз Паулуччи, род которого,

¹ Адмирал Карл Хенрик Николаус Отто Нассау-Зиген (1743–1808).

² Иван Иванович де Траверсе (Жан Батист Прево де Сансак, маркиз де Траверсе) (1754–1831).

по свидетельству Фаддея Булгарина, принадлежал к старейшим и знатнейшим родам Модены. Буксгевден, Сухтелен и многие другие принадлежали к западноевропейскому дворянству и были космополитами по своему духу. Они участвовали в наполеоновских войнах и видели иной мир, а не только Саво и Похьян-маа, куда велением времени забросила их судьба.

Хотя и на западной стороне фронта в густавианскую войну имелись представители высшего света королевства, включая самого короля и его брата герцога Сёдерманландского, это была особая война. В мирное время высшее дворянство Швеции прочно обосновалось к западу от Ботнического залива, а на востоке сливки империи осели в Петербурге и его окрестностях, в непосредственной близости к финнам.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на это, «свободные люди Швеции» испытывали довольно большое предубеждение к представляемой российской армией цивилизации. Кроме высшего офицерства в воинские части восточного соседа с течением времени влились самые разные народы: от татар и башкир до казаков и калмыков. Дух командования этой национальной пестротой в общем существенно не изменился, происходившие с Запада командиры со времен Великого лихолетья не всегда могли быть особенно гуманными. Во время войны Густава III в российской армии имелась башкирская кавалерия, вооруженная луками и стрелами, и когда Булгарин живописует, как донские казаки закалывали на смерть плененных в Саво егерей, он замечает, что это было приуще тогдашним казакам.

Правда, в Финляндии российские и шведские офицеры могли во время войны даже обедать за одним столом, и некоторые из них во время похода посылали друг другу табак. Но это скорее свидетельствует об обычаях времени и некотором кокетстве, чем о том, как финны в действительности относились к появившимся на их родине захватчикам. Полковой проповедник Карл Юхан Хольм свидетельствует, что егеря в Саво унаследовали ненависть к русским «с молоком матери», и описывает общие трапезы врага как неприятное зрелище.

Любопытную точку зрения на эту проблематику предлагает нам современник Фаддей Булгарин, сочинения которого были позже переведены на финский язык. Но сначала следует сказать несколько слов о самом Булгарине.

По происхождению Булгарин был поляком (Tadeusz Bulharyn), современником Пушкина, Рунеберга и Якова Грота. Он был отмен-

ным знатоком петербургских светских кругов и хорошо информированным в иных областях человеком. Враждебность проявлялась в том, что Булгарин принадлежал к тому кругу людей, к которому очень благосклонно относился император, его считали доносчиком на своих свободомыслящих коллег. В России времен Николая I это было верным способом снискать ненависть на свою голову тех, кто, как и Пушкин, тайно разделяли традиции свободы декабристов. Что касается личной биографии Булгарина, то он совершил кульбит — из российского патриота стал поддерживающим Наполеона польским патриотом, а затем снова российским патриотом. То же произошло и с его верой — из католика он стал православным, и злые языки утверждали, что его мать хватил удар от такой измены отечеству.

Булгарин принадлежал к ведущим писателям, представлявшим т. н. «официальный патриотизм»; он трудился в петербургской газете «Северная пчела», в которой обосновывалась исключительность самодержца и также писалось о том, как благополучно осуществлялись русификация и почитание императора в Финляндии. Пушкин увековечил Булгарина убийственной эпиграммой, и имя его могущественного врага стало ругательством — Фиглярин:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Видок¹, основатель французской тайной полиции — *Surêté* — являлся в то время символом подлеца, обряженного в мантию служителя законности. Поговаривали, что Булгарин был шпионом или, как говорили позднее, — «стукачом». Российская интеллигенция всегда их особенно ненавидела, но этого наши самые рьяные русофилы никогда не понимали.

Когда недоброжелатели в конце XIX столетия нападали на Финляндию, то с сарказмом говорили, что Булгарин точно станет национальным героем Финляндии, если страна когда-нибудь приобретет независимость. В такой степени, видите ли, этот подлец заискивал перед другими подлецами — чухной.

¹ Франсуа Эжен Видок (1775–1857) — основал в 1810 г. парижскую криминальную полицию («Сюрте» — «Безопасность»).

Как друг Финляндии Булгарин именно благодаря своей «славе» остался в то время вне круга русских друзей Финляндии — круга Якова Грота и Петра Плетнева. В связи с торжествами по случаю двухсотлетия Александровского университета его не пригласили на устраиваемый русскими коллегами обед и не предложили участвовать в юбилейном сборнике, как утверждает Марья Итконен-Кайла. Из переписки Грота и Плетнева явствует, что они опасались Булгарина.

Несмотря на все это, в финских публикациях, касающихся Булгарина, присутствует очень большой интерес. Во всяком случае, он был попидавшим мир человеком, который писал под собственным именем о достойных упоминания личностях, он не привирал. Прежде всего, воспоминания Булгарина о войне в Финляндии показывают его как симпатичного и благородного человека, но то же самое можно сказать в целом и об его описании противника, шведов по другую сторону границы, т. е. финнов. В обоих случаях, правда, присутствуют элементы преувеличения, дает о себе знать то, что он писатель.

Как свидетельствует Булгарин, во время финской войны отношение финнов к русским было прохладным, если не враждебным. «Столетние войны с Россией и варварский обычай ведения войны в прежние времена укоренили в финнах предвзятость к русским. Нас считают дикими людьми, почти людоедами, кровожадными и коварными, никак не хотят верить, что мы европейцы по своей культуре. Все хорошо воспитанные офицеры считаются иностранцами или иноплеменными подданными России...».

В Финляндии жили сурово: «Ни в какой стране не живут так скромно и умеренно, как состоятельные люди живут в Финляндии в это время... Почти все здания из дерева и очень простые... бронзовые украшения мебели из красного дерева, которые тогда были в моде по всей Европе, я видел всего пару раз. Паркетные полы в это время в Финляндии вообще не известны».

Булгарина удивляло также то, что богатые и бедные ели одно и то же: солонину или соленую рыбу, хлеб и квас. Водку пили все, а на побережье еще и кофе. Наиболее зажиточные люди на пирах пили выдержанные испанские и португальские вина. У крестьян Похьянмаа мог иметься клавесин и библиотека, и они жили в чистых двухэтажных домах, что было доказательством значительного благосостояния этого сословия. Как бы то ни было, из описания Булгарина возникает впечатление сурового и просто аскетического образа жизни, в котором нарядность и богатство не существуют или не демонстрируются.

Жители Финляндии с моральной точки зрения были безупречными, но очень своеобразными людьми — замкнутыми и недоброжелательно относящимися ко всему чужому. Культура с трудом проникала в глушь Финляндии. В Каяни, Саво и Карелии люди были *«до дикости некультурными, суеверными и мстительными»*. У финнов имели авторитет только священники, говорившие на их же языке, приобщившееся европейской культуре, самое культурное духовенство в Европе.

Сопротивление народа и вспыхнуло, подогреваемое духовенством, став со временем опасным движением, которое напоминало народную войну в Испании против войск Наполеона. Булгарин мог также видеть со стороны финнов исключительную враждебность, но не только ее: *«По правде говоря, мне также следует упомянуть, что женский пол, особенно принадлежащий к среднему классу, в отличие от мужчин не ненавидел нас, и что любовь вообще позволяла тогда в Финляндии много такого, что запрещает строгая мораль. Но следует также сказать, что в обособленной и холодной Финляндии было так мало развлечений и забав и все было так однообразно и скучно, что жизнерадостным красавицам было трудно воспротивиться искушениям любви. Противовесом этой слабости являются, однако, тысячи отменных качеств...»*.

Как известно, русские устраивали танцы в тех городах, которые отступавшая шведская армия оставляла по пути на свою голгофу. Когда пропадало ощущение ужаса, многие девицы начинали проявлять интерес к видным русским, соперники которых теперь были из игры. Булгарин описывает эти отношения в основном как рыцарские, хотя следует напомнить, что литературное творчество диктует особенности стиля и содержания произведения. Описание Сары Ваклин подтверждает, впрочем, мысль, что русские оказались в значительной степени корректными и нередко приятными для финских девушек.

Булгарин также особо вдохновлен очарованием финских женщин. Он, однако, замечает, что *«все финляндские красавицы — шведки или из смешанных шведских семей. Финское племя не красиво. Об исключениях я здесь не говорю»*.

В усадьбе священника в Рауталампи Булгарин встретил также сверстника А.И. Арвидссона, с которым разговорился. Арвидссон восхвалял шведов, с чем Булгарин соглашался, но предложил решить борьбой, какая нация одержит победу. Арвидссон проиграл, и предчувствие поражения Швеции довело его до слез. Позже, однако, как мы знаем, Арвидссон принадлежал к тем, которые

рано стали стремиться к тому, чтобы пробудить в Финляндии собственное, отличное от Швеции национальное самосознание. Из-за своей деятельности он вынужден был уехать в Швецию, где Булгарин встретил его еще раз, и они горячо вспоминали о встрече в Рауталампи, как он пишет в своих воспоминаниях.

Булгарин принадлежал к кругу тех, по мнению которых, у Финляндии, нового владения империи, имелись великолепные перспективы, находясь под милостивым попечением самодержца. Нанесший быстрый визит в Финляндию в 1809 г. князь Павел Гагарин полагал, что ничто не объединяет финнов со Швецией и что сам их характер указывает на наличие известной симпатии к русским. Финны проявляли гостеприимство, любовь к ближнему и, по удивительной оценке Гагарина, даже откровенность в отношениях с теми, кого они считали своими друзьями. К врагам они выражали только ненависть, не давая прощения с легкостью.

Изменение многих клише при описании качеств финнов заметно уже у Булгарина, но они оставались в ходу и позже.

В 1829 г. Валентин Шемиот писал об исключительном хладнокровии финнов, их порядочности и патриотизме. Они были также весьма сообразительными и легко осваивали новое. Правда, склонность к пьянству оставляла добрые наклонности в тени. Как Булгарин, так и Шемиот оценивали финляндское дворянство как бедное. Низшее сословие было довольно образованным. Немного позже ставшие классическими описания финнов в книге Топелиуса *Maamme* вполне согласуются с описаниями русских, и даже русские стали их использовать.

Как показал в своем классическом сочинении Валентин Кипарский, в начале XIX столетия Финляндия была для просвещенных русских очень экзотической страной, в которой в духе времени находили оссианскую идиллию и суровую красоту. В этом преуспели, но на фоне бурной светской жизни Петербурга Финляндия с ее незначительными городами и бедным дворянством была лишь неинтересным уголком страны. Встречи с представителями высших слоев в целом, правда, свидетельствуют о доброжелательстве, даже в условиях войны. Предубеждения в отношении русских во время войны носили отрицательный характер во всех национальных слоях. Честный и законопослушный простой народ был довольно просвещенным, хотя угрюмым и мстительным. В народе видели определенную перспективу: умелая политика могла еще сделать их хорошими русскими.

Выстрел в ночи

«Прошлое России славно, ее нынешнее положение блестяще, а ее будущее превзойдет все ожидания», — такую оценку давал во времена Николая I глава III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и основатель корпуса жандармов России Александр фон Бенкендорф. Генерал Бенкендорф сам был представителем прибалтийского дворянства, родом из Эстляндии, но, как и многие другие члены его сословия, он вполне усвоил цель процветания государства, империи и тем самым и своего собственного сословия и родного края.

Бенкендорф символизировал ту идеологию *официальной народности*, суть которой лапидарно сформулировал министр просвещения Николая I граф Сергей Уваров в 1833 г.: «православие, самодержавие и народность!» Это было русской альтернативой французской триаде: «свобода, равенство, братство!» (*liberté, égalité, fraternité*). Эта идеология оставалась официальной доктриной Российской империи до 1917 г.

Россия, которая унизила возглавляемую Наполеоном общеевропейскую Великую армию и казаки которой вступили в Париж, переживала в начале столетия момент высочайшей национальной гордости. У Западной Европы России нечему было учиться. Запад был способен предложить только атеизм и революцию, он являлся деградирующим миром и, кроме того, был слабее России в военном отношении, а также менее ценным духовно. Светские круги Петербурга охотнее ездили в Кайвопуисто в Хельсинки, чем принимали ванны и пили воды Баден-Бадена, если они того хотели.

Как известно, желание власти было в России законом, и каждый устремленный в будущее человек принимал это во внимание, как маркиз Астольф де Кюстин констатировал в своей знаменитой книге о путешествии в 1839 г., в которой он описал Россию, особенно Петербург и его окрестности. К флиртовавшим с властями принадлежала также группа писателей, самым знаменитым из которых был Николай Гоголь, который, правда, скорее поддерживал систему из искренних убеждений. Наиболее неприятным из поддерживавших официальную доктрину «официальной народности» писателей был уже знакомый нам Фаддей Булгарин, который много писал также и о Финляндии.

Российская интеллигенция, появившаяся, по мнению многих, именно в это время, в 1830-е гг., всегда сохраняла дистанцию

по отношению к власти. Восстание декабристов было подавлено в 1825 г., а его руководители повешены, но их дух продолжал жить. Втайне идеалы свободы поддерживал Пушкин и круг его друзей, в который входил и представитель аристократии Петр Яковлевич Чаадаев, молодой офицер, который отличился во время войны с Наполеоном, но затем оставил службу и посвятил себя философии. Чаадаев принадлежал к тем очень редким в то время русским, которые на портретах запечатлены в гражданском платье.

Атмосферу в России 1830-х гг. уместно сравнивать с брежневским временем в Советском Союзе. Самовосхваление стало национальной верой. Запад был побежден в войне, там нечего было искать что-то хорошее. Русским было достаточно России, и она была пригодна и для других. В 1836 г. эта затхлая идиллия была разрушена событием, которое нередко характеризуется как «выстрел в ночи». Нарушителем мира и консенсуса стал Петр Чаадаев, который опубликовал в журнале «Телескоп» статью под названием «Философические письма».

Статья Чаадаева была пощечиной господствовавшей ортодоксии. Он утверждал, что Россия представляет собой причудливый гибрид, который не принадлежит ни к Востоку, ни к Западу. У нее не имеется ни исторической преемственности, ни «нравственной личности». Русские не представляют собой нации в том смысле, как европейские народы, они лишь собрание отдельных людей, в головах которых «нет решительно ничего общего, все там обособлено и все там шатко и неполно». Моральная атмосфера Запада с идеями долга, справедливости, права и порядка недоступна России, как и логика западных стран. Вершиной бедственного положения Чаадаев считал историческую иррациональность русских: *«Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих... Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса... Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т. е. по линии, не приводящей к цели... Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили».*

Как и следовало ожидать, эта лобовая атака на основы самодовольства самодержавия вызвала соответствующую реакцию. Чаадаева официально объявили душевнобольным и изолировали

от светских кругов. Такие же последствия имели схожие преступления во времена Брежнева в Советском Союзе.

Философ, однако, не был помещен в психиатрическую лечебницу, он мог дома работать над «Апологией сумасшедшего», в которой попытался обосновать мысль, что отсутствие истории у России не было только плохим делом. Отсутствие традиции способно также предложить исключительную возможность для развития. Во всяком случае, критика Чаадаевым господствующей культуры была уничтожающей. Следовало что-то предпринимать, чтобы спасти Россию, для появления у нее подлинной культуры. По его собственному истолкованию, насущной проблемой родины было то, что она всегда была отдалена от западного мира после разделения церквей. Воссоединение с католицизмом после восьми столетий раскола не являлось, однако, в то время решением для русской интеллигенции, не говоря уже о власти.

Но «Философические письма» не остались без отклика. Они послужили импульсом к самым известным историософским дискуссиям в России, которые велись между славянофилами и западниками и которые все еще продолжаются. Коротко говоря, речь шла о проблематичном отношении России к Европе, о чем говорил Чаадаев. Молодая интеллигенция была единодушна в том, что следует что-то делать. Однако выводы, касающиеся направления требуемого изменения, были противоположными. Те, кого стали именовать славянофилами, считали, что главным виновником «безличностного» полужевропейства России был Петр Великий, который обрушился на традиции русских и преуспел в их уничтожении в европеизированных кругах высшего общества. Высший класс, однако, жил полностью изолированно от простого народа, в котором все еще можно было найти былую неиспорченную, первоначальную русскую душу. Так что лозунг славянофилов гласил: назад, к допетровским временам! По их мнению, подлинно русские институты, такие как сельская община (мир), сохранили душу России. Ее можно было также найти в народной поэзии, и оказалось, что унаследованные от Киевской Руси сокровища поэзии сохранились и в Карелии — именно в тех самых краях, в которых собирались и строфы «Калеваль»!

Романтизм славянофилов и их крестьянское одеяние подвергались насмешкам уже в то время. Также их противники — западники — говорили о своем желании спасти Россию, но, по их мнению, этого можно было достичь только выполнением всей программы Петра Великого. Причиной обособленности и половинчатого

положения России было именно то, что подметили славянофилы, а именно — большие массы народа еще не были вовлечены цивилизационно в западную культуру. Наступило время взяться за дело.

Как славянофилы, так и западники в принципе являлись своего рода оппозиционными движениями, т. к. у них имелись политические идеи и программы. Подобного рода вопросы официально относились к компетенции только самодержца, который был вне критики. Дело касалось также памяти Петра Великого, монарха, к которому славянофилы относились без особого почтения. В силу этого их первоначально считали подозрительными элементами, и некоторым из них даже довелось недолгое время провести в тюрьме. Оба течения заверяли всех в своей любви к России: славянофилы относились к ней как к матери, западники — как к дитяти.

Николай Рязановский написал прекрасную книгу об образе Петра Великого в разные периоды истории России. Отношение к титаническому труду Петра дает полное представление о культуре того времени. Для охваченных народным романтизмом славянофилов Петр был историческим вредителем, для западников — титаном. С точки зрения соседей России Петр был завоевателем, который расширил сферу влияния России и сделал страну фактором военной силы и угрозой Европе. Оказавшиеся в сфере влияния России страны могли, однако, заметить, что для них наиболее опасным течением являлось славянофильство, которое было склонно любоваться всем русским и принижать западную культуру. Во времена Александра II, благодарная память о котором сохранилась в памяти финнов, Россия стала целеустремленно поворачиваться к Западу и стремилась модернизировать свое общество. Славянофилы в этот период имели политическое значение, но, с точки зрения Финляндии, оно не было решающим. Реакция времен Александра III была обусловлена скорее реальными политическими факторами, чем славянофильством, хотя финские газеты обвиняли именно славянофилов и «панславистов» в недружественных нападках на Великое княжество. Эти обвинения в целом отвергались. Только Николай II чувствовал себя хорошо среди славянофильских символов, появляясь на публике в средневековой русской одежде и собирая при дворе религиозных мистиков, наиболее известным из которых был Распутин. Парадоксально, но самым упорным защитником его самодержавия и подлинного русского начала была императрица Александра, немецкая принцесса по происхождению.

Финны подозревали, что самым большим их врагом является обер-прокурор Святейшего Синода, воспитатель наследника трона Константин Петрович Победоносцев, который в действительности был консервативным бюрократом. Среди подобных ему людей редко можно было найти человека, столь хорошо знающего английскую и французскую культуру, помимо прочего интересующегося философией истории Томаса Карлайла. Хотя он, без сомнений, поддерживал урезание прав меньшинств, он в этом не руководствовался славянофильскими идеями. Напротив, он, как представляется, просто верил в то, что историческое развитие должно быть органичным, тихим и медленным. Для прав евреев, староверов и других меньшинств он не видел исторического оправдания или перспектив будущего.

Значение национальных меньшинств для России представляло собой реальную проблему, которая не была разрешима одним только философствованием, хотя и оно могло иметь в этом деле значение. К славянофильской традиции вообще причисляют Николая Данилевского, предшественника Освальда Шпенглера как предсказателя крушения Запада, который в 1869 г. опубликовал книгу «Россия и Европа». Как Победоносцев, Катков и Достоевский, так и Данилевский в молодости подпал под власть радикальных идей, но позже отказался от них. Данилевский отошел от славянофильской традиции, будучи еще более радикально настроенным, чем начавшие в 1830-х гг. великий спор его первые представители. По мнению Данилевского, Россия никогда не объединится с Европой. Русская и европейская цивилизации представляют собой совершенно не похожие друг от друга культуры, основанные на непримиримых принципах. Философ рассматривал культуры как растения. Если существом России является береза, не стоит пытаться растить тополя. Предвосхищая Шпенглера, Данилевский также уподоблял жизнь цивилизаций процессу прорастания, роста и увядания растений. Россия находилась в том счастливом положении, что она была еще молодой, тогда как Европа клонилась к своему концу. Данилевский в этом умозаключении был един во взглядах со своими предшественниками XIX в., мысль о молодости российской культуры входит в арсенал идей романтических патриотов почти два столетия. Ее можно встретить у Достоевского, она прослеживается у апокалиптиков Серебряного века, у Льва Гумилева в 1990-е гг. и даже в 2010 г. у президента Медведева, хотя его ни в коем случае нельзя причислять к славянофилам.

Во всяком случае, Данилевский был настойчивым защитником самоценности русской культуры. По его мнению, русские были одним из редких народов, имеющих собственный культурно-исторический тип. Поскольку у финнов, как и у других малых народов, не было возможности создать собственный культурно-исторический тип, лучшей альтернативой для них было играть вспомогательную роль, быть «этнографическим материалом» для русской нации. По свидетельству истории финские народы не принадлежали к числу создающих государство народов, хотя в некотором смысле они по своей природе относились к таким народам, у которых имелась к этому способность. Согласно истолкованию Данилевского, Россия даже не захватывала Финляндию, но приняла финнов под свою доброжелательную защиту, т. к. финского государства не было и не могло быть. Финны, в соответствии с этой точкой зрения, никогда не жили «исторической жизнью». В случае с финнами альтернативой было владычество или России, или Швеции. Финны могли преуспеть, оказавшись в Российской империи, в которой у них имелись возможности сохранить этнографическую самостоятельность. Швеция, как малая страна, была бы вынуждена ассимилировать свое меньшинство.

Данилевский, поддерживавший обособленность от Запада и патриотический фанатизм, сам по себе не был человеком влиятельным. Однако он не был одинок, в конце XIX столетия шовинистические идеи, по-разному обосновывавшиеся, находили отклик по всей Европе. В России они угрожали положению Финляндии, которая, без сомнения, была некоей аномалией на государственной карте, неким династическим реликтом наподобие Австро-Венгрии. Славянофильская идеология, которая по своим принципам не была агрессивной, в принципе, не предлагала угнетать Финляндию или другие страны. Ее основное отрицательное значение, пожалуй, заключалось в том, что она, особенно у Данилевского, предлагала рассматривать отношения между народами как игру с нулевым итогом. В отличие от ранних славянофилов (а позже, между прочим, от Достоевского), Данилевский не говорил о Европе как о территории великих памятников и святых чудес, которая была мила для русской души. Напротив, она рассматривалась как враждебный и чуждый элемент. Используемое позже нацистами понятие *artfremd*¹ также отражает это отношение.

¹ Т. е. чуждый, не принадлежащий к господствующей расе.

В общем и целом, отголоски чаадаевского выстрела обнажили скрытую раздвоенность в русской среде. Свое и традиционное — близко и любимо для русских, как и для всех других народов. То, как собственный народ относится к другим народам, является проблемой для тех, чья идентичность слаба. В России, как и везде, есть известное число людей, у которых имеется потребность ставить себя выше других только на том основании, что те не принадлежат к определенному народу. Нередко эта позиция является реакцией на пренебрежение, которое проявляют другие народы. Однако это способно усиливать силу действительной или воображаемой травмы. Это явление известно повсюду или почти повсюду. Для Финляндии русский шовинизм стал угрозой в конце XIX — начале XX в. Это время повсюду было временем подъема масс и империализма, расовые идеи входили в привычный дискурс культуры. В Западной Европе ситуация изменилась после Второй мировой войны, но окопавшаяся за железным занавесом Россия осталась вне этого процесса.

После краха Советского Союза Россия восстановила связь с европейской цивилизацией только после семидесятилетней паузы, когда культура пыталась одновременно продолжать былую историю и находиться вне ее, в соответствии с тем процессом, который в западном мире длился десятки лет. Она присоединялась к этой культуре, но пришла туда извне и в этой «несовременности», пожалуй, самый значительный отличительный штрих современной российской культуры и этим она вызывает особый интерес. Образно говоря, пистолет Чаадаева все еще дымит...

Пушкин как символ России

Образ Пушкина в истории России может послужить хорошим исходным пунктом для рассмотрения характерных именно для российской культуры черт. Пушкин был поэтом и писателем, который зарабатывал своим творчеством. Был ли он профессиональным писателем? Для русского уха этот термин в применении к Пушкину воспринимался бы как оскорбление и принижение его таланта. Для русского человека Пушкин отнюдь не был личностью, для которого писательский труд являлся средством к существованию, но некой творческой стихией, значение которой неизмеримо.

Гениальность Пушкина, с точки зрения русского, не только человеческая, она божественная. Он — посредник, который пребывает

в суровых местах обитания высочайшего мира, но при этом остается среди обычных людей — русских. Дар, талант неизменно вызывает в России интерес, но пусть остережется кто-нибудь сказать русскому, что Пушкин был (только) талантом.

Пушкин символизировал собой те нравственные элементы справедливости и мятежности, то сострадание к жертвам деспотии, которые являются долгом каждого русского интеллигента. Но, с другой стороны, он представляет также высочайшую радость жизни, дружбу, страсть молодости и оптимизм, поразительную одаренность.

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово *ней!*
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

Пушкин доказывает, что человек действительно может быть в контакте с высшими сферами, но при этом он остается исключительно человеком, который бросает свои гениальные дерзости тем, кого не ценит, и пишет веселые пародии на библейские темы.

Пушкин — это сила природы и при этом денди своего просвещенного времени. Влекомый немеркнувшим очарованием противоположного пола, он создавал потрясающие стихи, но также отдавал должное и телесной любви.

Как немцы из Гёте, так русские создали из Пушкина не сравнимого ни с кем гения, у которого имелись свои слабости, но была и удивительная сила. Гёте иронически писал о себе: *Das ist fürwahr ein Mensch gewesen* — «Воистину он человек!» Современные немцы давно позабыли об иронии, первоначально присутствовавшей в этой строфе, и считают Гёте человеческой вершиной. Схожее произошло у русских с Пушкиным, что нашло выражение в лаконической фразе «Пушкин — наше всё!»

Притяжательное местоимение здесь не случайно. Пушкин даже из русских — самый русский. Русские все еще продолжают с рвением размышлять над тем, что поэт подразумевал, когда писал в «Евгении Онегине» о Татьяне, что та:

... (русская душою,
Сама не зная почему)

С ее холодной красою
Любила русскую зиму.

В качестве предположения можно сказать, что если сам Пушкин создал Татьяну как идеальный образ русской женщины, то тогда его повествование определенно содержит в себе глубокое знание того, что есть русский человек, о той тайне, которую каждое новое поколение стремится раскрыть.

Глубокое символическое значение всегда видели в том, что Пушкина, русского гения, убил иностранный франт, хладнокровно и нелепо. То, что находившийся на вершине своей творческой силы поэт сам вызвал на дуэль этого французского мерзавца, в глазах русского совсем ничего не значит. Француз д'Антес, вероломный распутник и поверхностная посредственность, приобретает в русской национальной мифологии прямо сатанинские масштабы. Это произошло уже после судьбоносной дуэли, когда другой поэт — Лермонтов, также вскоре павший на дуэли, облек свои чувства в стихи.

Борис Ельцин, который обладал чем угодно, но только не художественным интеллектом, бросил на торжествах по случаю 200-летней годовщины рождения поэта эту крылатую фразу — *Пушкин — наше всё!* Едва ли он был признанным в России пушкинистом, который предлагает поклонникам огромное количество материалов о жизни, творчестве и смерти героя. Несмотря на это, совершенно очевидно, что даже Ельцин в какой-то период своей жизни учил своего Пушкина, чтобы цитировать его на публике. Иначе было бы уместно включить его в число тех варваров и остопопов, к которым русские относят менее всего заслуживающих уважения людей.

Было бы затруднительно представить, что Пушкин может быть свергнут со своего пьедестала. Тогда русская культура лишилась бы того, что составляет ее суть уже почти два столетия. Непочтительного обращения избежал даже Андрей Синявский в своей книге «Прогулки с Пушкиным». Да, Синявский отнесся к своим землякам исключительно жестко и оказался одним из символических козлов отпущения новых патриотов. Пушкин ведь для русского не просто человек, а именно русский гений. Именно он высоко поднял стяг независимой творческой силы в то время, когда самодержавие подавляло любую свободную мысль. Гениальность Пушкина была, однако, единственной в своем роде, сам царь не мог воздействовать на нее, хотя и пытался возложить на себя обязанности цензора поэта. Пушкин стал идеалом русского интеллигента — недостижимым

идеалом. Российская *интеллигенция*, которая стала зарождаться во времена Пушкина, провозгласила культ мятежа, который заманивал в свой круг большое число бездарностей. Отчасти стремились использовать славу Пушкина, хотя никто не осмеливался примеривать его плащ.

В биографии Пушкина есть и другой факт, который, по мнению многих, имел собственное, очень большое значение. Пушкин по своему происхождению не был чистокровным русским, его дедом был Ганнибал — арап Петра Великого. Славянофилы рассматривали эту расовую смесь как доказательство врожденной терпимости российского народа и безразличия в этнических и расовых вопросах: в Америке Пушкин не смог бы жениться на дочери даже белого мясника. В России его почитали повсюду — от императорского двора до глухой деревни, от Петербурга до побережья Тихого океана.

А что касается темы «Пушкин и Финляндия»... Бесспорно, ею очень интересовались, и у поэта легко найти пару упоминаний о финнах, а кроме этого — несколько туманных намеков, и это все.

Разумеется, Пушкин знал финнов. Чухонцы приходили с Карельского перешейка и из более отдаленных мест продавать продукты у невских берегов. Понятно, что особого интереса у воспитанника петербургских дворцов, входившего в круг светских львов, они не вызывали. Финны были для него «печальными пасынками природы», которые забрасывали жалкие сети в воды Невы до того как поведением Петра на эти бедные берега пришла цивилизация. Финский язык был одним из тех языков на краю цивилизационного мира, на который, как верил поэт, его творения в будущем будут переведены.

Как бы то ни было, но тема «Пушкин и Финляндия» — периферийная. Она настолько же периферийна, насколько Финляндия была периферийна для мира Пушкина. Для Пушкина граница в направлении Финляндии едва ли проходила по реке Сестре. Напротив, более чем очевидно, что она проходила между т. н. большим миром и провинциальностью. Финляндия представляла собой последнюю.

Перед гением Пушкина склонялись даже в период сталинского деспотизма. Случилось так, что апогей большого террора пришелся на 1937 г., когда праздновалось 200-летие со дня смерти Пушкина. Так как высокое искусство было тем, чему отдавал должное даже Сталин, вся культурная элита попыталась найти защиту у Пушкина. Никогда ранее торжества в честь поэта не приоб-

ретами такого размаха. Странно было видеть, что герои труда — стахановцы — устремились сплоченными рядами в пушкинисты. Партия провозгласила, что стахановцы являются самыми передовыми представителями нового советского народа, гигантами, которые овладели не только профессией, но также наукой и культурой. Необходимым условием образованности человека, в отношении которой стали использовать новый термин — *культурность*, являлось знание пушкинской поэзии. Избранные сочинения Пушкина печатались огромными тиражами, они стали основой каждой клубной библиотеки. Выбор был весьма удачен, т. к. эти сочинения были написаны великолепным нормальным русским языком, который был доступен как образованным, так и малообразованным людям. Последним, разумеется, контекст периода времени оставался непонятным, ведь стихи Пушкина — вечны и их объект — Человек, а не представитель какого-то периода времени, класса или места. Достоевский, по мнению которого, русские были не нацией, а человечеством, произнес по случаю открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 г. речь, которую все еще помнит вся Россия. В ней писатель-пророк предложил народу России похоронить все споры и стать единым общечеловеческим народом в духе Пушкина. Речь произвела колоссальное впечатление. Совершенно незнакомые люди плакали и целовались друг с другом, покидали праздник потрясенными.

Когда инакомыслящие из года в год появляются у памятника Пушкину, чтобы выразить свои чувства, иное место для этого выбрать было бы трудно. Какая власть отважилась бы опозориться, пойдя на насилие перед глазами поэта! С другой стороны, незначительность приобретает свою человечность от блеска образа поэта, его присутствия. Как пел любимый в народе бард Булат Окуджава:

На фоне Пушкина снимается семейство.
Фотограф щелкает, и птичка вылетает.

...

Как обаятельны
(для тех, кто понимает)
все наши глупости и мелкие злодеяния
на фоне Пушкина!
И птичка вылетает.

Коммунистическая партия, разумеется, была заинтересована в том чтобы «завербовать» Пушкина в свои ряды. Понятно, что

это ей никогда не удавалось, т. к. мораль, которую проповедовала эта партия, не обладала теми общечеловеческими качествами, которые представлял поэт. Несмотря на это, Союз писателей СССР разместил у заголовка своего центрального органа «Литературной газеты» два изображения — Пушкина и Максима Горького — социалиста-ницшеанца, описывавшего бродяг по окраинам, жизнь которого оборвалась, когда он стал верным лакеем Сталина. ВКП(б) провозгласила обоих каноническими поэтами (в широком и самом высокопарном значении этого выражения) и дала понять, что они оба в равной степени выражают высшие достижения человечества.

В период перестройки Союз писателей поторопился потихоньку убрать изображение Горького с первой полосы газеты. Как воспевавший принудительный труд и репрессии Горький смог оказаться вместе с Пушкиным, вечным мятежником? Уравнивание этих двух людей еще более гротескно, чем смешение неба и геенны огненной, чем вся коммунистическая идеология.

Есть ли в какой-либо западной стране столь безоговорочно почитаемый и прославляемый поэт? Что делает Пушкина практически святым в то время, когда никто не является героем в глазах биографа? Ответ, пожалуй, лежит в том, что в России жива еще мысль о литературе как о выразительнице высших человеческих ценностей и о писателе как их толкователе. Так как эта основная экспозиция признается, ни у кого не возникало особого желания выступать в качестве апостола всеобщей аморальности. Да и кто бы осмелился провозгласить самого себя достаточно великим, чтобы покуситься на Пушкина? Это просто никого бы не убедило. Ситуация изменится тогда, когда в России станет нормой безнравственность и высшие человеческие ценности окажутся вытесненными мыслью о том, что весь мир должен служить лишь удовлетворению самых примитивных потребностей человека. Тогда Пушкин и станет только средством удовлетворения потребности, успех которого каждый будет оценивать по-своему.

Рунеберг и Пушкин

Финскую и русскую культуру символически различает то, что у нас не было своего Пушкина, а был Рунеберг. Образ Пушкина, помимо того, что он исключительно русский, в известном смысле также во многом общечеловеческий. Поэт не оторван от жизни, не ста-

новится патетически восторженным, не лишен чувства юмора, он не заискивает и не приукрашивает. Пушкин не покидает почву действительности, и именно российская действительность делает его тем, в ком нет и не может быть ничего другого, кроме его общечеловечности.

Разумеется, дело заключается в особенностях истории России и условиях того времени. Где еще самодержавие и крепостное право, цензура и чиновничий произвол были бы в такой силе в то время, когда веяли ветры европейского Просвещения и романтики, а молодое дворянство втайне насыщалось новыми идеями. Пушкин не был Байроном, он был далек от него. Его неуместно сравнивать как с итальянскими и французскими, так и с немецкими современниками. Он не являлся Стендалем, хотя и был мятежником по сути, или Гейне, хотя и был весьма ироничен. Пушкина едва ли даже можно представлять романтиком, настолько чужд он был увлечению и поклонению сентиментальности. Пустые клише о ценностях, морали и прочие абстракции ортодоксии у Пушкина не обнаружишь. Напротив, все творчество Пушкина пронизано, как мощным потоком, жаждой свободы, сметающей с творческого пути все препятствия.

В Финляндии Рунеберг стал национальным поэтом, которым все восхищались и стихи которого знали наизусть. Рунеберг стал «всё» Финляндии; он стал финским Лермонтовым, который создал героическую поэму о разрушительной борьбе; он стал финским Жуковским, который написал национальный гимн; и он стал своего рода финским Пушкиным, который, подняв добродетели простых сограждан до уровня светских кругов, сделал их идеалом.

Как и Пушкин, он также писал о любви и цыганах. Рунеберг был веселым парнем, которого Якоб Грот как-то даже упрекнул за «вечные проводы масленицы». Молодой Рунеберг вовсе не был тем холодным гипсовым бюстом на буфете, образ которого позже сформировался у многих. Автор «Писем старого садовника» не чуждался и плотской любви, и обаяния веселого общества.

По мнению Грота и Плетнева, Рунеберг был после смерти Пушкина последним подлинным поэтом в Европе. Рунеберга переводили на русский, его очаровывавшие читателя мысли стали известными в огромной стране. Некоторые стихи, такие как поэма «Надежда», были написаны специально, так сказать, для «русского рынка». Попытка, однако, оказалась неудачной. Пушкиным на месте Пушкина Рунеберг не стал.

Несомненно, Рунеберг был великим поэтом, даже гением. Как и Пушкин, он был национальным гением. Под национальным следует понимать как финскоязычную, так и шведскоязычную финскую национальность, т. к. у поэта и в мыслях не было разделять ее по языковым группам.

В поэзии Рунеберга — лязг классических римских мечей, в его образах — классическая доблесть, немало патетики, но и разудалого юмора. Рунеберг смог создать типажи, в которых народ Финляндии с удовлетворением узнавал себя в то время, прежде чем галерея героев Вайнё Линна оттеснила своих очень аристократичных предшественников в качестве символов финского народа.

Рунеберг, однако, в отличие от Пушкина не стал символом молодости и свободы. В памяти потомков он, разумеется, останется лишь благодаря своему несчастному концу, когда он был парализован. Его творческая сила также не достигала уровня Пушкина, смерть которого на дуэли по истечении времени может казаться почти неизбежной. Но кто может вообразить такое же о судьбе Рунеберга? В России боролись, у нас дрались. Так говорили уже в то время.

Пушкин и Рунеберг в некотором смысле встречались в кругу петербургской интеллигенции. Грот и Плетнев восхищались обоими и знали обоих. Но все же эти два поэта не встречались и никогда не встретятся, т. к. Россия — это Россия, а Финляндия — это Финляндия.

Если Пушкин в России и в наши дни живой классик, это отнюдь не преуменьшается тем фактом, что Россия наших дней немало похожа на Россию пушкинских времен, тогда как в Финляндии далеко ушли от культуры времен Рунеберга. В России все еще есть заказ на свободомыслящих поэтов, вдохновляющих восстания. В Финляндии поэзию провозгласили ненужной еще в 1950-х гг., после этого она уже не поднялась.

Я. Аренберг и тень России

Я. (Юхан Якоб) Аренберг на рубеже XIX–XX столетий был видным деятелем культуры. Прежде всего он был архитектором. В облике его дома сохранились те архитектурные черты, следы которых можно найти во многих общественных зданиях того времени — церквях, казармах, школах и, например, в убранстве императорского рыбацкого домика на Лангенкоски, в савонлинском

курорте «Казино» и нынешней резиденции премьер-министра «Кесяранта», даже в Хельсинкской синагоге. Аренберг был выборгским космополитом, который чувствовал себя как дома в Стокгольме и Париже, в Италии и Греции, но также и в метрополии — в России, языком которой он владел. Помимо этого он, как писатель, живо интересовался своей родиной, особенно Восточной Финляндией и ее жителями — как дворянством, так и купечеством, как лестадиоланцами, так и служившими в России соотечественниками.

Представление Аренберга о России и той границе, которая разделяет Финляндию и Россию, исключительно интересно. Писатель очень хорошо знал российскую среду и то напряжение, которое испытывали финны на службе в России. Его роман *Haapakoskelaiset* («Семейство на Хаапакоски») был опубликован в 1893 г., т. е. в то время, когда отношения между Великим княжеством и метрополией еще не были разорваны, хотя российская националистическая пресса уже открыла ураганный огонь против особого положения Финляндии и ее рунебергско-топелианского патриотизма. Плохим предвестником можно было уже считать почтовый манифест 1890 г.

Герой романа — финский барон Эрик Хорн, один из тысяч тех, кто во времена автономии служил в рядах российской армии. В российских светских кругах Эрик не был представителем великого рода. Как лютеранина его отождествляли с дюжиной дворян-немцев, «Карлов Карловичей», которыми Россия была полна и которые «посматривали неприязненно».

Иначе у Эрика сложились отношения в своем окружении, у него — хорошие русские друзья и московские светские круги и времяпрепровождение — все совершенно другое, чем невзыскательное бытие в Финляндии. В Москве Эрик также нашел свою будущую супругу — Елену, очаровательную женщину, последовавшую за ним в Финляндию. Елена происходила из татарского княжеского рода, который оказался, правда, в крайней нужде. Культурный шок этой женщины был полным. Елена не владела ни шведским, ни финским, а знакомые супруга не владели русским. Общение поддерживалось до некоторой степени на французском и немецком языках, но чете это радости не доставляло, т. к. Эрик стал губернатором в финском городке, который в действительности не был больше села. Уже по прибытии в усадьбу Хаапакоски княгиня испытала ужас: то, что она сочла за жилище для прислуги, являлось главным зданием усадьбы. Средства передвижения

напоминали крестьянские повозки. Молодой жене не хватало энергии и старания. Она хотела стать финкой, но это было невозможно.

Елена писала в Россию: «Такова Финляндия. Ты здесь как за границей. Это видно в тысячах дел, и во внешнем порядке, в необычайной чистоте, которая не свойственна нашей любимой Москве. В тысяче мелких дел, которые не все мне по душе, ведь я русская женщина; финский облик для меня не подходит. Более всего для меня досадно странное, нескладное прямотушение, когда говорят прямо и без прикрас о делах, о которых и слышать не хочется».

Елена поведала также и о Рунеберге, на котором держался весь финский патриотизм: «И затем мы читали немного этого знаменитого Рунеберга. Мой супруг дал мне с каким-то благоговением его книгу... Я заметила что-то общее между Вагнером, композитором, которого я не люблю, и этим Рунебергом, который, зная его немного, как я понимаю, величественный поэт. Оба используют искусство с какой-то определенной целью. Первый низводит свое искусство, свою музыку до того, чтобы заявить, что, пожалуй, все привычные выражения прискорбно детские. Как мне кажется, и Рунеберг не свободен от этого заблуждения. Он жестко держится за свою страну и в каждой строфе подчеркивает долг перед ней...». Елена сравнивает Рунеберга с еврейским национальным поэтом Фруги¹, хотя и ставит его значительно выше. По мнению Елены, Рунеберг «спокойный и высокопарный. С другой стороны, я никогда даже в его самых красивых строфах не встречала такой свободно бушующей поэзии, как в словах Надсона». Елена очарована творчеством Надсона, который «стих делает стихом, без какой-либо цели».

Елена не сравнивает Рунеберга с Пушкиным, но в книге русского национального поэта оценивает Эрик Хорн. Герой стоит у памятника, по случаю открытия которого в 1880 г. от произнесенной проповедовавшей братскую любовь речи Достоевского принимавшая участие в торжествах публика впала в умиление. Хорн озирает памятник, «*мастерский образ феномена славянского гения*» глазами иностранца: «*Проживший страстную жизнь, слабонервный, беспокойный и безбоязненный, стоит он отлитый из бронзы: великого художника великолепный памятник великого поэта. Хорн перечитывает высеченные в камне высокопарные строки:*

¹ Вероятно, речь идет о Семене Григорьевиче Фруге (1860–1916) — российском поэте, еврее по национальности.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,

передаваемая которыми оценка свидетельствует о том, что поэт сам написал это».

Аренберг цитировал поэта очень свободно. Он объединял рифмы из разных строф и забывал центральные темы своей книги.

Стихотворение Пушкина, которое было выгравировано на его памятнике и которое каждый русский считает блестящей самохарактеристикой поэта, отсылает к более известным строфам Горация о прочности славы: *Exegi monumentum aere perennius*¹. Пушкин говорит о созданном им самим нерукотворном памятнике, что в русской среде отсылает также к «нерукотворной» иконе.

Прочитированные выше слова, выгравированные на установленном в центре Москвы памятнике, были на самом деле открытым вызовом российской интеллигенции властям. Тем, однако, пришлось его проглотить, т. к. культурный авторитет Пушкина был настолько велик, что и самая грубая диктатура все же вынуждена была разыгрывать уважение к поэту. Так же было и в 1937 г., в связи со столетием со дня гибели поэта, когда т. н. Большой террор достиг своего апогея. Как констатирует в одном из своих исследований по истории России классик Шейла Фитцпатрик, в год Большого террора пресса была заполнена Пушкиным, а отнюдь не Марксом, Лениным или даже Сталиным. На самом деле коммунистическая партия стремилась присвоить все наследство «прогрессивной» культуры, к которой Пушкин, бесспорно, принадлежал. Разумеется, это было совершенно фальшиво, и те миллионы людей, которых в том году расстреливали и арестовывали, едва ли могли считать мероприятия в честь Пушкина чем-то иным кроме как уродливым фарсом. Пародия стала невозможной.

Но символика памятника Пушкина как глашатая свободы и человечности понятна всем и в наши дни. К нему всегда идут угнетенные и оскорбленные, и в эти дни к нему идут те, кто сопротивляется жестокой руке режима. «Власть» в России всегда находит поводы для того, чтобы разгонять манифестантов, задерживать и бить их дубинками. Но в Москве это происходит на фоне памятника Пушкину...

¹ «Я памятник воздвиг прочнее меди».

Однако вернемся к Хорну. Он более не комментировал этот символ русского народа. Читателю, впрочем, не доставляло труда понять, что похожий на Рунеберга финский гений был гораздо менее слабонервным и более скромным, а также вел более упорядоченную жизнь. Рунеберг в своей более спокойной величественности был в любом случае представителем иного мира, чем Пушкин. Финский поэт твердил о своей родине, не был склонен воспевать радости, как отмечала Елена. В этом, пожалуй, существенное различие между финским и русским восприятием жизни. Эрик видел степи и огромные российские столицы, поля сражений и казармы, он знал язык и понимал людей. Он кратко сформулировал свое мнение о России, *«об этой приятной мне стране, в которой я прожил и сражался так много лет. Один великий мыслитель как-то сказал о них, что вы бежите впереди до беспредела. Вы не боитесь преувеличений своих выводов. В добре и зле никто не заходит настолько далеко, как вы. Но вы устремлены к своим мечтам, которые недостижимы. Взгляните на своих собственных вождей и на то, ради чего они трудятся. Некоторые из них, славянофилы, желают наложить печать сходства на 115 миллионов человек в своей стране. Это бесполезно, ненужно и невозможно, так как единство — вовсе не в единообразии, единство — в сердце человека и его не достигнешь насильем, а лишь согласованием...»*.

В конце концов, пропасть между Финляндией и Россией явно уходила своими корнями в веру. Отец Эрика требовал, чтобы сын Эрика и Елены был крещен в лютеранской вере, не потому что стал бы верующим, а потому, что *«вера и язык накладывают свою печать на обычаи страны, а те, в свою очередь, на законы, так как обычай более древен, чем закон, он его мать, основа всех наших сводов законов и постановлений»*.

По прихоти судьбы мальчика, однако, не только крестили в православную веру, но и сделали русским по мировоззрению, хотя он и выучил в некоторой степени шведский язык и представлял свой род на заседаниях сейма Финляндии. В сейме молодой Эрик вызвал скандал, осмелившись по-русски снисходительно подшучивать над пылкими речами авторитетных господ.

Наследник Хаапакоски воспитывался в Пажеском корпусе, он был находчивым, с хорошими манерами, владел официальным языком империи. Ему можно было предсказывать быструю карьеру, т. к. *«его не сдерживают ни этническая память, ни национальная ослепленность, ни ненужный аристократизм, и у него всегда есть твердая поддержка со стороны роскошной, ясно мыслящей и влиятельной матери»*.

Молодой Егор Егорович стал мыслить по-государственному, так же как и Маннергейм, служивший в то время в императорской России. Так же, как и тот, он держался вне мелких местных споров и принял участие в церемонии коронования и торжествах по случаю 200-летия победы под Полтавой.

В экспозиции романа Аренберга пропасть между Финляндией и Россией выступает как культурная и национально-государственная пропасть между двумя разными жизнеощущениями. Русские как народ восхищают, их культура великолепна, но финн не может поменять ни собственную культуру, ни свою родину. Финляндия — страна Рунеберга в том смысле, в каком Россия — страна Пушкина. Россия — бескрайна и безгранична там, где ограниченность Финляндии ранима. Единственной защитой Финляндии был ее гражданин — в этом романе, прежде всего, показан патриотизм ее «первого сословия». Финляндии следует быть — в рунебергском значении слова — финской, иначе она перестанет существовать.

Интересным сюжетным ответвлением в книге является то, что Елена происходит из татарского рода, родоначальник которого, «старый гайдамак» был воплощением распутства, и этот порок заметен и в поколениях его потомков, в облике дяди Елены. Писатель и намеком не показывает, что влияние этих явно плохих генов проявилось бы в Елене или в сыне ее и Эрика, в молодом Эрике, т. е. Егоре. Как висящее на стене ружье должно выстрелить в завершающей сцене спектакля, так и читатель должен дожидаться, когда наследие «старого гайдамака» даст о себе знать в новом поколении, но для читателя все ограничивается только письменами на стене.

Увлеченность того времени идеями значимости расы и ответственности дает о себе знать в романе, и это подтверждает картина слишком тесной связи со многими опасностями, хотя Россия сама негативно не описывается. Образ «старого гайдамака», бесспорно, связан со старым, еще наполеоновских времен клише о «татарстве» русских, и при желании его можно обозначить как проявление «ориентализма». Однако речь скорее может идти только о художественном стилистическом средстве, при котором за идиллией следует зловещая тень.

Герой романа Аренберга не был только литературным образом. На самом деле это был так хорошо выписанный скетч, что главное лицо — министр-статс-секретарь Вольдемар Карл фон Ден — сразу узнал себя и упрекнул писателя в том, что он воспользовался его образом.

Яков Грот и финляндско-русское сближение

Яков Карлович Грот, петербургский лингвист и деятель культуры, известен в России прежде всего как создатель норм российской орфографии. В свое время он был известным академиком и зачинателем многих литературных дел. Обширная переписка Грота с ректором Петербургского университета, деятелем культуры и другом Пушкина Петром Плетневым опубликована на русском языке в трех томах и дает хорошее представление о событиях российской культуры того времени. Переписка (в двух томах) была опубликована и на шведском языке и отражает как ситуацию в Финляндии в середине столетия, так и отношение Грота к основным деятелям культуры Финляндии. В те времена он на протяжении двенадцати лет был профессором русской словесности, истории и статистики Императорского Александровского университета в Хельсинки (1840–1852). Тогда он прямо восхищался Финляндией и ее народом, изучал шведский язык и пытался приучить финнов изучать и любить русский язык и литературу. На этом пути его ждало разочарование.

Яков Карлович принадлежал к тем обрусевшим немецким родам, для которых Россия стала настоящей родиной. И в Финляндии на них смотрели, прежде всего, как на официальных представителей России, к ним относился и ставший в 1900-х гг. генерал-губернатором Франц Альберт Зейн, которого, как представителя российского великодержавного шовинизма, ненавидели, пожалуй, больше, чем Бобрикова. В любом случае, немецкое происхождение облегчало общение с финнами.

Для Грота его национальность не являлась каким-либо препятствием для сближения с Россией, с культурой которой он, как представляется, полностью себя идентифицировал. Тем более велико было его ошеломление, когда он заметил, что финны довольно единодушно воздерживаются от более близкого соприкосновения с русской культурой.

Вначале казалось, что все пойдет хорошо. Торжества по случаю 200-летия университета в 1840 г. были действительно апогеем финляндско-русского сближения. Императорский гимн исполнил по-шведски большой хор. Было произнесено немало застольных речей в честь императорской семьи. Превосходные торжества сопровождались залпами артиллерийских орудий императорской армии, которые задавали ритм поднятию бокалов. В группе проводивших промоцию почетных докторов присутствовали и русские, в том числе и друг Грота Плетнев; отсутствовал, правда, домаш-

ний учитель наследника престола выдающийся поэт В.А. Жуковский, который был также автором слов императорского гимна. Событие, которое, казалось, должно было окончательно запечатлеть финляндско-российскую дружбу, широко освещалось. О нем писали в редактировавшемся Плетневым, основанном во времена Пушкина знаменитом «Современнике». Совместными финляндско-российскими усилиями было подготовлено юбилейное издание, в котором Финляндии и ее литературе было посвящено много статей. Издание было встречено российской прессой со вниманием, особенно если помнить, что опубликованная в нем статья Рунеберга о «Макбете» Шекспира оказалась нокаутированной российским наставником радикализма Виссарионом Белинским, который, впрочем, отнесся ко всему изданию благодушно.

Исполняя профессорские обязанности в Гельсингфорсе, Грот мог наблюдать суровую действительность Финляндии. Маленький столичный город Гельсингфорс с его узким светским кругом не слишком интересовал академического труженика, который скорее принуждал себя из чувства долга принимать приглашения на приемы в дома светских красавиц Авроры Шернваль (Карамзиной) и Эмилии Мусиной-Пушкиной. Эти дамы были испорчены заискивающими перед ними кавалерами, но альтернатив в провинциальной Финляндии почти не было. Светская жизнь была для него пустой, но финляндско-российское сближение требовало жертв.

Напротив, Грот пришел в восхищение от общества великих национальных мужей Финляндии, с его одухотворенностью и подлинной интеллектуальной жизнью. Особенно по душе ему пришелся Лённрут, в обществе которого он путешествовал по Восточной Финляндии, даже учил финский язык. С Рунебергом отношения Грота были также довольно близкими, и он даже способствовал продвижению литературных увлечений того по т.н. петербургскому пути. Между прочим, появление в 1848 г. первой части «Фенрика»¹ стало возможным благодаря именно этому.

Университет в Финляндии оказался, однако, некомфортным местом. Грот еще раз смог убедиться, что его сторонятся. Очевидной причиной было то, что он был назначен на свою должность в результате неофициальной процедуры, не соответствовавшей местным традициям. Однако это была только часть правды. С сомнением

¹ Имеется в виду «Fänrik Ståls sägner» (финск. «Vänrikki Stoolin tarinat»). Открывавшее издание 1848 г. стихотворение «Maamme» («Vårt land») стало национальным гимном Финляндии.

относились к цели назначения Грота, склонны были видеть в нем своего рода агента иностранной державы с нечистыми намерениями. На самом деле основная идея Грота сводилась к тому, чтобы место шведского языка у финнов занял русский. Тогда также можно было бы возвысить статус финского языка до положения государственного языка Великого княжества, а необходимый для образованной части населения шведский постепенно был бы низведен до статуса языка меньшинства. Эта политика феннизации в университете и стала осуществляться, развитие преподавания финского языка шло параллельно и с такой же скоростью, как преподавание русского языка.

Финны из обеих языковых групп приходили в ужас от мысли о распространении русского языка. Говорившие и думавшие по-фински, правда, охотно встречали направленные на продвижение собственного языка меры, но их отношение к русскому языку оставалось очень сдержанным. Дело попытались продвинуть, предложив студентам стипендии для изучения языка в России. Стипендиаты все же появились, но притягательная сила этого института оставалась довольно ограниченной, и другие студенты относились к уезжавшим отрицательно. Известно бранное высказывание А. Альквиста в землячестве Саво-Карьяла в адрес тех, кто уезжал учить русский язык и брал русские «иудины сребреники». Пренебрежение русским языком во многом было понятно. *Lingua franca* того времени был французский. Русский в Великом княжестве в таком качестве не требовался. Видными местами работы, где дело обстояло иначе, являлись канцелярия генерал-губернатора и, разумеется, находившийся в Петербурге статс-секретариат по делам Великого княжества. Но финны, которые уезжали в Россию делать карьеру в российской армии, естественно, нуждались в хорошем владении русским языком.

В любом случае, Грот сделал много для русского языка. Он хорошо понимал значимость русского языка как средства художественного выражения и пытался в ходе преподавания заставить незаинтересованных молодых людей воодушевиться предметом, используя в качестве «морковки» интригующие и романтические повороты российской истории и литературы. Это не помогло, и тщетно трудившийся профессор попытался найти новое средство принуждения. Русский просто следовало учить. Теперь студенты оказались в положении, которому не позавидуешь, и они проявили свой характер. В окно Грота даже бросили камень, который, вероятно, предназначался голове хозяина. Несмотря на вознаграждение, виновный остался не найденным. Суровость никоим

образом не добавила студентам желания учиться. Помощник Грота в преподавании русского языка Степан Иванович Барановский следовал более мягкой линии и тем снискал негодование Грота. По его мнению, благодушный помощник саботировал дело русского языка в Финляндии.

Грот покидал Финляндию разочарованным. Его достижением осталась организация русской части университетской библиотеки. Благодаря праву получения обязательного экземпляра «Славянская библиотека» стала одним из лучших собраний книг на русском языке в мире.

После Грота его пост занял Матиас Акиандер, финн, изучавший русский язык на государственную стипендию. Вторую профессорскую должность продолжал занимать Степан Барановский. Интерес представляет тот факт, что оба, помимо Лённрота, присутствовали, когда в Гельсингфорсе в 1853 г. был основан «Комитет библиотеки трезвости», который был самой ранней организацией движения трезвости в Финляндии. Барановский и поныне остается в тени Грота. Последнего хорошо помнят, и хельсинкское *Pietari-seura* ежегодно дает премию имени Грота «энтузиастам» — личностям, которых считают способствующими сближению финляндской и российской культуры. Если Грота можно назвать «российским феннофилом», как это делал Валентин Кипарский, тот же самый эпитет можно с полным основанием применить и к Барановскому, который был столь же значительной, но ныне позабытой личностью.

Барановский был гениальным изобретателем. Он, между прочим, разработал макет самолета, который был способен летать. Изобретенный им действовавший на сжатом воздухе паровоз действительно применялся на Николаевской железной дороге¹. Кроме того, он разработал прототип подводной лодки, ему также принадлежат и другие изобретения в области техники. Здесь следует упомянуть, что его сын Владимир пошел по стопам отца и разработал тип скорострельной безоткатной пушки, которую сейчас можно видеть в Артиллерийском музее в Петербурге. Общественная деятельность его отца также была значительна. Помимо упоминавшегося общества трезвости он проявлял заботу об условиях содержания пленных, основал для девушек в Петербурге интернат и занимался проектированием строительства железной дороги в Среднюю Азию.

¹ Имеется в виду многоступенчатый компрессор в соединении с коллектором из труб — «духовик» (1860), впервые установленный на мотовозе конструкции того же Барановского («духовой самокат Барановского»), действовавший на Николаевской железной дороге в 1862 г.

Один из биографов Барановского констатировал, что причиной того, почему в настоящее время имя разносторонне одаренного и даже гениального Барановского было известно не широко, скорее всего, явилось то, что он распылял свой творческий гений и свою активность по очень многим сферам. Во всяком случае, с нашей точки зрения важно то, что Степан Иванович Барановский также был другом Финляндии. По его инициативе обязательное изучение русского языка, существовавшее некоторое время, было отменено и восстановлено только во времена Бобрикова. Он также подготовил очень симпатичный очерк о Великом княжестве для второго тома 19-томной «Живописной России» под редакцией П.П. Семенова¹. В 2000-х гг. он был опубликован на финском языке.

Можно утверждать, что Грот с тем же успехом, что и Барановский, мог учить русскому финнов. Несомненно, задача была почти что безнадежная. Тот большой страх, который сидел в голове у финнов и который удивлял Грота, был, пожалуй, прежде всего, инстинктивным страхом представителей малого народа. Тот, кто спит рядом со слоном, вынужден все время быть начеку и реагировать каждый раз, когда слон переворачивается на бок — вне зависимости от того, является ли данный слон существом симпатичным или нет. У немца в национальной памяти такого ощущения, исходящего из сознания собственной малости, не было, и Грот также должен был русифицироваться, сделав что-то необычайное.

«Ложный» патриотизм Й.Л. Рунеберга

Во время войны рассказывали анекдот, содержание которого сводилось к тому, что русские бомбили Порвоо потому, что там проживал большой фашистский подстрекатель Рунеберг.

Как и многие другие анекдоты, он не соответствовал действительности, но все же был неплохо придуман и говорил о многом. Рунеберг действительно стал в конце периода автономии Финляндии «неправильным», т. е. антирусским или, по меньшей мере, не отличающимся русскостью, центральным символом патриотизма.

¹ Фактически для этого тома Барановский написал 5 небольших отдельных очерков: «Исторические судьбы Финляндии и ее отношения к Швеции и России», «Природа Финляндии, ее граниты и озера», «Промышленность Финляндии», «Города Финляндии», «Полярная Финляндия» (автор очерка «Финское племя» неизвестен).

М.М. Бородкин, генерал, историк и один из главных идеологических «едоков» (т. е. недоброжелателей) Финляндии в 1909 г. писал довольно красочно: «„*Рассказы фенрика Стооля*“ стали средоточием финляндского искусства. Война 1808–1809 гг. стала основным источником финской национальности и финского патриотизма. Они пробудили в финском народе осознание собственного своеобразия и значимости. Корни направленных на Россию и русское чувство финнов основываются на поэзии Рунеберга. Весь т. н. „Финляндский вопрос“ совсем не может быть понят без „*Рассказов фенрика Стооля*“».

То, что «Фенрик» оказался бельмом на русском глазу, было для того времени необычно, т. к. первая часть этого собрания была отпечатана в незапамятный 1848 г. именно при поддержке русских и используя «Петербургскую дорогу», как на это указывает Матти Клинге. Профессор русского языка и истории Александровского университета Яков Грот, которого Валентин Кипарский назвал русским феннофилом, был при этом незаменимым помощником. Грот восхищался стихотворением «Кульнев», сразу перевел его на русский и переслал в Петербург. В конце концов, книга, которая уже напугала финскую цензуру, получила разрешение в имперской столице. Победное шествие «Фенрика» началось, т. о., с благословения русских. В достойном похвалы исследовании профессора Клинге указывается, что первое из стихотворений «Фенрика» — песня «Наш край» — было с самого начала для чиновничьей России Николая I очень подходящим произведением. На самом деле сосредоточенный в лирике финляндский патриотизм был в политическом отношении совершенно безобидным, и его высокий гимн «Наш край» был при всей своей аполитичности просто своего рода «антимарсельезой». Его премьера на пиршке в дни Флоры на поле Кумтяhti¹ была хитрым способом, с одной стороны, дать разрядку студентам, а с другой, безопасным способом стимулировать их энтузиазм. В политической корректности «Фенрика», т. о., изначально не были заложены какие-то большие надежды. «Фенрика» в духе того времени следует скорее воспринимать как типичное стихотворение, восхваляющее честь и добродетели, у которого был свой эквивалент и, пожалуй, прототип и в России: стихи Жуковского и Лермонтова, по мнению Клинге, являлись таковыми.

¹ Поле Кумтяhti (Kumtähden kenttä; шведск. Gumtäkts äng) — небольшая парковая территория примерно в трех километрах к северо-северо-востоку от центра Хельсинки. В XIX столетии студенты 13 мая собирались здесь на празднование дней Флоры.

Но что позволено Юпитеру, то не позволено быку. Годы, которые Грот провел в Гельсингфорсе (1840–1852), были медовым месяцем в финляндско-русских отношениях, которые, однако, к концу этого периода стали приобретать привкус горькой полыни. Дружеские проявления на промоционных торжествах 1840 г. достигла зенита, а мысль о большем внимании к финскому языку в университете и во всей стране наряду с русским языком особенно воодушевила некоторых энтузиастов, которые полагали, что тем самым шведский язык будет оттеснен. На практике, однако, недружелюбие финнов к русскому языку, как оказалось, победить было невозможно, в этом у разных языковых групп различий не наблюдалось. Кроме того, в академических кругах использовали шведский язык. Когда измученный студенческим равнодушием Грот сменил в своей преподавательской деятельности пряник на кнут¹, студенты отреагировали схожим образом. Град камней и взрывы пороховых зарядов подчеркивали протест молодых против насилия, и Грот упаковал свои чемоданы. Его коллега Степан Барановский, разносторонний гениальный изобретатель и общественный активист освоил, со своей стороны, в преподавании более гибкую линию и поддерживал добровольность в изучении русского языка. И случилось так, что в Финляндии затем до времен Бобрíkова русский язык не преподавали ни в университете, ни в других местах, его изучали только как побочный предмет, т. к. доводилось бывать в Петербурге. В языковой борьбе поддержка России, правда, была пригодна для финской стороны, но она ни в каком виде не способствовала даже развитию государственного, российского патриотизма — по крайней мере, такого, на который надеялись в метрополии. Та «китайская стена», которая отделяла Финляндию от России, не была исключительно языковой границей. Речь шла о той очевидной культурной границе в том смысле, в каком позднее она была охарактеризована Самуэлем Хантингтоном. Помимо языка людей разделяли вера и политика, а также исторический опыт. Последний был кодифицирован более или менее в качестве мифа как основы финской идентичности деятельностью Рунеберга и Топелиуса. Преодолевать культурную границу между Финляндией и Россией удавалось главным образом только незначительной группе дворянской молодежи, которая уезжала в Россию ради военной карьеры. Их «лишенный корней» космополитизм осуждался многими бравыми патриотами. Возможное исчезновение

¹ Буквально: «морковку на палку».

Финляндии в «море народов» России представлялось для обеих языковых групп большой потенциальной угрозой, которую несло само по себе слишком хорошее владение русским языком.

Очевидно, что владение финнами русским языком во времена автономии в действительности было еще более плохим, чем сейчас. Тогда его изучения страшились панически, и после того как во времена Бобрикова его сделали обязательным, стало делом чести не учить его.

Вопреки ожиданиям Грота, финляндцы из обеих языковых групп оказались плохими русскими. Поборники финского языка охотно принимали предлагаемую политическую поддержку, но сторонниками русского языка не становились. Столетняя история стипендиатов по русскому языку, изучением которой занимался Кари Кетولا, свидетельствует об этом. Вместо ожидавшегося сближения заявила о себе откровенная русофобия. Яков Грот, который сам был немцем по происхождению, дивился свойственному финнам обычаю отстраняться от людей только на том единственном основании, что они принадлежат к другой нации и говорят на другом языке. Подобное для русских типичным не было, полагал он, пожалуй, и для немцев тоже, но те и другие были большими народами.

С русской точки зрения, в позиции финнов проявлялась соединенная с неблагодарностью спесивость. Русские патриоты похвалялись в те времена своей терпимостью в национальных делах. Особенно известной стала мысль Достоевского о том, что русские на самом деле не нация, а человечество, а русский человек — «всечеловек». Финское, с русской точки зрения (или, скорее, «шведское», т. к. дело касалось, прежде всего, говорившего по-шведски высшего сословия), чванство по отношению к русским уже в 1860-е гг. стало вызывать гнев. Поскольку желали следовать ходу мысли Достоевского, то, с российской точки зрения, это чванство было отмечено печатью бесчеловечности, варварства. Грот был раздосадован, заметив, что студенты в Финляндии считают русских грубыми и безнравственными.

Помимо подобных Достоевскому идеалистичных интернационалистов-националистов в России нашлись, однако, также и люди, которые ощущали необходимость поставить финнов на место, которое, как считали, было ниже места русских. На самом деле и Достоевский в действительности не мог переносить, например, поляков, которых он во многих своих сочинениях живописует довольно зло. Даже французский мелкий буржуа вызывал у великого мистика

злость. Двойственное отношение Достоевского к национальным проблемам было в то время, пожалуй, довольно типичным и для других патриотов. В свете праздничного пафоса удивительным образом от упоения всеобщим братством, как в речи Достоевского на открытии памятника Пушкину в 1880 г., проявлялась нежность. В действительности те, кто хотел избавиться от этих объятий, могли ждать довольно грубого обращения. *Willst du nicht mein Bruder sein, schlag ich dir den Schädel ein*¹, поэтически описывал Гёте такую психологию.

Символом великоросса и финнофоба первоначально стал Михаил Катков — интеллектуал, который в своей молодости блуждал на левом фланге, но ударился затем в патриотизм, хотя и не оказался в лагере славянофилов. Катков стал известным литератором, который нередко и запальчиво проходилась также и по финнам. Во времена Александра II пресса в России быстро стала общественным фактором, и Катков был одним из тех, кто преуспел в этой сфере. О прискорбных чертах финнов вся Россия могла узнать в 1880-х гг., когда Катков критиковал их в «Московских ведомостях». По его мнению, финны только мешкают с проведением таможенной границы, желая, чтобы это было сделано за счет России. В довершение всего, они бессовестно отказываются говорить с русскими по-русски даже в тех редких случаях, когда они им владеют.

Количество подобных жалоб с годами увеличивалось со все возрастающей скоростью, что вполне понятно, поскольку железная дорога Рийхимяки — Петербург с 1870 г. ускорила сообщение между столицей и Финляндией. Как известно, расширение межнациональных контактов способствует и усилению межнациональных трений. Терпимость возрастает только в счастливых идеальных случаях, а для таковых в финляндско-русских отношениях почвы почти не было. Так в российской прессе возник «финляндский вопрос», о котором с годами были написаны тысячи статей. Основной сюжет повествования оставался тем же вплоть до получения независимости Финляндии. Согласно ему, финны пользовались незаслуженными преимуществами в России, т. е. жили за счет русских. Они ничего не вносили в российскую казну, но пользовались защитой ее армии, содержа лишь крошечные воинские части. Иные, связанные с внешними отношениями и общим управлением государства обязанности лежали

¹ «И если ты не желаешь быть моим братом, то я раскрою тебе череп!»

полностью на плечах империи. Либеральные институты Финляндии Катков и его собратья по духу ненавидели особенно яро, но в России находились и защитники Финляндии. Ими были, естественно, либералы-западники и их журналы, «Вестник Европы», «Голос», «Новости», но имелись и многие другие. Удивительно, но к защитникам Финляндии принадлежал также один из воспитателей наследника престола князь Владимир Мещерский, за которым в целом закрепился образ крайнего реакционера и который издавал газету под несколько парадоксальным названием «Гражданин». По мнению Мещерского, действительной опасностью для России были евреи. «Московские ведомости» реагировали с удивлением: неужели часть российских евреев намеревается отделиться. В отношении финнов дело было ясным. После некоего скандала князь стал известен также как гомосексуалист и получил прозвище «князь Содомы и гражданин Гоморры». Защита Александра III спасла князя от худших последствий, но врагов Финляндии, пожалуй, радовало то, что группа друзей Финляндии в России включала в себя довольно сомнительных личностей, с национальной и «моральной» точки зрения. В нее входило также много евреев, в том числе издатель газеты «Новости» О.К. Нотович.

В 1885 г., когда между Россией и Великобританией могла развиться война из-за столкновения интересов в Афганистане, некоторые в Финляндии, близкие к кругам либеральной *Helsingfors Dagblad*, поговаривали, что Великому княжеству следует объявить себя нейтральным в этой войне. В противном случае торговому судоходству грозит крах. Главный редактор петербургской официозной газеты «Новое время» А.А. Суворин опубликовал в связи с этим статью «Седьмая великая держава»¹, в которой поднял на смех высказываемую финнами мысль. Он также предостерегал финнов от излишней гордыни: у них есть причина благодарить Россию за каждым ужином и помнить, что они живут в стране, которая в Европе была беднейшей, и принадлежат народу, интеллигенция которого уже в силу своего происхождения была «подлой».

Весть была ясной, подобное выражение недояльности вызвало поток публикаций о Финляндии, что было не выгодно для нее, хотя лоялисты в нашей стране пытались поднять голос

¹ Кстати, в те времена, возможно, с подачи Салтыкова-Щедрина, под «седьмой державой» иногда понимали Главное управление по делам печати и всю систему цензурных ограничений.

и подчеркивали, что сторонники *Dagblad* пользуются в ней незначительным влиянием. На Финляндию в российских патриотических кругах раз и навсегда наложили несмыслимое клеймо сепаратизма. Для критики имелись основания, Финляндия действительно пользовалась разными привилегиями, которые прочие территории России не могли себе представить. Собственные деньги, свое гражданство, своя таможенная граница и тарифы, своя экономика, свои законы и законодательство, а сверх того еще и собственное войско, которое несколько напыщенно именovali армией, — все это было слишком для многих тех безупречных граждан, по мнению которых, Россия должна была принадлежать русским. Знаменитым стало предостережение Каткова, что политические институты Финляндии были великодушным даром монарха, и тот может взять его обратно, если получившие его окажутся неблагодарными.

Катков умер в 1887 г., но после этого финляндско-русская полемика в действительности только началась. Ее межевым столбом стала публикация в 1889 г. книги Лео Мехелина об основных законах Финляндии. Она побудила Кесаря Филипповича Ордина написать свою известную работу «Покорение Финляндии», после чего дискуссия о статусе Финляндии в империи и ее возможных основных законах утонула в потоке новых статей. «Едоки» Финляндии находили все новые основания для критики и упреков в адрес Финляндии, а друзья Финляндии вынуждены были постоянно обороняться. Самые незначительные факты могли становиться темой новостей и предметом фельетонов, поскольку имели место в Финляндии. «Едоки» Финляндии не упускали ни одной возможности показать, что Финляндия отнюдь не только не была образцовой, но даже лояльной империи страной, и что русские просто страдают от нарушения их гражданских прав. Нахальство финнов заходило настолько далеко, что они позволяли себе говорить, что русские дурно пахнут.

«Финляндские привилегии» в сфере экономики и управления сильно раздражали русских уже сами по себе, но упоминавшиеся выше обособление, отказ от изучения языка и упорная защита своих законов и постановлений только ухудшали ситуацию. На частном уровне финны часто проявляли в отношении русских надменность, что задевало чувства последних. Особенно такое было обидно со стороны говоривших по-шведски, горячо подчеркивавших принадлежность Финляндии к западной культуре, которая исходно оценивалась очень высоко. Это было то наследие,

за которое, согласно господствующему суждению, говоривший по-фински народ должен был быть вечно благодарен шведской культуре. Российская националистическая пресса повторяла, по обычаю саркастически, ссылки финнов на свою более высокую образованность и предполагаемое в силу этого варварство русских. На самом деле незнание финнами русского языка и культуры было поразительным. Названия улиц могли быть написаны по-русски бестолково, учитель русского языка финн произносил фамилию «Пушкин» как *Pjuťskin* и т. д.

Этот культурный сепаратизм, мысль об особой финской родине были, по мнению многих российских патриотов, началом и корнем всего «финляндского вопроса». В создании и обосновании этого патриотизма велики были заслуги Рунеберга, что и подчеркивал генерал Бородин в ранее приведенной цитате.

В 1885 г. Катков развил тему в гневной передовице, посвященной годовщине Финляндской войны. Катков писал, что он вначале не мог поверить настолько скандальной новости: в Финляндии торжественно открыли памятник, посвященный поражению российских войск в бою у Кольонвирта¹. При открытии присутствовал губернатор Ярнефельт, который носил мундир генерал-майора российской армии. О самом «поражении» в российской военной истории почти ничего не известно, это было творение финских патриотов. Катков кисло констатировал также, что по этому случаю был исполнен национальный гимн Финляндии («Наш край»), а также саволакская песня. Оркестр Куопиоского батальона сыграл порилайстенский марш (марш бьернеборцев), мощная и красивая музыка которого создала у всех праздничное настроение, как благосклонно писала русская (*mirabile dictu!*²) газета «Новости».

Разумеется, Рунеберг незримо присутствовал при всем этом, хотя его имя Катков и не называл. Вскоре, однако, ситуация изменилась. Сказалось то, что выяснилось — знаменитый Рунеберг и есть тот поэт, который сочинил текст песни «Наша страна», занявшей в Финляндии место императорского гимна, и что именно он чрезмерно возвысил финские подвиги в войне 1808–1809 гг. Так, петербургская газета «Новое время» смогла в 1893 г. сослаться на то, что российским читателям знакомо имя поэта, но они не знают, с каким размахом вся Финляндия праздновала день его рождения. Согласно столичной правительственной газете, на торжествах

¹ Сражение происходило 27 октября 1808 г.

² Удивительно!

исполнялись песни Рунеберга, в которых оплакивалась тяжелая судьба подчиненной России Финляндии. В театре выступили с призывом к единодушию на случай будущих испытаний (войны?), поэзию Рунеберга в наглядных картинах прославляли при рассказе о Свеаборгском стыде на примере добродетели отказавшегося от брата Ваденшерны и отважного ландсгевдинга Вибелиуса, а девушка-Финляндия прославляла в живой картине мужество своего павшего жениха, вместо того, чтобы горевать о нем. По мнению автора статьи, русские были показаны в живой картине варварами, и он покинул театр оскорбленным.

Пожалуй, не следует говорить, что подъем финского патриотизма был связан с той угрозой, которую в Финляндии видели со стороны усиливающегося великорусского шовинизма. Император Александр III, который был уважаем в Финляндии, предпринял в отношении Финляндии известные меры, направленные на централизацию империи. Почтовый манифест 1890 г. был воспринят в свое время с ужасом.

«Московские ведомости» писали в то же время о Рунеберге и находили в «Фенрике» много такого сомнительного, на что ранее внимания не обращалось. «Пресловутая „Наш край“ заканчивается „пророческим“ обращением к Финляндии: „Твой цветок, который еще в бутоне, однажды освободится из неволи“».

В общем, поэт возвеличивал схватки и стычки пехоты до великих сражений и «прославленных побед», в которых шведско-финская армия разбивала русских. Возникла впечатляющая картина: финны проявляли необычайный героизм и отвагу и постоянно разбивали русских, несмотря на свою малочисленность. Но трусость и бездарность шведского командования вынуждали их отступать и уступать «свое отечество» русским. Писатель не довольствовался этим обобщением, он педантично анализировал многие стихи — «Ветеран», «Фенрик Сиден», «Сандельс», «Новобранец», «Брат облака», «Два драгуна», «Вильгельм фон Шверин». Жертвенность финнов и дикость русских и их бездарность бросаются в глаза. По каким-то причинам только в отношении одного русского, полковника Кульнева, сделано исключение, замечает писатель. Он присутствовал на торжествах в честь Рунеберга и видел живые картины «Братья», «Наместник» и «Брат облака». Писатель не описывает более точно собственные впечатления, но они ощутимы, и он не забывает рассказать о том, что, согласно хельсинкским газетам, на вечернем представлении в Шведском театре весь вечер царили «горячие

патриотические настроения, которые проявлялись в бурных и долго не смолкаемых аплодисментах».

Читатели «Московских ведомостей» уже смогли познакомиться с написанным «одним профессором Гельсингфорсского университета» «Военным маршем» («Война разжигает жестокость, вспыхивает пламя ненависти...»), который заканчивается словами «насилие прочь!», но который по обыкновению завершают словами «рюсся, прочь отсюда!». Теперь анализировавший Рунеберга «Обыватель Финляндии» подробно рассказывал о «Порилайненском марше». Его исполняли в Финляндии при любой возможности, и художник Альберт Эдельфельт нарисовал на эту тему картину. Картинами Эдельфельта к «Рассказам фенрика Стооля» финские патриоты хотели заменить распространяемые русскими коробейниками литографии. Тираж в три тысячи экземпляров уже был распродан. Автор раздумывал над тем, что может последовать за «Порилайненским маршем» Эдельфельта: пожалуй, те знаменитые «Два драгуна», которые отдубасили пять русских казаков! Впрочем, в годовщину Рунеберга, как в Финском, так и в Шведском театре исполняли также «Военный марш» и «Пробудись, Финляндия», которые не выходили из-под пера Рунеберга...

Вышеприведенное описание торжеств в честь Рунеберга воодушевило главного автора «Московских ведомостей» сказать следующее: хотя от этих жалких политиканов, фанатично ненавидящих Россию, можно ожидать всего или, по крайней мере, многого, но есть необходимость задать вопрос, где такое могло происходить: в России или где-то в ненавидящем ее зарубежье? Возможно ли, действительно, чтобы таким образом можно было безнаказанно проповедовать ненависть и презрение к России, изображать поражающих русских оружием инородцев «героями» и «победителями», а русских — побитыми и обращенными в бегство кровавыми и лютыми варварами, «зверьями» и «стаями волков» и распространять среди населения картинки о якобы одержанных их праотцами победах над русскими?

Писатель вспоминал шумиху восьмилетней давности с открытием памятника у Кольенвирта и констатировал, что после этого многое изменилось. Русские начали более пристально наблюдать за тем, что в Финляндии действительно говорят, и заметили, что клика сепаратистов уже давно развивает идею о самостоятельной Финляндии как об отдельном от России государстве. Также в 1885 г. воспоминания о войне 1808–1809 гг. были использованы

для поднятия «патриотизма». Ныне ситуация иная, т. к. русские начали замечать искажения в отношении положения Великого княжества. Ранее речь шла о сепаратизме, теперь — об оппозиции и распространении ненависти к России для укрепления оппозиции. Агитация была чисто политической, это даже не пытаются скрывать, считал автор статьи и обильно цитировал публикации из *Hufvudstadsbladet*, посвященные дню Рунеберга. Автор статьи в этой газете писал о необходимости ежегодного проведения патриотического праздника в эти мрачные времена, о памяти о прославленном поэте в народе, о «лучших воспоминаниях», о «вечном», о «надежде», «будущем» и «идеалах». Все эти слова снабжались многозначительными восклицательными знаками, а о «будущем» и «надежде» — вопросительными.

По мнению автора «Московских новостей», в намеках на будущее скрывалось дерзкое требование о самостоятельном, независимом от России Финляндском государстве, которое максимально находилось бы с первой в «союзе». Так как Российское государство начало теперь явно ограничивать и приостанавливать такое развитие, местные «патриоты» стали распространять ненависть к нему и преувеличенным финским «героизмом» возбуждать в народе оппозиционный дух. В момент «опасности» народ восстанет вместе с «патриотами» против русских.

На самом деле финский народ до этого оставался спокойным и относился к антирусской агитации равнодушно, считал автор. В его среде было заметно стремление сблизиться с Россией, а в его верноподданнических настроениях сомнений не было.

Но со временем агитация могла бы глубоко проникнуть в народ. К этой опасности нельзя было относиться равнодушно. Только цензурных и полицейских мер казалось недостаточно. Действенные законодательные и административные средства необходимы, чтобы уничтожить в корне сепаратистскую теорию о «конституционном Финляндском государстве».

Автор (возможно, главный редактор газеты Сергей Петровский) видел, таким образом, в торжествах, связанных с Рунебергом и «Фенриками», чисто политический смысл, и он едва ли ошибался. Рунеберг и Топелиус были теми основными идейными вдохновителями, на труды которых опиралась идея создания Финляндии как родины финской нации. «Фенриков» и книгу «О нашей стране» читали все школьники в Великом княжестве, «Рассказы фельдшера» и «Рассказы для зимнего вечера» могли пополнить идейную пищу патриотической молодежи. Политическая мобилизация

Рунеберга и «Фенриков» трудной задачей не являлась, т. к. речь шла об известном и любимом всеми поэте, чей моральный авторитет был огромным.

Публикации российских газет по случаю дня Рунеберга заставили генерал-губернатора Гейдена приказать, чтобы впредь программы подобного рода торжеств представлялись заранее. «Московские ведомости» заявили об удовлетворенности делом, но повторили, что цензуры и полицейских средств недостаточно. Недостаточно, чтобы в день Рунеберга не осуществлялись публичные исполнения «Порилайненского марша» или «Военного марша» или постановки о якобы победах шведофиннов. Антироссийская «патриотическая» агитация нашла бы иные пути. Следовало вырвать зло с корнем, повторял писатель, и уничтожить основу для речей о «конституционном Финляндском государстве». Под этим явно подразумевалось, что прежняя неопределенная практика должна быть заменена распространением на Финляндию общероссийского управления.

К великой досаде националистов, русские газеты могли также заметить, что песня «Наш край» исполняется постоянно, и люди всегда при этом обнажают головы. Особое значение песни «Наш край» злило приезжавших в Финляндию русских настолько, что возникало сомнение в «величии» Рунеберга. Не слишком ли много великих для маленькой страны! Даже написавший для нее музыку Пациус был «великим». «Интеллигентный» финн, которого некие русские ошибочно приняли за действительно интеллигентного человека, считал, что императорский гимн пригоден только для «русских варваров». Его финн не исполнял, но песня «Наш край» звучала по всякому поводу и без повода. Тогда присутствовавшие русские также обнажали голову, а воинские части останавливались и брали под козырек. Интересно, замечал писатель, что «Марсельеза» пользовалась в Финляндии большим почетом, но как только ее начали исполнять в России в знак российско-французской дружбы, она лишилась уважения финнов.

«Русский иммигрант», которого судьба забрасывала в Финляндию, не верил ушам, когда слышал, что профессор Петербургской консерватории руководил хором, который в Гельсингфорсе исполнял песню «Наш край». Эта песня и польская *Jeszcze Polska nie zginela* входят в один репертуар, считал раздосадованный патриот. По его мнению, граждане Финляндии сами удивляются, почему русские позволяют им важничать, и объясняют дело страхом, который «память о Нарве» вызывает у русских. Как долго это будет

продолжаться? Не появится ли, наконец, тот могучий Руслан, который твердой рукой сметет этот «бастион измены»?

Суть спора заключалась не в чисто финской спеси, финской государственной теории сепаратизма или потребности России в военной безопасности северо-западной границы империи. Финляндско-русский конфликт угрожал, с точки зрения Великого княжества и его граждан, обособленности Финляндии от России. По мнению русских, под угрозой была целостность государства. Рисуемые главным автором «Московских ведомостей» картины готовности финского «народа» сблизиться с Россией едва ли соответствовали действительности. Особый финский патриотизм предполагал не выход из метрополии, но поддержание дистанции. В уничтожении этой дистанции запрет Рунеберга особого веса не имел бы. Между народами Финляндии и России существовала вековая культурная граница, слом которой можно было осуществить только насилием, массовой иммиграцией — а это растянулось бы на несколько поколений и вызвало бы огромные негативные последствия. Это предполагало также устранение юридических препятствий. Такая денационализация удалась в Сконе, но это было редким исключением. Поскольку сохранялась вероисповедная граница, национальное самосознание нельзя было уничтожить. Это не удалось и в Польше, где говорили на родственном языке метрополии языке. Это не удалось даже в Ирландии и Югославии, где язык общий.

Между языковыми группами в Финляндии нет религиозной границы, и общая государственная и историческая идентичность в принципе создавала хорошие предпосылки для финско-шведской ассимиляции. Общую идентичность дополняли и дополняют культурные факторы, в числе которых поэзия Рунеберга является важным примером. Русские способствовали тому, что образы «шведско-финского» патриота Рунеберга подошли для интересов обеих языковых групп, не став монополией говорившей по-шведски части населения, хотя для этого и имелись известные предпосылки.

Нападая на «Фенриков» Рунеберга, русские проглотили слишком большой кусок. Отпор империи вызвал мощный рунеберговский ренессанс. В 1899 г., когда началось слияние Финляндии с Россией, народ начал особенно энергично чествовать своего великого мужа и с особым почитанием относиться к его стихам о войне 1808–1809 гг. Бобриков и М.М. Бородин, который был его советником по финляндским вопросам, воспринимали Рунеберга

как большую символическую фигуру. В представленном императору докладе об управлении Финляндией в 1899–1902 гг. Бобриков обращал особое внимание на учебники по истории и географии, но замечал, что в преподавании литературы в Великом княжестве также использовались сочинения, которые «вредили государственной самоуверенности, даже прямо были нацелены против России и русских». Генерал-губернатор не оспаривал их художественной значимости и общих мыслей, но незрелые души усваивали из них только «ярко и партийно окрашенные факты, которые, тем самым, порождали только мало желательные чувства». Он ссылаясь на «Рассказы фенрика Стооля».

Рунеберг был «кумиром окраины», и дух фенриков пропитал весь народ — вынужден был сделать вывод Бобриков. Как и двадцатью годами ранее для русских националистов, так теперь для генерал-губернатора песня «Наш край» была камнем преткновения, исполнение которой было, однако, трудно запретить. Затруднение создавало то, что не только прежние генерал-губернаторы, но даже императоры оказывали честь этой песне своим присутствием. Вдовствующая императрица Мария Федоровна (бывшая датская принцесса Дагмар) охотно слушала исполнение студентами «Порилайненского марша». Новый министр статс-секретарь Вячеслав фон Плеве, который также являлся канцлером университета в Гельсингфорсе, не разделял забот генерал-губернатора и просил певцов студенческого объединения исполнять для себя эту скандальную песню.

Политикой запрета финский национализм остановить было невозможно. Напротив, в период угнетения положение Рунеберга как символа антироссийской борьбы упрочилось как никогда. Его стихи и особенно песня «Наш край» и «Порилайненский марш» исполнялись постоянно. Только «Фенриков» в 1899 г. было продано 75 000 экземпляров. В то время это было гигантское количество.

Во второй период угнетения актуальность творчества Рунеберга снова возросла. В 1911 г. неназванный писатель, которым, вероятно, был М.М. Бородин, опубликовал в «Финляндской газете» четыре статьи с анализом «Рассказов фенрика Стооля».

Автор статей констатировал, что эта книга стала канонической. Она была в каждом доме своего рода требником и катехизисом патриотического воспитания. Автор анализировал песню «Наша страна» и замечал, что любовь к суровой природе трогательна, но скалы и озера еще не отчизна, таковые имеются повсюду в северных краях. Стихи о войне сами по себе воспитывали патриотизм,

но ложный, в них враг всегда — русский. Нормально ли, справедливо ли или желательно, чтобы воспевалась одержанная фон Дёбеллем над русскими победа? История никогда еще не знала ни одного финского великого военачальника. Кто были поэтизированные Рунебергом герои? Ввезенный шведами товар, патриотизм которых следует считать довольно сомнительным, т. к. они после войны остались в Швеции. Что касается обычных рядовых людей, рассказывается сказка о том, что один финн победил десяток врагов. Это явная выдумка, но сказке верят как образованные, так и необразованные...

Напротив, то основное, что чтится в народной памяти о вражде, пришло время забыть. Стихи Рунеберга напоминают только о горе и вражде. Пушкин же, напротив, протягивал руку примирения и в своем «Медном всаднике», обращаясь к Финляндии, писал: «Вражду и плен старинный свой пусть волны финские забудут и тщетной злобою не будут тревожить вечный сон Петра!». Так же великий народ России не таит злобу, но зовет все народы, ищущие безопасного места, под защиту могучих крыльев Орла для совместной культурной работы и государственного строительства. Пришло время забыть сказки и повзрослеть. Пришло время здраво оценить ситуацию и приступить к искреннему сотрудничеству — так заканчивал автор.

С «общегосударственной» точки зрения, которую выражал Бородкин, это было само по себе обоснованным и разумным. Многие наблюдения о мифах финской истории были весьма меткими. Финляндию и Польшу в российских националистических кругах неспроста сопоставляли. Обе были в отношении России по другую сторону культурной границы, и мысль об общем, ориентированном на всю империю патриотизме, представлялась в этих окраинных странах утопией.

Миф об исключительном мужестве финнов и о том, что представители этого избранного народа часто побеждали даже десятикратно превосходящие силы, был, правда, художественным вымыслом, «сказкой», которую сочинили Рунеберг и Топелиус, заклеянные в глазах русских патриотов как разрушители и саботажники общегосударственного мышления. Такие мифы, однако, способны превращаться в прогнозы. Кажется, правда, во многом благодаря им народу Финляндии в значительной степени не хватило в один важный исторический момент способности к самокритике и реалистичной оценке ситуации и тем самым получить самоуверенность, которая поможет творить чудеса.

У так называемого чуда Зимней войны исторические корни. Слова шведского наблюдателя, что в 1940 г. «на Карельском перешейке победил фенрик Стооль», едва ли можно считать полным искажением действительности, хотя финны, в действительности, там победы не одержали.

В качестве туриста в Петербурге

Петербург, *Pietarpori* был, как известно, судьбоносным для финнов городом, который, как верил уже Хенрик Габриель Портан, влечет Финляндию за собой, что позже и произошло. Спесивый русский протолкнулся к морю, к Финскому заливу и написал на своей памятной медали жителям края: *Finnia, ecce tridentem*¹. Эта ситуация близка к той, которая позволила в свое время австрийцам потребовать, чтобы швейцарцы ломали шляпы перед господствующим народом.

В действительности море оказалось своенравным. Несмотря на свою тесноту и отчасти благодаря ей Финский залив и Балтийское море могли и бросить вызов. Шведский флот, особенно в союзе с английским или немецким, доставлял российским стратегам головную боль в XVIII и XIX столетиях. В войне Густава III только счастливая удача и неумелость противника спасли Петербург от большой опасности. Англия и Франция бесчинствовали на Балтике во время Крымской войны как душе вздумается. Одна Германия была опасным противником в период Первой мировой войны, хотя Россия владела Аландскими островами и держала основные силы флота в Гельсингфорсе, готовая отразить возможное нападение на Петроград. Во время Второй мировой войны Германии и Финляндии (!) в довершение всего посчастливилось запереть весь Краснознаменный Балтийский флот в огромном стальном мешке в самом конце Финского залива, приблизительно в том самом месте, для которого справедливо использовалось название «Маркизова лужа». Это была территория для маневров флота, которая получила свое

¹ Речь идет о легенде на медали, выполненной Ф.Г. Мюллером в память открытия мореплавания на Балтике в 1703 г. На ней слова по кругу и в обресе представляют собой единое целое: «FINNIA ECCE TRIDENTEM... NAVIGATIONE IN MARE BALTICO STABILITA» («Финляндия, вот трезубец!.. Плавание по Балтийскому морю установлено»).

название в память о морском министре маркизе де Траверсе, служившем также комендантом Роченсальма (Котка).

Петербург всегда был для финнов значимым городом. С перешейка туда ездили постоянно. Из Восточной Финляндии и понемногу из других мест в Петербург начали ездить в поисках работы более или менее постоянно. Количество проживавших в XIX столетии в Петербурге постоянно и официально — «по паспорту» — подданных Великого княжества все росло и достигло почти двадцати тысяч. В условиях того времени это было очень много, т. к. урбанизация в самой Финляндии находилась еще в детском возрасте. Кроме того, в финских городах по большей части говорили по-шведски, в том числе и в Гельсингфорсе, в котором из 23 000 жителей в 1875 г. только около трети говорили по-фински. Количество говорящих в Гельсингфорсе по-русски достигало тогда примерно 10 %, остальные, разумеется, говорили по-шведски, как и на всем побережье с незапамятных времен. Говорящее по-фински население стало составлять большинство в Гельсингфорсе только в начале XX в. В XIX столетии по-фински говорила только сельская глубинка. Как «финский» город Петербург, таким образом, также был очень значимым.

Многие из петербургских финнов в XIX в. говорили по-шведски, если они принадлежали к приходу Святой Катарины. Финский приход Святой Марии со своей стороны стал значительным центром феннизации, в котором была основана финская высшая школа еще до того, как таковые появились в самой Финляндии. Благодаря рвению педагога Уно Чюгнеуса, бывшего ранее священником на Аляске, в имперской столице развивалось дело просвещения на финском языке. Потом же Сюгнеус стал основателем системы финской народной школы, ее «отцом».

Феннизация в Петербурге была видимым и сама по себе четким элементом. Многоязычие петербургского большинства было довольно относительным, т. к. из 1,2 млн жителей по переписи 1897 г. почти 86,5 % были русскими. В то время, во всяком случае, иначе чем сейчас, в Петербурге имелось значительное немецкое меньшинство, 4 %, т. е. около 50 000. Количество финнов исчислялось одним процентом, но помимо этих зарегистрированных по-фински говорило, разумеется, стотысячное ингерманландское население окрестностей и постоянно прибывавший в город с перешейка и из разных мест Восточной Финляндии и не регистрируемый в паспортном столе народ. Кроме того, 0,3 % городского населения были «шведами» — по большей части родом из Финляндии.

Говорилось, что в Петербурге финн мог быть как дома и получать все ему требуемое, используя только финский язык. Железная дорога в Финляндию и Финляндский вокзал находились даже в собственности Великого княжества. В известных местах, между прочим, на так называемой Выборгской стороне финны жили довольно тесной общиной. На финском языке выходили газеты, печатались книги, даже Финский народный календарь, в котором легко можно было найти адреса соотечественников, объявления о театральных постановках и многочисленных обществах, не говоря уже о религиозных службах.

Отношения Великого княжества и столицы стали теснее, когда в 1870 г. начала работать железная дорога Рийхимяки — Петербург, которая соединила Питер с Хельсинки. Стратегически важная для империи дорога проходила довольно далеко вглубь страны, чтобы можно было осуществлять в случае надобности переброску войск, избегая при этом исходящей с моря опасности. Во всяком случае, она сделала возможным переброску из имперской столицы в Гельсингфорс десятков тысяч людей за десять часов и еще более быстро. В пути делали остановку на вокзале Кайпиайнен, чтобы с удобством перекусить. Уже не нужно было замечать распутицу, шторма и иные непредвиденные явления природы, которые могли сделать морское плавание кошмаром, а поездку в повозке — долгим и тяжелым испытанием. Предложение породило спрос, а вдоль дороги по перешейку появилось большое количество русских дач. Когда Финляндия стала независимой, морское побережье перешейка находилось скорее в собственности российских, а не финских граждан. Земля была продана. Это обстоятельство, а также стратегические соображения побудили имперских чиновников прийти к выводу, что южные волости на перешейке следует отделить от Великого княжества и присоединить к метрополии. Для финнов это было кошмаром, который они сами себе устроили.

Во второй половине XIX в. дали о себе знать два важных явления — мегаполисы и массовый туризм. Для финнов наиболее близким мегаполисом был Петербург, численность населения которого достигла в середине века полумиллиона человек, а к 1910 г. — почти 2 миллиона. Это означало, что город стал входить в избранную гвардию немногих европейских и мировых мегаполисов. Гельсингфорс также рос, в 1910 г. численность его населения достигла 119 000 человек, и в тогдашних условиях он стал небольшим крупным городом.

Мегаполисы представляли собой новую форму жизни, которая в других местах не встречалась. Современный образ и темп жизни и удовлетворения повседневных потребностей, анонимность отношений людей, современный темп жизни, индустрия развлечений служили постоянными импульсами, все здесь резко порывало с сельской жизнью и, по мнению многих, не в лучшем отношении. Во всяком случае, мегаполисы уже сами по себе принадлежали к эпохе новых людей, и вообще можно утверждать, что происхождение всех новых достижений человечества, хороших и плохих, следует искать именно в них. Туристы, которые странствовали в ностальгическом мире природных чудес и руин, начали теперь проявлять интерес и к объектам в мегаполисах. Международные выставки и другие крупные выставки, которые во всех мегаполисах начали проводиться после мировой выставки в Лондоне в 1851 г., были нацелены на привлечение туристических потоков.

Зрелищ действительно хватало. Только уличное освещение в крупных городах с его ослепительными лампами накаливания, впечатляющие мосты через реки, вокзалы и прочие огромные центры, площади и залы, которые появились, чтобы служить гигантским концентрациям людей, даже канализационные системы являлись сами по себе достопримечательностями. Размеры зданий поражали прибывших из несравненно более скромной обстановки гостей, и человеческая сутолока широких улиц трепала и возбуждала нервы — по крайней мере, по мнению модной медицинской науки. Искусство, наука, высокая культура и щегольские празднества ведут свое происхождение от крупных городов. Дворцы монархов и аристократии, публичные здания и памятники, кичливый блеск гвардейских полков, фейерверки и салюты ассоциировались именно с крупными городами. В них простому люду предлагалось бесконечное число удивительного.

Финские газеты публиковали в XIX столетии много писем читателей. Корреспондентами нередко бывали местные пасторы, студенты и другие активисты. Даже грамотные крестьяне могли посылать в газеты свои истории. Вообще эти рассказы местных корреспондентов повествуют именно о местной жизни и необыкновенных или иных значительных событиях, но также об общепользовательных делах и новостях, даже о новой русской литературе или о славянофилах. Следует учитывать, что губернские газеты имели тогда вес. Говорившая по-фински публика особенно проявляла интерес к губернским газетам, чья читательская

аудитория состояла из представителей охваченных духом просветительства финскоязычных кругов. Где были эти люди, там было будущее.

Писания туристов нередко повторяли одни и те же картины. Каждый побывавший в Петербурге дивился Исаакиевскому собору и Зимнему дворцу. Огромные мосты были и в мировых масштабах чудесами, для которых ближе Лондона подобия не найдешь. Все туристы проявляли интерес к пестрой национальной жизни и экзотике, а также к уровню цен. Поражало количество товаров, покупательная способность мегаполисов допускала приобретение и продажу самых удивительных товаров. Универмаги начали появляться именно в XIX в., и в Петербурге у них были свои соответствия. Культура повседневной жизни также почти всегда привлекала внимание туристов, неприветливость людей или дружелюбие, склонность к совершению правонарушений или порядочность были темами, о которых стремились поведать.

Стереотипы для человеческого сознания являются нормальными и необходимыми средствами, как отмечал социальный психолог Антти Эскола. Их туристы также конструировали в своих сообщениях, хотя и, с другой стороны, также вносили исправления в бытовавшие упрощенные представления, как лучше знающие предмет. Поскольку дело касается писем финнов из Петербурга, читатели в конце XIX в. ожидали враждебных финнам настроений в имперской столице. И газеты неизменно сообщали о нападках «Нового времени», «Московских ведомостей» и других антифински настроенных изданий. Однако и дружественное отношение русских и благожелательные воспоминания проводивших в Финляндии отпуск могли попадать в новостные сообщения.

Стереотипное восприятие финскими туристами Петербурга и его жителей не было, однако, преимущественно отрицательным. Негативной чертой было выпрашивание чаевых, с которым сталкивались повсюду, в остальном русские представляли в довольно положительном свете. Заслуживающими внимания деталями были такие факты, как незначительные сословные различия, что «видно повсюду», а также малое отличие сельской местности и города: горожане внешне выглядели крестьянами. Мысль о незначительных сословных различиях в России на первый взгляд представляется неожиданной. Ведь российское общество было поляризованным, в нем огромное по численности и находившееся

в самом низу крестьянство вынуждено было трудиться за мизерную плату как в промышленности, так и на службе у помещиков. На противоположном полюсе были богатейшие сословия. Средний класс фактически отсутствовал. Рост населения подрывал, однако, как в свое время в Финляндии, положение независимого крестьянства, тогда как доля арендаторов и безземельных в населении возрастала, но в Финляндии господствовала традиция крестьянской независимости и самоуверенности, которая заведомо не допускала раболепства и подчеркивала чувство собственного достоинства.

Несмотря на это, к мысли о незначительном различии российских сословий следует относиться серьезно. Речь вовсе не о независимости и чувстве собственного достоинства, а о других делах, связанных с практикой повседневной жизни. Представляется вполне обоснованным предположить, что русские княгини держали себя со своими слугами более тепло и просто, чем хозяйка и хозяин маленького финского дома. Также в старой российской армии, которая отнюдь не славилась равенством и своим отношением к «демократическим» ценностям, отношения рядового состава и офицерства нередко рисовались простыми и до некоторой степени более близкими, чем те были в республиканских странах. Особенно такая слава связывается с образом насмежавшегося над пруссачеством Суворова, которого русские всегда высоко ценили. Пожалуй, даже у традиционного русского патернализма было что предпринять в этом деле.

Как бы там ни было, Петербург XIX столетия был для финнов, если судить по финляндским газетам, полной экзотикой. В одном репортаже 1883 г. повествовалось о том, что в тамошнем трактире можно получить самые экзотические блюда: чудесную рыбу из любой российской реки, икру, блины, колбасы и т. д. Все было дешево. Общество было смешанным, в Финляндии его явно невозможно было бы и представить в одном и том же месте: мужики хлебали суп из мисок, бабы кормили детей. Чиновник в поношенном мундире читал газету, а «святые братья», т. е. попы пили водку. Вскоре собутыльники затянули песню, затем уже «завязалась драка», но люди примирились и целовали друг друга. Подобного в Финляндии и ожидать было нельзя. Автор подчеркивал, что атмосфера очень сильно отличалась от финской: никто не тревожил другого. «Такого жестокого дебоша, как у нас» не было и в помине. Напрасно утверждать, что в этом отношении разница между Финляндией и Россией все еще сохранялась и,

т. о., представлять эту разницу относящейся к глубинным структурам культуры. Идиллия, однако, не была совершенно полной, напоминал автор: в этом месте лучше было держать руку на бумажке...

Свидетельство о Петербурге наиболее известного, пожалуй, в те времена финского журналиста Юхани Ахо представляет особый интерес. Он впервые приехал в этот город в 1891 г. Тогдашние нападки националистической прессы на Финляндию были на полном ходу, в предшествующем году был издан почтовый манифест, который заставлял предвидеть плохое. В том же году была опубликована знаменитая новелла Ахо «Мой стойкий народ», получившая необычайно большое символическое значение, которую заметили даже русские националисты, подвергнув ее нападкам. Ахо принадлежал к кругу Элизабет Ярнефельт, и у него благодаря этому было неплохое знание русской культуры, что хорошо чувствовали даже дети Ярнефельтов — Арвид, Ээро и Каспер. Из больших городов Ахо хорошо знал Париж, в котором провел год. Таким образом, Петербург не мог поразить его лишь чудесами большого города.

По мнению Ахо, поездка в восточную метрополию не обещала приятных ожиданий. Из Финляндии обычно стремились на запад и в этом направлении всегда охотно двигались. Петербургская дорога была лишь черным ходом, через который прощмыгивали как можно быстрее и только в бедственной ситуации. Правда, Петербург способен был предложить те же прелести, что и другие города мира. Театры и концерты, бурная жизнь улиц и анонимность были здесь теми же самыми, что и в других местах. Но кое-что в Петербурге давило, и писатель полагал, что некоторое время назад дело так не обстояло. Деловые связи и новейшая российская гениальная литература оживили финско-русское взаимодействие, но затем «хозяин» начал действовать угрожающе. Теперь русский дух уже протянул свои пальцы и щупальцы повсюду в Финляндии. В самом маленьком провинциальном городке даже вывеска на телеграфной конторе уже была на русском языке. Кокарды, мундиры, одежда извозчиков и уличные вывески были в Финляндии теперь русскими, размышлял автор. Обозначения были новыми, но не обещающими.

В Восточной Финляндии поездом стал пользоваться новый народ. В толпе были русские, но те, кто изъяснялся по-фински, говорили на своем диалекте, далеком от того, который слышали западнее. Они наводнили Петербург и говорили о нем как о своем

собственном городе. Они считали свои расходы и получали доходы в рублях и копейках.

В Петербурге на Ахо произвели большое впечатление ровность и необычайная пропорциональность города. Улицы были удивительно длинными, мост через Неву поражал своими размерами. Здания походили на казармы, будто находишься «в стране равнин, рек, военных, казарм и пушек».

Русский повсюду один и тот же, он везде, замечал Ахо. Хотя Петербург был, разумеется, европейским городом, едва ли во всей этой части света был другой более национальный столичный город, полагал Ахо, где улицы не были столь широки, но где не было такого изобилия земли. «Такого блеска золота и кричащей яркости красок» не было и в восточных странах, но это было частью России. «Слащавость и полнота, характерные для продуктовых лавок, и та жирность, которая сочится из кухни до самой улицы, может ли быть где-то еще, кроме как здесь, где страна черного гумуса выставляет все лучшие продукты!» И русский по природе своей — «довольный, милый, медоточивый». Своими корнями он уходит в изобильность своей страны, а в целом его труд оплачивается так щедро. Русский человек беззаботен и добродушен, он с легкостью снимается с места, «когда он немного выпьет, то его легкая кровь бьет ему в голову неистовством злости и горечи, но он желал бы страстно расцеловать каждого и весь мир». А когда он видит доброго коня, он несется за ним во весь опор вдоль широкого Невского проспекта, где осторожный иностранец смотрит ему с удивлением вслед и спрашивает, как это возможно...

По наблюдениям Ахо, в Петербурге встречались истинно русские мужики и модные франты, крестьянские возки и изящные кареты. Западноевропейские модные магазины и местные лавки, парижские рестораны и местные трактиры соседствовали друг с другом. Петербург был головой гигантской России, тогда как Москва — ее сердцем. Внешние черты головы были, пожалуй, довольно изящными под влиянием западной цивилизации, но в глазах было подлинно русское выражение, а за морщинами на лбу жили подлинно русские мысли. Все это было бы забавным и производило бы благоприятное впечатление, размышлял писатель, «если бы только эти мозги понимали, что другие и самые малые любят в себе свое собственное своеобразие и что то, что для них самих считается дорогим и святым, оно столь же дорого и свято и для других».

Текст Ахо четко отражает ту давящую политическую атмосферу, которая преобладала в отношениях между Финляндией и Россией уже несколько лет и стремилась распространиться до уровня обычной будничной практики. Это настроение определено не распространялось на крестьян приграничных волостей и мелких торговцев, но финляндская интеллигенция чувствовала его повсюду. На приезжавших в Петербург, в город финляндской судьбы, либеральных интеллектуалов из национальных меньшинств более или менее против своего желания давила громадность России, свидетельством которой служил Петербург. Душа России представляла необъяснимо иной и непредсказуемой, хотя она не была лишена симпатичных черт.

Репортаж Ахо — это сбалансированное и интеллигентное слово современника. Безусловным исходным пунктом для писателя было почти полное отличие Финляндии от России, которая теперь угрожала финнам пока хотя и незначительными, но конкретными делами, такими как вывески на русском языке на телеграфных конторах. Писатель не испытывал ко всему русскому антипатии, но ужасался проникновению всего русского в его собственную маленькую родину. С общегосударственных позиций в тексте Ахо не содержится ничего особого, но иного едва ли следовало и ожидать. «Голова России», точнее, позиция петербургской прессы постоянно отражалась в финской прессе. Русский шовинизм представлял на фоне всего виденного в качестве внешней угрозы, которая несла опасность всему тому, что для просвещенной национальной публики Финляндии было дорого и свято.

Финляндия Веры Желиховской

Вера Петровна Желиховская (1835–1896) принадлежала к аристократическим кругам России. Ее предки со стороны матери восходили аж к киевскому князю Ярославу Мудрому. Она была в свое время близка со знаменитостями и влиятельными людьми. Основательница теософии Елена Блаватская была ее сестрой, а министр финансов Сергей Юльевич Витте — ее двоюродным братом. Вера Петровна была писательницей, которая публиковала рассказы во многих периодических изданиях, в том числе в главном рупоре антифинляндских настроений «Московских ведомостях». В действительности писательница вовсе не была реакционным политиком, а скорее была известна своими фантастическими, теософскими

сочинениями и детскими произведениями. Большую часть своей жизни Желиховская провела в Одессе, а последние два десятилетия прожила в Петербурге.

В 1893 г., уже в преклонном возрасте Вера Петровна успела побывать в Южной Финляндии и опубликовала в «Московских ведомостях» серию из семи очерков. Общая тональность статей отнюдь не отмечена печатью великодержавного шовинизма или злости, а скорее снисходительностью дамы большого света, которая рассматривает маленькие провинциальные европейские столицы с высот петербургской знати и сравнивает природные достопримечательности соседней страны с достопримечательностями Швейцарии и Кавказа. Женский взгляд Желиховской на мир дополняет прочие описания Финляндии XIX в. При его оценке следует учитывать, что финляндско-русский словесный конфликт в то время достиг своих высших точек, когда те же «Московские ведомости» нападали на «так называемые» основные законы Финляндии, «армию» Великого княжества и прочие многочисленные особенности и особые права пограничной территории. В прессе даже вспоминали довольно регулярно о бедственном положении русских и русского языка в Финляндии, а также о хамстве «аборигенов» и дерзостях, которые говорят русским и говорящим по-русски. Положение русского языка, скорее всего, и было тем обстоятельством, которое в статьях Желиховской отвечало общей тональности публикаций «Московских ведомостей» о Финляндии.

Первым пунктом поездки Желиховской был «опрятный маленький город Выборг». В городе, как говорят, никогда не видели ни пьяного, ни нищего, что хорошо, но русский там явно не чувствует себя как дома. Никто, «особенно женщины», здесь русским языком не владеет, только глупо улыбаются и крутят головой. Что касается простого народа, то это не удивительно, но то, что полиция ни слова не знает по-русски во входящем в состав Российской империи городе — это досадный и нестерпимый факт.

Вопрос о языке был предметом интереса писательницы во всех местах, где она останавливалась. В целом, в Финляндии знали языки, в ресторанах меню могло быть на языках всех европейских государств, кроме русского. В Южной Финляндии всегда можно найти образованного человека, говорящего по-немецки или по-французски, но владеющего русским — нет. В Тампере все-таки нашлась служанка-карелка, которая сносно говорила по-русски, а писательница смогла насладиться беглым английским извозчика. Тот служил с десяток лет на английском судне. Языковая проблема

доставляла, однако, знающей языки писательнице постоянные затруднения. Несмотря на предложение, она не осмелилась поехать дальше Иматры и Лаппеенранты в Восточную Финляндию, т. к. там один из ее знакомых попал в плохую ситуацию. Во время проливного дождя он со своим багажом долго искал пристанище. В этих краях ведь нет даже говорящих по-шведски, а понимающих язык жестов финнов с трудом можно было отыскать. В Китае было бы легче, полагала писательница, т. к. там определенно нашлись бы толмачи, которые владели бы более распространенным языком, чем финский.

Русский действительно относился в Финляндии к редким языкам. В отели выписывали европейские газеты, но не русские, хотя большинство путешественников составляли русские. В Лаппеенранте насчитывалось довольно много русских, между прочим, как говорили, преуспевающих купцов, но даже здесь удалось заказать отправление в почтовом отделении только с помощью оказавшейся на месте несовершеннолетней девочки, которая разносила все русскоязычные письма. В действительности в Лаппеенранте, как и в других местах Финляндии, по-русски говорили только российские солдаты.

Впрочем, Лаппеенранта была вполне уютным и удивительно опрятным маленьким городом, располагавшимся в живописном месте. Интересными были также природные красоты Восточной Финляндии, от «Монрепо» барона Николаи до водопада Иматры. Но повидавшая мир путешественница видела и более впечатляющие картины.

В Гельсингфорсе было очень чисто, легко поддерживалась связь благодаря наличию почти в каждом доме телефонов и комфортным пролеткам с высокими колесами с резиновыми покрышками. Скалистая природа и морские пейзажи были великолепны, так же, как и некоторые здания, например, Атенеум. В последнем были вызывающие интерес полотна, такие как картина Альберта Эдельфельта, запечатлевшая надругательство герцога Карла над телом Клауса Флеминга. Но об этих полотнах в России не было известно, т. к. в здании все надписи только по-шведски и по-фински. Языковая проблема была заметна и в Гельсингфорсе. Вышагивающий в роскошном мундире Юпитер полицейского управления только презрительно мотнул головой, когда к нему обратились по-русски. Обращение по-немецки уменьшило презрение, но не добавило понимания. Невероятную особенность обнаруживаешь, однако, в университетской библиотеке: сорок тысяч русских книг!

Более удивительно другое — в книжных магазинах книги на всех европейских языках, кроме русского.

В Гельсингфорсе рассказывали о многочисленных великолепных парках. Они не вполне соответствуют тому, что под парками подразумевают, например, в Англии, это, скорее всего, перелески. Парк Кайсаниеми можно назвать садом. Музыки в городе достаточно, не только в парках, но также у невзыскательного ресторанички под названием *Kappeli*, где играет духовой оркестр местного батальона. К слову сказать, «Московские ведомости» ранее не одобряли того, что задней стороной *Kappeli* обращен к зданию, занимаемому генерал-губернатором, и на него летит из трубы маргариновая гарь. Также с утра и до вечера резонанс от музыки доставляет беспокойство соседям. На Эспланаде стоял огромный памятник Рунебергу — «наиболее примечательному и если не единственному» финляндскому поэту. Ранее в том же году газета разоблачала скрытый сепаратистский смысл торжеств в день памяти поэта и антироссийскую сущность поэзии Рунеберга.

Несмотря на проблему владения языком, Гельсингфорс в описании Желиховской не производит впечатления скучного места. Виды на острова и море, шведский стол (смергосбург), т. е. холодные закуски в ресторанах и комфортное перемещение по городу являлись хорошими сторонами. Плавание на корабле вдоль финского побережья само по себе было увлекательным. В Ханко имелась купальня, но места было слишком мало, чтобы *femme du monde* смогла бы избежать скуки, пробыв там более двух дней. Турку был маленьким и, что удивительно, не особенно чистым городом. Объяснялось ли это тем, что «самая чистая» публика выехала на дачи? К счастью, нашелся говорящий по-русски извозчик, к услугам которого затем прибегали неоднократно. Лакеи в гостинице говорили на всех европейских языках, кроме русского. В Тампере поехали на поезде, кондуктором был чухонец, от которого только слышали *juijui*, *jaajaa*, *joojoo* и который делал свою речь более доступной похлопыванием по спине, что было типичным здесь вне зависимости от возраста и пола.

Во время пребывания Желиховской в Тампере там находился в инспекторской поездке генерал Гончаров, с которым писательница познакомилась еще в Гельсингфорсе и имя которого она позже использовала также в Нокиа, около Тампере. Оно действительно стало паролем «Сезам, откройся», который заставил дирекцию завода быть очень обходительной. В разговоре использовался,

правда, немецкий, т. к. владевший русским директор находился теперь в свите Гончарова.

По пути Желиховская посетила еще несколько мест, из которых Ауланко произвел на нее особенно благоприятное впечатление. Однако везде проблемой оставалось слабое или незначительное знание населением русского языка. Это вовсе не объяснялось русофобией. Например, священник православной церкви в Хямеенлинне заверял, что православные обряды никак не нарушаются и что он ведет службы также и на финском языке. Большую часть православных в Финляндии составляли финны, а не русские. Проблемой прежде всего являлось то, что общины и русские школы были очень бедны.

Постоянным читателям «Московских ведомостей» местная ситуация, бесспорно, казалась в этом отношении исключительной, т. к. у газеты в обычае было добросовестно сообщать о различных происходящих в Финляндии притеснениях русских и религиозных нарушениях, как, например, о входе в храм в головном уборе и с зажженной трубкой или об оскорблениях священников и прочих неприятностях. О более волнующих происшествиях также писали: рассказывали, что финские солдаты подожгли икону; в пьесе писательницы Минны Кант насмеялись над православной верой, когда говорили об иконах Олонецкой церкви; и, как своего рода предел всего, газета приводила пример, как присутствовавший на учениях финляндской гвардии писатель при продвижении на восток вдруг почувствовал «вредный запах рюсся». Для достоверности фраза была воспроизведена и по-фински.

Репортаж Желиховской вполне подходил для общей линии «Московских ведомостей», т. к. в нем подчеркивалась языковая обособленность пограничной территории и дискриминация русских и русского языка в Великом княжестве. Однако тон писательницы не был особенно гневным, у нее нашлись слова признательности в оценке тех дел, которые она сочла положительными. В целом репортаж способствовал, однако, упрочению того предвзятого мнения, которое уже сложилось у читателей националистической прессы и не всегда было вполне достоверным.

Толстой в Финляндии и в России

Финны хорошо знают Льва Толстого, этого «Большого рюсся», этого «старика из Ясной Поляны», как именовал его в своем талантливом фельетоне лауреат Нобелевской премии Ф.Э. Силланпяя. Финны

с особым вдохновением читали «Войну и мир», «Анну Каренину» и многие другие его сочинения. Хорошо известно, что финны иногда отправлялись в паломничество в Ясную Поляну, что Арвид Ярнефельт учился у великого старика, бросил свою барскую жизнь, занялся ремеслом сапожника помимо литературного творчества.

Но Толстой был значительно больше, чем тот одетый в крестьянский армяк граф, который хотел вспахать землю, как крестьянин, и восхищался простым народом и его подлинными и неиспорченными обычаями. Толстой был не только пацифистом, но также старым воякой, чей патриотический дух страдал, когда российская армия скверно выполняла свои задачи.

Толстой, разумеется, более велик и сложен, чем собрание его сочинений. Неспроста сэр Исая Берлин в своем известном эссе *The Hedgehog and the Fox* пришел к тому выводу, что Толстой отнюдь не был ежом, способным только на один трюк. Он был скорее лисой, знавшей бесчисленное количество трюков.

В творчестве Толстого мы можем увидеть сильную любовь к родине и искреннее уважение к русскому человеку. Простой крестьянин Платон Каратаев учит франта из высшего света Пьера Безухова лучше понимать жизнь, чем самые умные книги. Левин в «Анне Карениной» испытывает глубокую связь с природой и народом, когда занимается простым физическим трудом в поле. Истинный Бог пребывает в самом человеке, не в храме и его живых ритуалах. Во всех самых обычных людях присутствует кроме неба и тайн религии также и ад. Смерть обычного человека Ивана Ильича обычна сама по себе, но также вместе с тем это ужасающая история.

Толстой был анархистом, что знает каждый. В своей повести «Хаджи-Мурат» он описывает, насколько абсурдно, что живущее в собственном иллюзорном мире государство считает себя правящим миром. Указ императора бесчувственно и безнравственно предписывает уничтожение народа, когда у монарха нет даже примерного представления о том, как его приказ будет выполняться и какие события последуют. Действительность превосходит все худшие ожидания, она ни во что не вмещается. Человек, который считает, что он управляет событиями, как Наполеон под Бородино, в действительности представляет собой полный нуль. То, что происходит, происходит независимо от человека, и то, что во всем есть великое, остается вне его человеческого разума. Действительность открывается только смиренному наблюдателю, у которого нет иного стремления, кроме любви, и который бескорыстен.

Родство идей Толстого с восточной философией очевидно. Человека ведет вперед безрассудный инстинкт. Он всегда желает того, что недостижимо, и в основе всех несчастий и ложных представлений лежит желание — своевольное отношение к объекту. Того, что желается, недостаточно таковым, каково оно есть, им желают владеть и его желают подчинять. Уже чистого желания достаточно, чтобы исказить объект, а при этом и сам субъект. Счастье возможно лишь тогда, когда желание заглушено. В восточной философии это называется нирваной. В Европе Шопенгауэр придал этому значимость способа приближения. Парадоксально, но Махатма Ганди, который в принципе мог почерпнуть основы толстовского учения из родной почвы, вдохновение для своей программы ненасильственного сопротивления получил именно у Толстого.

Резко настроенный в старости против государства и церкви, Толстой оказался с ними, что вполне понятно, в очевидных конфликтах. Православная церковь не могла перенести того, что ее священные обряды именуется насмешкой над Богом. Государство не могло стерпеть того, что Толстой призывал соблюдать изначальное учение христианской веры и запретил убивать и приносить клятвы.

Смерть Толстого в результате его драматического ухода лишний раз сделала его известной во всем мире личностью. Он был высоким моральным авторитетом для многих людей во всем мире, и в Финляндии у него имелась целая группа страстных последователей: как писателей и людей практических профессий, так и совершенно обычных людей, которые жаждали истины и справедливости, но утратили веру в учение церкви. Не только Арвид Ярнефельт восторгался Толстым, имелась большая ватага других, среди которых в первых рядах были писатели правого крыла Коскенниemi и Талвио, Кианто и Вилкуна. Эйно Райло также высоко чтит классика.

В своем максимализме Толстой был великим революционером. Не случайно, что мастера очень ценил Владимир Ильич Ленин, который, разумеется, с другой стороны, презирал полную непрактичность Толстого и его неприятие насилия. Сам революционер, т. е. как создатель направленного против любых авторитетов строения, Толстой, напротив, даже с точки зрения большевиков, был вполне пригоден. Не случайно ведь его в свое время причисляли к великим революционерам России, даже точнее — к группе родоначальников.

Что касается самой революции или, скорее, духа революции, то имелся широкий водораздел между финнами и русскими. Граница проходила, разумеется, не там, где проходила граница между двумя нациями. У Толстого как российского революционера имелся как бы плацдарм в Финляндии, который неожиданно сильно расширился в беспокойный 1917 г. и на который опирался кровавый мятеж 1918 г.

Отношение многих финнов к Толстому определялось в большей или меньшей степени тем революционным радикализмом, который со временем стал центральной частью учения Толстого. Не было единого мнения о средствах. У Толстого-лисы русские находят вообще все, в чем испытывают потребность. Под чарами мастера оказался в свое время Максим Горький, тянувшийся к высоте ученик Ницше, героями которого были босоногие нищие, цыгане, представители люмпен-пролетариата. Горький считал, что следует искать высшую правду, улучшить мир в безжалостной борьбе — разовым революционным переворотом. Те, кто пытаются уклониться от этого диктуемого неизбежностью окончательного решения, являются дезертирами, которых Горький клеймил самыми плохими словами, допустимыми среди российской интеллигенции. Он называл их мещанами.

Когда истина определяется таким образом, то и судьбой Толстого было оказаться в презираемой группе, по терминологии Горького, мещан. Ведь он провозглашал, что зло нельзя побороть злом, а это означало борьбу без конца. У Толстого была еще одна важная идея, касавшаяся сексуальности, — он относился к ней принципиально отрицательно. Телесная любовь в романах Толстого — чистая мука, где разрядка не приносит удовлетворения. «Анна Каренина» по непонятной для меня причине была названа великим романом о любви. На самом деле речь идет о мрачном осуждении сексуальности.

Как бы там ни было, Толстой стал ключевой фигурой для такого явления конца XIX в., которое известно как декадентство. В противоположность тому, что можно было бы вообразить, декадентство отнюдь не было только неудержимым развратом или половой извращенностью, каковой также считался гомосексуализм. Декадентство было также той же перверсией, когда женщина и мужчина жили вместе без секса. В «Крейцеровой сонате» Толстой прямо исходит из того, что сексуальность омерзительна и является по природе бесовской силой, которая портит образ женщины в уме мужчины и превращает женщину в развратное существо,

которое оголяет свою грудь и плечи и подчеркивает свой зад, чтобы возбудить мужчину. Большая часть западного искусства, по его мнению, в конечном счете только служит разврату и сладострастию. Действительно ли человек должен стремиться, помимо добра и истины, также и к красоте? По мнению Толстого, нет. Красота женщины, апофеоз красоты, в конце концов, только западня и мука, как ее описывает Проповедник.

Могучий старик-граф был далек от того женоподобного денди, который стал в конце века — *fin de siècle* — символом декадентства. Оскар Уайльд с его гомосексуализмом и Зинаида Гиппиус с ее андрогинией были полнокровными типажамы декадентства, если позволительно так выразиться, но именно сквернословие в адрес нормальной сексуальности, к которому прибегал Толстой, было на самом деле ядром вопроса, критерием декадентства.

Вслед за Иисусом архетипичный радикал Толстой заявлял, что уже один взгляд на женщину означает грех, прелюбодеяние. Из этого напрашивается вывод, что акт прелюбодеяния предельно не особенно ужасен, или еще более радикальный вывод, что повседневная нормальная человеческая жизнь является в основе своей мерзейшим преступлением.

В атмосфере *fin de siècle*, когда все старое в новой жизни огромного города подлежало разрушению и уничтожению, у этого процесса был свой собственный резонатор. Буржуазная мораль получила теперь критиков, как правого, так и левого направления. Очень многие были едины во мнении о лживости и лицемерии общепринятой жизни класса буржуазии. Проституция была ярким свидетельством аморальности, на нее нападали и Толстой. Насколько омерзительным было то, что франт, в обычае которого было развратничать в домах веселья и который в действительности приобретал там сифилис, мило беседовал с невинной девочкой! Негодяю следовало бы указать на дверь, но вместо этого ее родители благосклонно относились к нему, желая, чтобы дочка повыгоднее вышла замуж.

Целью жизни главного героя Арвида Ярнефельта в его романе *Veneh'ojalaiset* Ханнеса было уничтожение проституции. Его революционный круг планировал ужасные террористические акты для достижения этой цели. Планировалось даже затопить Петербург, открыв для этого фантастические «Невские плотины» в верхнем течении реки. Что касается Гельсингфорса, то планировалось угрожать городу пушками из Свеаборга: если публичные дома не будут уничтожены, город превратится в груды

щепня. Прообразом Ханнеса была видная фигура в событиях 1905–1906 гг. — Юхан Кок, который, правда, не остался доволен своим литературным воплощением.

Согласно трактовке радикальной интеллигенции того времени, брак также был формой проституции, если в нем отсутствовала любовь. Но возможна ли вообще любовь в браке и, кроме того, как быть, если в какой-то период любовь будет обращена на какого-то другого партнера, а не на супруга? В «Крейцеровой сонате» Толстой, кажется, придерживается взгляда, что единственное решение — подавление страсти. Некоторые из его почитателей, как, например, Илмари Кианто, напротив, полагали, что формальный брак является сам по себе безнравственным институтом и если достаточно любви, то является возможным сожительство с несколькими партнерами, даже одновременно.

Напрасно говорить, что вопрос о сексе был основным на рубеже столетий. Такие пророки в этой области, как Отто Вейнингер и Зигмунд Фрейд, пытались сделать это наукой. Отмечалось, что крупные города полны истеричных женщин и нервных мужчин. Болезнью того времени была чрезмерная и извращенная сексуальность, которая, по мнению ученых мужей, высасывала из человека жизненные силы. Нескончаемое возбуждение, разврат и мастурбация делали человека безвольным и беспомощным. Противопоставить этому можно было только аскезу или сублимацию. А можно ли начать жить по-новому, когда место сексуальности займут иные природные силы? Можно ли возвести сексуальность на новый и более высокий уровень?

В России, как и в Европе, эти мысли находили свой отклик. Святая для российской интеллигенции книга Чернышевского «Что делать?», которая, согласно подзаголовку, являлась рассказом о новых людях, также была построена вокруг этой центральной тематики. Она доносила мысль о подчинении сексуальности рациональной и планируемой общественной жизни. Таким образом, женщины способны были достичь человечности и равенства с мужчинами.

Книга Чернышевского имела огромное влияние в российской и, можно сказать, в мировой истории. Ленин читал ее снова и снова, и она оказала решающее воздействие на его интеллектуальное становление. В большевистской России негативная позиция Чернышевского в вопросе о сексуальности была сохранена наряду с либертинистским радикализмом. В классической работе Федора Гладкова «Цемент» идеализированные главные герои воздержжи-

ваются от половых связей. В книге Островского «Как закалялась сталь» также описывается, как половое влечение должно быть подчинено классово-борьбе.

Но вернемся к Толстому. В Финляндии он стал великим учителем одного поколения и вызывающим восхищение писателем и моралистом. С другой стороны, он стал символом России, и в течение нескольких лет казалось, что граница между Россией и Финляндией, эта «китайская стена», пересечена. Политическое противоречие с той властью, которая угнетала как Финляндию, так и Россию, и против которой пророк из Ясной Поляны безуспешно боролся, отнюдь не являлось той причиной, которая заставляла чуждаться русской культуры.

Для плеяды правых писателей — Эйно Райло, В.А. Коскениemi, Кюёсти Вилкуна и Майла Талвио — положение русской культуры в первых рядах общемирового культурного процесса было очевидным. Следовало ехать в Петербург или в Москву, чтобы восхищаться театральными постановками. Как Толстого и Достоевского, так и Чехова и Тургенева переводили в начале столетия на одном дыхании. Мятужника Максима Горького чествовали в Национальном театре Финляндии, а великие поэты Серебряного века, со своей стороны, писали воодушевленные и восторженные стихи о Финляндии.

В 1908 г. журнал *Aika-lehti* опубликовал речь Майлы Талвио на торжестве в честь Толстого. Пришедший в восторг оратор назвал Толстого «величайшим искателем истины нашего времени», который показал, что счастье заключается в том, чтобы жить ради другого. Только жаждущий любви и жертвенности может быть удовлетворен. «Нам следует освободиться от тех групп и масс, благодаря которым мы шествуем, ненавидя, и преследуя, и замысливая проклятия... истина, любовь, в них цель ищущего, в них счастье, в них Бог». Толстой не одобрял более ни церковь, ни государство, приравненную к нему родину. Стала ли Майла Талвио также анархистом, как и многие другие финские последователи Толстого?

Да, и при чтении Толстого у нас имелась потребность в переводе. Владение финнами русским языком было довольно скудным. Принудительное изучение русского при Бобрикове отнюдь не улучшил ситуацию, скорее, пожалуй, напротив. Братья Ярнефельты, правда, учили русский еще дома, но круг владеющих русским языком был весьма ограниченным. Центральными фигурами в нем были учившиеся в Москве стипендиаты («московские магистры») Кианто, Тойво Т. Кайла и братья Калима.

Реакция не заставила себя ждать. В 1912 г. В.А. Коскенниemi опубликовал программную статью *Oriens an occidentis*, в которой разнес «Анну Каренину» Толстого. Статья, однако, была в основном посвящена тому, в каком направлении должна развиваться финская культура. В направлении России, которой еще не так давно жестко управлял Столыпин, заставивший представляющую российский народ Думу снова душисть Финляндию? Или же повернуться спиной к России и обратиться к Западу? По мнению Коскенниemi, в российской культуре, несмотря на заслуги, имелись серьезные недостатки. В ней отсутствовал баланс воли, ума и сердца. В русской культуре отсутствует подлинный характер, созидательная сила. Толстой был мастером показа конкретного, чувственного, мимолетного. Где дух? На это же обращали внимание и другие финские критики — от Эйно Лейно до Юхани Сильо. Глубоко восхищавшийся Толстым Кюёсти Вилкуна потом бросил «своего прежнего мастера» и всю русскую культуру, включая Достоевского, которыми восхищался в юности.

Радикализм Толстого представлял собой, прежде всего, практическую проблему. Он предлагал требовать невозможного, что было отравой для истинного, подлинного созидательного труда. Новозаветный морализм Толстого делал грехом все, не позволяя «идти с мечом» против сил зла. Политика уступчивости и пассивного сопротивления минувших дней у тогдашнего образа мышления в Финляндии уже не была в политическом почете — во всяком случае, после 1917–1918 гг.

В тюрьме на Шпалерной над Вилкуна висел приговор о смертной казни через повешенье, и для него стало очевидным, что мир можно изменить, только отвечая ударом на удар. Ценности защитника «мягкости», Толстого, подстрекавшего людей к мятежу и запрещавшего затем наказывать их, не могли указывать направление в новое время.

В гражданскую войну Вилкуна стал активным борцом и жестоким человеком, который самочинно казнил людей. Вся русская культура, которая проникла к 1917 г. глубоко в Финляндию и ее рабочий класс, представляла смертельным ядом, от которого следовало освободить страну. Эту программу теперь усвоили те самые люди, которые в первое десятилетие столетия и ранее были столь сильно воодушевлены русской культурой и являлись ее проводниками в Финляндии.

Русская революция не только лишила власть ее безжалостного и brutального аппарата насилия, которому финны вместе с русской

интеллигенцией противостояли. Во власть после императорских приспешников пришли отнюдь не лучшие представители интеллигенции, а ее подонки, большевики, которые не замедлили с тем, чтобы максимально эксплуатировать самые низменные инстинкты простонародья.

Россия Арвида Ярнефельта

У Арвида Ярнефельта Россия присутствовала в его собственном роду, во многих смыслах. Сам он был наполовину русским, т. к. его мать была русской, хотя и из немецкого рода. Арвид пару лет учился в Москве, владел русским и знал российскую литературу. С российскими родственниками, Клодтами, поддерживалась постоянная связь, и у широко образованного Арвида во многих отношениях имелись возможности стать настоящим космополитом.

Несмотря на это, финский национализм стал тем элементом, которым жили Ярнефельты и в соответствии с которым и для них граница между Финляндией и Россией была реальной, хотя в этом случае через нее и был построен особый мост.

В романе «Роман моих родителей» Ярнефельт дает полудокументальное описание истории своей семьи. Его он писал в 1920–1930-х гг. С исторической точки зрения в нем есть известные ошибки. Сочинение, однако, можно читать как современный документ; искренность автора ставить под сомнение нельзя.

В сценарии Ярнефельта его отец Александр отправился на службу в Россию именно затем, чтобы избежать обрусения, а не освоить ее язык и обычаи. Его целью была карьера, чтобы затем можно было служить своему, говорящему по-фински народу. Александр даже отказывался читать новую русскую литературу, а вместо нее читал по утрам Рунеберга и постепенно выучил его всего. Александр принадлежал к тем, родиной которых была финская нация. Большая часть служивших в России «соотечественников» были, напротив, карьеристами, космополитами или, позже, шведоманами, родиной которых являлось Финляндское государство. Это государство, опять же, было важно для них потому, что оно гарантировало сохранение их привилегий. Народ они презирали или мало интересовались им.

Так обстояли дела, по крайней мере, в изображении сына Арвида десятилетия спустя. Арвид описывает, как его отец затем

влюбился в Елизавету, которая в расовом отношении имела русские черты и которые Александру по ряду причин были не по душе, пожалуй, из-за чувственности. Русскость Елизаветы, с точки зрения финскости, все-таки была дарующей благодать. Она же не знала шведского языка и благодаря этому со временем создала вокруг себя чисто финскую среду. Семья Ярнефельтов стала передовым отрядом в мире образованных людей Финляндии. Ее влияние сказалось как на художественной литературе и музыке, так и на живописи.

Арвид живо описывает, как его отец Александр стремился поддерживать унаследованную им русофобию, чтобы не подпасть под искушение, исходящее от Елизаветы. Особенно русский масленичный кутеж описывается как типичная, присущая соседнему народу чувственная оргия. Противоположность характеров финского и русского предстает как неразрешимая. Более того, «эта естественная, веками, а теперь оправданная последней войной ненависть должна стать в финском сердце самоуверенной силой, которая более верно, чем шипящая от соприкосновения с раскаленным железом вода, помешает любому смешению финнов с русскими. Кто-то сказал очень точно об этом деле: все независимое существование Финляндии зависит от сохранения чистоты этой святой ненависти».

Но Александр, как известно, уступил. Брак с Элизабетой-Елизаветой не помешал ему выполнять свой национальный долг как финского администратора. В художественном изображении Ярнефельта российская власть поддерживает движение фенноманов против шведоманов исключительно по тактическим причинам. Ее цель состоит, прежде всего, в том, чтобы сломить сопротивление шведов с помощью финнов и затем русифицировать страну и, в свою очередь, уничтожить финскую культуру. Это объяснение Ярнефельта нельзя считать неверным.

Идеалом Арвида было бы братство всех людей и всеобщая любовь, включая заботу о народе высших слоев общества. В соответствии с его толстовским мировоззрением, все привилегии являются незаслуженными, и своим талантом злоупотребляют те, кто его не использует на службу ближним. Он считал заблуждающимися и ложными пророками тех, которые одобряют применение насилия ради дела. Таковыми были даже некоторые ученики Толстого, например, Йохан Кок, Жан Больдт, Матти Куриikka. Их идеи исходили из толстовской любви к ближнему и приводили к поддержке вооруженной борьбы.

Слом перегородки между финскими рабочими и русскими военными в 1917–1918 гг. Арвид описывает гротескно. Когда русские солдаты сначала расстреляли сотни своих офицеров, было организовано большое «братание», демонстрация, в которой финны и русские шли плечом к плечу. «Под крики "ура" они продвигались, держа друг друга за руки, и приплясывали». Ситуация была новой и необычной. «Щекотал немного нервы смех, когда сравнивали, как легко русские подпрыгивали, угрюмо уперев в землю взгляд, словно несколько стыдясь публичности танцев, финны неуклюже передвигались шагами в польке. Но смеяться не могли, т. к. видели, насколько серьезно и усердно это делалось с финской стороны, и с каким неистовым весельем танцевали русские, будто пытаюсь научить танцу своих новых братьев».

Ярнефельт в своем романе позволяет матери обсудить ценность и значение этого запанибратства. «Мы бы... не радовались, если неожиданно увидели бы русских и финнов, проводящих совместно какой-то праздник примирения? Могло ли быть для нас что-то более радостное? Александр всегда говорил, что финны и русские с древних времен всегда сражались и воевали друг с другом, и что поэтому не удивительно, что обоюдная вражда в них едва ли не врожденная, которая неустраима. Как я об этом печалюсь всю свою жизнь... А теперь достигнуто ли примирение?»

Для финских националистов это было измена родине, предательство в самом жизненно важном деле. Из-за своих классовых интересов финские красные разрушили ту восточную границу, которая пока спасала финскую нацию от гибели.

Действительно, вскоре вспыхнула беспощадная война, которая охватила ненавистью и местью все общество. Русские в ней участвовали, хотя их роль у Ярнефельта не показана наглядно. Святыми становятся в изображении Арвида в воспоминаниях Елизаветы толстовцы братья Исохииси, которые отказались поднять оружие против других людей и поэтому были казнены красными. История основывается на действительных фактах.

Для Елизаветы новая независимая Финляндия, которая готовилась к возможной войне и в которой говорили о необходимости распространения ненависти на случай этой войны, была совершенно иной, чем та, о которой она мечтала. Эта рождавшаяся новая Финляндия вела не к слиянию классов, о котором размышлял Снелльман, а к еще большей ненависти их друг к другу, подозрениям и страху перед местью. Только самые рьяные шведоманы могли грезить о подобном обществе. Если государство не могло

способствовать сближению высшего и низшего классов, то что говорить обо всей этой независимости!

Арвида детально не касался вопроса об отношении новой Финляндии ко всему русскому. Очевидно, что изображенная в «Романе моих родителей» угрюмость Елизаветы отчасти объяснима также той русофобией, которая в 1920-е гг. разгорелась до неслыханных ранее масштабов и которую в некоторых кругах интеллигенции раздували как ценнейшую идею времени. Время, выбранное для публикации романа, само по себе объясняет, почему в нем не делается даже попытки проанализировать суть большевизма. Каждый порядочный человек понимал, что это худший из ужасов и является противоположностью всей культуры и правды. Для Елизаветы из «Романа моих родителей» Ленин был только одним из современных деспотов, которые верили, что могут определять, как другим следует жить.

IV

Подальше от Востока

Великое княжество и российский народ

В течение XIX столетия финнам удавалось устраивать дела с российскими императорами. Они избежали контактов с российской бюрократией и поддерживали обособленность от метрополии. Еще Николай II давал монаршее заверение, хотя самого худшего уже стоило опасаться, но, как известно, этой «клятвы» было недостаточно, чтобы предотвратить его дальнейшие действия. Самодержец и единодержец начал уничтожение прав Финляндии своим манифестом 1899 г., а Бобриков энергично делал свое дело при поддержке императора. Вследствие национального подъема 1905 г. ситуация, однако, изменилась, и самодержец был вынужден пойти на выборы представлявшей народ Государственной Думы. Речь шла о действительно революционном изменении в истории России.

Как известно, две первые Думы были распущены еще до того, как успели приступить к настоящей законотворческой работе. Третья Дума оказалась, однако, более долговечной и сотрудничала с энергичным премьер-министром Столыпиным. Должность последнего была нововведением в истории самодержавной России.

Столыпину удалось за оставшийся краткий срок сломить революционное движение, за что он был убит и заслужил в истории славу вешателя большевиков и реакционера. Когда Советский

Союз рухнул, новая Россия восстановила честь Столыпина и отнесла его к числу величайших людей в российской истории, который мог бы спасти страну от революционной катастрофы, если бы остался жив. Столыпин произнес однажды знаменитые слова в адрес революционеров: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»

Для Финляндии Столыпин оказался исключительно опасным противником. За ним теперь было большинство представлявшей народ Думы, и, таким образом, судьба Великого княжества также стала отчасти зависеть от того, как народ России будет к нему относиться. Можно утверждать, что Дума в действительности не представляла народ, т. к. не представляла его большинства. В любом случае она была институтом, в котором мнение народа теперь выяснялось голосованием, и на народных представителей стремились воздействовать речами и риторикой. В тот исторический период к этой работе относились очень серьезно, и думские заседания превращались в интересные зрелища, на которых дискутировали, перебрасывались репликами и ругались. Наиболее красочными фигурами оказались крайне правые депутаты, особенно Николай Марков и Владимир Пуришкевич. Маркова также знали под именем «Марков-второй», т. к. в Думе был его однофамилец. Марков, известный антисемит, был одним из руководителей Союза русского народа, т.н. черных сотен. После революции Марков бежал в Германию и там установил тесные отношения с нацистами. Некоторые ученые утверждают, что прообразом отрядов СА были именно эти, организованные Союзом русского народа для драки отряды, «черные сотни». Организация черных сотен вызвала огромное внимание после убийства Михаила Герценштейна в Террийоках, когда финляндская полиция, к досаде исполнителей, отказалась танцевать под дудку «патриотов» и провела необходимое следствие.

Другой значимой фигурой был Владимир Пуришкевич, который, несмотря на свое польское имя, был жестоким преследователем национальных меньшинств. Он известен своей ролью в убийстве Распутина. Пуришкевич, бывший также поэтом, принадлежал к руководящим фигурам черных сотен, но, рассорившись с вождем Союза русского народа Дубровиным, он основал собственную организацию, известную под именем Союза Михаила Архангела. Целью обоих была защита самодержавия, русской культуры и православия от национальных меньшинств, особенно от евреев, но большого внимания удостоивались также поляки и финны.

На заседаниях Думы Пуришкевич устраивал множество скандалов. Он выкрикивал свое мнение с места, вызывал оппонентов на дуэль и, между прочим, бросил стакан с водой в еврея-либерала, защищавшего с достойной похвалы энергией Финляндию, Павла Милюкова. По решению председательствующего ему следовало покинуть зал, он с этим не согласился, и вахмистры вывели его силой. Эта церемония повторялась неоднократно.

В Думе финляндские дела обсуждались нередко, в том числе весной 1910 г., когда рассматривался порядок представления касающихся Финляндии законопроектов, и в 1912 г., когда рассматривался так называемый закон о равноправии, который расширял права русских в Финляндии и угрожал положить скорый конец блестящей обособленности Великого княжества.

Касающиеся финляндских дел заседания Думы проходили довольно красочно. В 1910 г. Милюков и некоторые другие либеральные и левые ораторы обстоятельно и довольно объективно объясняли особое положение Финляндии, во всех отношениях образцовые порядки, что русская реакция хотела бы уничтожить, хотя следовало бы стремиться к созданию таких же условий в России. Защитники Финляндии продемонстрировали хорошее знание предмета и даже цитировали Снелльмана. Благосклонное отношение монархов к Финляндии являлось аргументом, который трудно было оспорить. Правые прибегли к выкрикам и шовинистической риторике, и председательствующий неоднократно пытался восстановить порядок, звоня в колокольчик. Что происходило в зале заседаний, видно из выступления грузинского меньшевика Гегечкори:

«...с этой высокой трибуны мы посылаем через ваши головы горячие братские приветствия народу Финляндии (аплодисменты слева, шум справа, председательствующий звонит в колокольчик). Пусть знают, что российская демократия искренне признает право каждого народа на самоопределение, и она не только не нападает на права и свободы Финляндии, но защищает их. Пусть финны знают, что народ России (обращается направо) не вы (хохот справа, шум и крик „мумия“; слева шипение и голос: „тише, зубры!“), председательствующий звонит в колокольчик). Ваши крики только показывают и доказывают вашу умственную и нравственную ничтожность (аплодисменты слева)...». В этот момент председательствующий выразил протест против выбранного оратором словоупотребления, но вступающий мог продолжить.

Когда Милюков рассказывал о покорнейшем и благоговейном обращении т.н. Большой делегации финнов к императору в 1899 г., правые насмехались над этим «христианским смирением» еврейского «посланника Финляндии» и напоминали, что у других «посланников Финляндии» были револьверы, из которых они застрелил Бобрикова и ранили других русских. Оружие в страну доставлялось даже на кораблях (намек на историю с судном «John Grafton»). Грузины Чхеидзе и Гегечкори, которые также защищали Финляндию и заявляли, что Дума не представляет 130-миллионный народ России, могли слышать насмешки, что они сами не принадлежат к народу России.

Закон об издании касающихся Финляндии законов был одобрен 164-мя голосами против 23-х. Пуришкевич, который с удовольствием использовал в своих речах греческие и латинские выражения, получил повод театрально воскликнуть: “*Finis Finlandiae*”. Слева это прокомментировали криками «Позор!» и «Это бесстыдно!» Председательствующий еще раз получил повод призвать Пуришкевича к порядку, но полное поражение дела Финляндии нельзя было уже чем-то изменить.

Когда Чхеидзе допустил в связи с чем-то промах, употребив выражение «русское варварство», Марков театрально воскликнул, что азиаты — подразумеваемая под ними, очевидно, как грузин, так и финнов — оскорбляют Россию и «угрожают ей желтой рукой». И финны в расовых теориях того времени часто характеризовались как монголоиды, что в те времена отнюдь не являлось похвалой.

Усилия еврея Милюкова, грузин Чхеидзе, Церетели и Гегечкори и других друзей Финляндии, образно говоря, уходили в песок. Защитников Финляндии обвиняли в получении взяток. В своих воспоминаниях Милюков ссылался на это и писал с иронией, что он, да, «продался» позже, когда принял в знак дружбы финских студентов с песенным приветствием. Никаких взяток, естественно, не давалось, что «истинно русским» националистам понять было весьма затруднительно.

Большевики считались еще недавно историческими победителями. В Советском Союзе еще больше, чем в Финляндии, они не зарывали свой талант в землю, повествуя о своих заслугах в деле защиты Финляндии от царизма. Во времена Советского Союза демонизировали не только Столыпина, но и его умеренных политических противников, от кадетов во главе с Милюковым до меньшевиков. И в Финляндии не считали нужным благодарить их или хотя бы упоминать в истории. Для этого имелась, однако,

причина. Следует признать, что Милюков и другие защитники Финляндии заслужили официальное признание независимой Финляндии. Это напомнило бы о том, что в истории была не только одна, угрожающая Финляндии Россия, но также другая Россия, доброжелательная к нам.

Независимость Финляндии

Ставящее целью независимость Финляндии движение в каком-то виде можно найти уже в XVIII столетии. Тогда речь шла о том, чтобы отделить Финляндию от Швеции при поддержке России и оставить ее, тем или иным способом, под ее защитой. Эти мысли были внушены изданным в 1742 г. императрицей Елизаветой манифестом, а позже витали в некоторых офицерских кругах, которых объединяла враждебность к королю Густаву III.

Это в финской историографии всегда преподносилось как раннее проявления особой финской идентичности, но они никогда не отражали настроения широких национальных кругов. Интриговавший против Густава III Георг Магнус Спренгпортен действительно имел значительное влияние во время становления автономии Финляндии, он также был назначен первым генерал-губернатором Финляндии в 1808 г., т. е. еще до того, как Финляндия была официально присоединена к Российской империи.

Впоследствии финны, все-таки, были удовлетворены автономным положением в составе Российской империи, движения за независимость в полном значении этого понятия не возникало вплоть до так называемого периода угнетения, т. е. периода русификации. Можно считать, что период угнетения начался с февральского манифеста 1899 г., который в Финляндии называли нарушением монаршего обещания, или императорским «клятвопреступлением». Упомянутым манифестом император закрепил за собой право независимо от сейма Финляндии определять, какие законы в законодательстве Великого княжества относятся к общегосударственным делам. Тогда возникло помимо пассивного сопротивления так называемое движение активного сопротивления, которое пользовалось ограниченной поддержкой прежде всего говоривших по-шведски «правых» кругов, которые не избегали планирования вооруженного мятежа или даже террора. Помимо этого широкое распространение получило так называемое пассивное сопротивление. Со стороны нового сепаратистского

движения в Финляндии поддерживали отношения как с российской либеральной оппозицией, так и с радикалами. С последними осторожно поддерживали контакты финские левые, которые также выступали против российского угнетения в Финляндии.

Подлинное движение за независимость, следовательно, возникло, но до Первой мировой войны оставалось скорее маргинальным движением. Только очень немногие считали возможным отделение от России при нормальных условиях жизни. Но Первая мировая война изменила ситуацию, нормальные условия исчезли. То, что цель достижения независимости стала актуальной, продемонстрировало егерское движение, когда около 2000 финнов прошли военную подготовку в Германии. Разумеется, это, с точки зрения российских властей, было изменнической деятельностью, к ней по-разному относились и в Финляндии. В умеренных кругах считали, что такая деятельность может нанести серьезный вред еще оставшимся у княжества автономным правам и привести к репрессивным мерам со стороны России. В некоторых кругах, напротив, поддерживали отъезд финских добровольцев, желавших сражаться на фронтах мировой войны на стороне России. Этой точки зрения придерживался и служивший тогда в России генерал Маннергейм, который верил в возможность согласия между Финляндией и империей.

Февральская революция в России, после которой были прекращены меры угнетения в отношении Финляндии, пробудила в стране надежды на расширение прав автономии. Разумеется, в паруса мечты о независимости задул сильный ветер. В форме правления Финляндии, унаследованной от времен Густава III (1772 г.), говорилось о монархе, которому в Великом княжестве принадлежала верховная власть. Поскольку с Февральской революции в России уже не было монарха, встал вопрос о том, у кого теперь было право осуществлять верховную власть в Финляндии. В результате революции власть перешла к так называемому Временному правительству, считавшему, что это право принадлежит ему. В сейме Финляндии как социал-демократы, так и буржуазные сторонники независимости считали, что верховная власть принадлежит сейму, который с 1907 г. был однопалатным и избирался на прямых, всеобщих, равных и тайных выборах. В сейме у социал-демократов после выборов 1916 г. было абсолютное большинство — 103 места из 200. Это было неслыханным во всем мире. Как ни странно, вопреки прогнозам «научного социализма», это произошло не в индустриально развитых странах, но в аграрной Финляндии.

В июле 1917 г. Временное правительство, казалось, падет в результате беспорядков, и, воспользовавшись этим, сейм Финляндии предпринял радикальный шаг. Он одобрил 136-ю голосами против 55-ти так называемый закон о власти, который предусматривал передачу верховной власти в Финляндии сейму. Общими для Финляндии и России оставались внешнеполитические и военные дела, иными словами — дела в сфере компетенции Временного правительства. Это случилось в то время, когда Российское государство вело борьбу не на жизнь, а на смерть с Германией. Поддержку с тыла дерзкой политике Финляндии оказали российские радикалы.

Временное правительство, однако, быстро укрепилось во власти и отменило постановление сейма, распустило его и назначило новые выборы. Для подтверждения твердости этого решения у входа в сейм поставили солдат, которые не должны были пропускать депутатов, считавших, что им уже не нужно повиноваться Временному правительству, т. к. сейм провозгласил себя обладателем верховной власти.

В следующий раз решение о верховной исполнительной власти были вынуждены принимать после того, как в ноябре (по старому стилю — в октябре) 1917 г. большевики захватили власть. На этот раз сейм распущен не был. Так как после Октябрьской революции казалось, что не осталось никакой высшей исполнительной власти или, по крайней мере, такой, которую финляндские буржуазные круги могли бы одобрить, Финляндский сенат (правительство) 4 декабря 1917 г. провозгласил страну независимой республикой. Поскольку вопрос имел исключительно важное значение, сенат внес его на обсуждение в сейм, и тот 6 декабря 1917 г. 100 голосами против 88-ми принял постановление о независимости Финляндии. Таким образом, по каким-то удивительным причинам даже не потребовалось установления квалифицированного большинства. Значительное количество голосов против также указывало на то, что социал-демократы, которые, безусловно, выступали за независимость, не одобряли ее одностороннего провозглашения, а желали разрешения этой проблемы совместно с русскими. Финляндская социал-демократическая партия, которая была весьма радикальной, в этот период стремилась к тесному сотрудничеству с большевиками и к получению от них политической поддержки. Во всяком случае, в этот период речь шла прежде всего о процедурных вопросах, и социал-демократы выступали за независимость, и даже предпринимали активные усилия к тому, чтобы заручиться в этом деле поддержкой большевиков.

Идея независимости получила, таким образом, существенную поддержку в Финляндии только во время Первой мировой войны и особенно сильно укрепилась вследствие Февральской революции. Она приобрела всеобщую поддержку после того как в результате Октябрьской революции исполнительная власть в России окончательно рухнула.

Такое развитие событий застало врасплох очень многих, и не только в Финляндии. Финляндские буржуазные политические круги уже осенью 1917 г. были готовы к заключению договора с Россией, по которому Финляндия оставалась бы в составе Российского государства при условии расширения автономных прав, которые могли быть сравнимы с правами доминионов Великобритании. Соответствующий проект даже обсуждался и был одобрен на заседании Временного правительства незадолго до его свержения. После Октябрьского переворота теперь уже буржуазное большинство сейма (на осенних выборах социал-демократы получили только 92 места) не могло уже и думать о добровольном подчинении правительству России — теперь большевистскому. Со своей стороны, социал-демократы стремились теперь максимально использовать выгоды от предлагаемой большевиками поддержки для собственной политики.

Результатом спорного голосования должно было стать получение международного признания независимости Финляндии. Независимость сама по себе уже стала фактом, и трудно было представить, что ее можно аннулировать без применения вооруженной силы. Во время войны получение признания со стороны находившихся в союзе с Россией держав, разумеется, в принципе было делом нелегким. Русские патриоты, конечно, сочли бы такое расчленением России и навечно затаили бы злобу. В силу этого Финляндия стремилась получить международное признание с помощью Германии, отношения с которой были завязаны еще так называемыми активистами и финским егерским батальоном, сражавшимся на Восточном фронте против русских.

Однако и Германия, которая вела переговоры о мире с русскими, предложила финнам просить признания у последних. Ведь большевики громкогласно провозгласили право всех народов на самоопределение и предложили финнам быть в этом деле более активными. Не утратив своего лица, они едва ли могли воздержаться от признания. Финны, что вполне понятно, не считали пришедшее к власти в результате государственного переворота большевистское правительство авторитетным и долговременным правительством

России. Они были уверены, что дело могло быть окончательно решено со стороны народа России только избранным на основе всеобщего и равного избирательного права Учредительным собранием, которое должно было быть созвано в начале следующего года. Было известно, что в российских демократических кругах много друзей Финляндии. Обращение к большевистскому правительству могло быть сочтено как опасная поддержка власти этой радикальной группы, которую осудила бы будущая Россия. По предложению Германии просьба о признании независимости была все же подана правительству большевиков, и на нее был дан положительный ответ в последний день 1917 г. Центральный исполнительный комитет Всероссийского съезда советов, который являлся частью института народного представительства, одобрил 4 января 1918 г. по докладу Сталина постановление Совета народных комиссаров. После решения Центрального исполнительного комитета сразу последовали признания со стороны Германии, Франции и Швеции, а после этого и многих других стран, что, безусловно, имело огромное международное значение. О «расчленении России» со стороны иностранных государств уже речи не шло, поскольку большевики действительно считались правительством России.

Несмотря на провозглашение независимости и ее признание, в Финляндии оставалось несколько десятков тысяч русских солдат, которые частично были деморализованы, частично охвачены радикальными настроениями благодаря сторонникам большевиков и анархистов. Новое финляндское государство, со своей стороны, не только не имело монополии на применение насилия, но даже не могло изыскать средства для этого. Единственной серьезной военной силой в Финляндии были находившиеся в стране русские воинские части. Финляндия получила свою собственную армию только 25 января, когда сейм провозгласил буржуазные шюцкоры правительственными частями.

В стране еще в 1917 г. появилось также большое число красногвардейцев, которые выступали за насильственный переворот и искали поддержки у русских военных радикальных элементов. Численно их было много, и полученное от них оружие сделало гражданскую войну свершившимся фактом. Наполеон однажды обмолвился, что боится больше отряда в сто баранов во главе со львом, чем отряда из ста львов во главе с бараном. Во главе русских солдат в Финляндии весной 1918 г. не было никого. Одиноким львам пытались по приказу Петрограда созывать на поддержку большевиков, но не смогли собрать стадо — лишь разрозненные отряды.

Правительство большевиков предложило финским «товарищам» совершить революцию уже в ноябре¹, во время Октябрьского переворота, но в Финляндии удовлетворились тогда только всеобщей забастовкой в поддержку переворота. В январе большевики усилили свой нажим, предоставили много оружия и оказывали иную помощь. В распоряжении красных гвардий были русские офицеры, бронепоезда, артиллерия и даже самолеты, а также, разумеется, снаряжение для пехоты. Социал-демократическая партия, которая оказалась проводником революции, провозгласила начало переворота 28 января. В то же время возглавляемые генералом Маннергеймом правительственные войска начали разоружение русских гарнизонов в Похьянмаа. Так началась гражданская война, фронт которой рассек Финляндию от Пори до Тампере и далее до Карельского перешейка. Выборг остался во власти красных.

Россия стремилась вести «войну против белогвардейских контрреволюционеров», но ее возможности оказались еще более незначительными, чем когда-либо. Старая российская армия, которую Ленин называл «больным элементом», была распущена, а Красная армия еще не была создана. Это была ситуация, при которой немцы смогли, несмотря на сопротивление, оккупировать западные области России. В Финляндии дело России по большей части было в руках красных.

Белая Финляндия запросила и получила поддержку Германии, пославшей на помощь финский егерский батальон и предоставившей оружие. Позже в боях в Финляндии активное участие приняла германская так называемая Балтийская дивизия. Также из Швеции прибыли добровольцы, и на белую сторону перешли служившие в России офицеры, как, например, Маннергейм. У красных не было военных возможностей.

Германия оказала также политическую поддержку. По крайней мере, принципиально важным было включение в Брест-Литовский мирный договор от 3 марта 1918 г. пункта, согласно которому Советская Россия отказывалась от оказания помощи красным в Финляндии. В апреле в Финляндии высадились германские войска, которые захватили Гельсингфорс и Лаhti. Белые заняли Тампере и Выборг. Окончательный итог гражданской войны был предопределен уже в апреле, но ее символическим завершением стал проведенный в Гельсингфорсе 16 мая 1918 г. под командованием Маннергейма военный парад.

¹ Датировка по новому стилю.

Революция — великий водораздел

Не приведи Бог видеть русский бунт,
бессмысленный и беспощадный...

Пушкин этими ставшими знаменитыми словами характеризовал восстание Пугачева, которое в его время еще было свежим воспоминанием. После этого символом русского восстания стал 1917 г., который в национальной истории явился бесспорным моментом судьбы. Чем была революция 1917 г. в России? Был ли это бессмысленный бунт — не созидающий, а уничтожающий? Была ли Февральская революция, по крайней мере, подлинным освободительным восстанием народа, которое было задушено осуществленным в октябре захватом власти большевиками?

Бывший член Политбюро и отец перестройки Александр Яковлев писал, что российская революция была мятежом босяков. И босяками были те, кто запросто поджигал крестьянский сарай, чтобы испечь в пламени цыпленка, который, к тому же, не был его собственным. Босяки были не облагороженными бедняками, а людьми развращенными, не имеющими собственной воли и морали, планов и перспектив.

Исследователи высказывают по этому поводу заумные суждения и рассуждают об участии масс в событиях и месте тех или иных элементов в них. Фактом является то, что в той революции рухнула Россия. Как государство она на значительное время перестала существовать, и это было главной целью, которая входила в замыслы известных сторон. К активным сторонникам революции первоначально — до марта — принадлежала почти целиком вся интеллигенция. Кроме того, воодушевление испытывали даже реакционеры, которые верили, что смогут заменить неудачливого монарха на лучшего и пользующегося большим доверием. На практике возник неуправляемый хаос, который назвали «свободой». В Финляндии «свобода» сразу нашла свой отклик и значение, она означала, что не требуется никому повиноваться.

Хельсинки был главной базой российского Балтийского флота, и сразу, как только дошли новости о революции в Петрограде, здесь начались ужасные события. Отряды матросов устраивали расправы над офицерами. Кого-то расстреливали, кого-то травили на улицах, других забивали ударом кувалды по затылку. Десятки офицеров лишились жизни только за то, что носили галуны императорского флота. Это явление вскоре распространилось на всю

армию. Отданный Керенским приказ № 1 в принципе уравнивал личный состав с офицерами. Смертные приговоры были отменены в ведущей войну армии, и для контроля за подозрительными элементами были поставлены комиссары. Многих из «подозрительных» отстранили, в том числе и Маннергейма, который испытал огромное огорчение, т. к. никогда не верил, что позорит себя, нося мундир офицера российской армии. Теперь времена изменились.

«Демократическая» армия была и есть в числе чудовищных армий. Как и можно было ожидать, дисциплина очень быстро рухнула полностью. К службе относились небрежно или пренебрегали ею полностью. В Турку затонула подводная лодка, когда кок забыл закрыть на кухне вытяжку. Вместо тренировок солдаты начали увлекаться выпивкой и танцами, на которых местные девушки были более чем желанны. На продажу неслось все, что можно было унести с флота и из складов, оружие — в помойных ведрах. При необходимости воинские отряды крали картофель с крестьянских полей и скот с пастбищ.

Когда где-то начинался дебош, «флотские» всегда готовы были принять участие. Власти были бессильны, когда в Турку грабили торговые лавки, а во время профсоюзных маршей вооруженные матросы придавали большую убедительность лозунгам рабочего класса, который ощущал теперь свою силу.

Российское угнетение было свергнуто, и в Финляндии все как один расхваливали российскую демократию, ее благородный народ и идейную интеллигенцию, которые стряхнули иго угнетения и возвратили Финляндии ее свободу. В газете *Valvoja* было опубликовано восторженное стихотворение «Справедливый человек», которое рассказывало о Керенском, символе новой России. В Петрограде выставка финского искусства пользовалась огромной популярностью, и столичная интеллигенция расточала знаки сочувствия еще недавно угнетенной приграничной стране.

«Медовый месяц», правда, длился недолго, его заслонила попытка финнов взять в собственные руки исполнительную власть принятием т.н. закона о власти. Эта попытка, прежде всего, социал-демократов, разумеется, была в воюющей стране очень опасной, и правительство Керенского подавило ее силой, как только почувствовало себя прочнее после июльских неурядиц.

Россия шла к своему окончательному краху, как мы теперь знаем. Направление развития не было тайной и для наблюдателей-современников. Максим Горький, который еще недавно стоял, безусловно, на стороне революции в завершающей борьбе против

угнетения, был безутешен: это не было подлинной революцией, это было лишь безрассудное насилие. Подлинная революция совершалась бы ради культурных ценностей, тогда же народ рвал и разрушал все, что попадало в его руки. В сельской местности уничтожались хозяйства, а средства производства растаскивались или приводились в негодность. Фортепиано могли разломать на куски и разделить клавиши поровну среди всех. Горький понимал, что это не был процесс великого освобождения, в котором Человек с большой буквы свергает буржуазию, это ищущий добычу скот и карикатура на человека. Горький спасал свою идею, заявляя, что эта революция была восстанием русских крестьян против культуры. А крестьянин, по своей природе, был частным собственником, мелким буржуа, как понимал его каждый марксист. Только приход к власти настоящего рабочего, пролетария, положил бы конец этой бестолковой оргии.

В Финляндии «свобода» с русских частей перешла на ближайшие к ним круги и распространялась все дальше. Начали догадываться, что нет никого, кто мог бы помешать массам делать то, что им придет в голову. Еще в июле Керенский мог направлять солдат для охраны дома Хеймола¹, чтобы не допустить проведения заседаний распущенного сейма. Для Керенского будущей угрозой становилась также подпольная деятельность Ленина, и тот бежал в Финляндию, где мог укрыться у своих радикальных друзей. В Финляндии Ленин написал сумбурную и неправдоподобно наивную книгу «Государство и революция», в которой доказывал, что в России можно привести к власти пролетариат, который способен сразу создать новый государственный аппарат. С его помощью он осуществлял бы свою власть, до тех пор, пока всякая государственная власть не перестанет быть необходимой. Тогда люди стали бы сами управлять самими собой в полном согласии и взаимопонимании на благо всех и с благословения всех. До этого, все же, следует осуществлять власть при помощи жесткой и безжалостной дисциплины и подавлять прежних угнетателей и прочих неподдающихся элементов...

Всем работам Ленина позже приписывали удивительную мудрость, т. к. ему посчастливилось удержать власть в руках своей клики, хотя он и успел до этого уничтожить всю Россию. Позже наследники этой самой диктатуры смогли отстроить на руинах великое

¹ Здание в центре Хельсинки, в котором в 1909–1930 гг. заседал сейм Финляндии.

тоталитарное государство, за что прославляли Ленина и объясняли весь процесс, в начале которого имелось немного неотвратимых затруднений, всемирно-исторической необходимостью.

Ни с чем так не свыкаешься, как с успехом. Читая теперь сочинения Ленина, нельзя не изумляться той слепой вере в авторитеты столетней давности, которой от них веяло, и той фантастической мании, по сути, нарциссизму, для которой никакие жертвы ничего не значили, шла ли речь о границах государства или о невинной душе.

Однако современники видели собственными глазами, что происходило. Большевики заподлучили власть, обещая больше, чем другие. В этом отношении они зависели от неумных и безответственных людей, которые польстились на их обещания. Их роль сводилась к разрушению, они не намеревались нести ответственность за Россию. Ответственность возложили на мировую революцию, которая исправила бы все недостатки мира. Их лозунг, согласно которому следовало грабить награбленное, великолепно подходил для тех безнравственных и не испытывающих стыда элементов, которые в те времена выступили на первый план. Представители идеалистической интеллигенции, меньшевики и социалисты-революционеры, не говоря уже о кадетях, были в ужасе. Что, в действительности, происходит в России? Был ли это хаос революцией или чем-то иным?

Николай Бердяев, глубокий знаток русской души, писал уже в ноябре 1917 г., что в России не произошло никакой революции. Он повторял то всеобщее воззрение, согласно которому захват власти большевиками не мог быть длительным периодом в истории страны. По мнению многих, речь шла о новом периоде хаоса, *смуте* и падение власти большевиков считалось неизбежным. В следующем году уже пришлось признать, что захват власти отнюдь не будет кратким периодом. Бердяев и его идейные соратники, которые в 1909 г. опубликовали известное совместное сочинение «Вехи» и предостерегали российскую интеллигенцию от не критичного сочувствия радикальному направлению, опубликовали новую исповедь «Из глубины».

Теперь Бердяев объяснял происшедшее особыми чертами русской души. Русский по своей природе двойственен, он либо апокалиптик, либо нигилист. По мнению Бердяева, Гоголь постиг тот звериный дух, который типичен для русского. Революция именно в этом гоголевском духе была трагикомедией, но вместе с тем она стала финалом гоголевской эпопеи. Бердяев

изображал революцию также как творение типов Достоевского: Иван Карамазов, интеллигент, мысленно убивает отца. Преступление, однако, совершается его сводным братом, имитирующим интеллигента, и ненавидящим его Смердяковым. Революция, считал Бердяев, во многом и вина Толстого. Толстой был сентименталистом, максималистом и анархистом. Его морализм был нигилистического и демонического свойства. Он восхищался простонародьем и презирал культуру. Тем самым он оправдывал высвобождение антигосударственных инстинктов народа. Русский народ мог бы нравственно выздороветь только отбросив идеи Толстого.

Толстой действительно остался под революционной лавиной, его евангельское непротivление злу крайне мало подходило тем сторонам гражданской войны, которые в середине 1918 г., наконец, приготовились выпустить кровь друг из друга. Толстой, как и вся российская интеллигенция, в широком смысле принадлежал к самым первым жертвам революции, уже никогда не вернувшим себе былого значения. Вождь кадетов Павел Милюков еще так недавно заявлял, что «слева нет врагов». Когда свергли самодержавие, то увидели, что все самые решительные враги либеральной интеллигенции были именно там. Оппозиция была недопустима, и большевики задушили ее в самом начале, в соответствии со своими способностями. Газеты были конфискованы, люди арестованы и казнены, выбранное на основе всеобщего и равного избирательного права Учредительное собрание — распущено. Взывание к принципам свободы, права и правды не помогало. Новая власть ясно показала, что она не признает никаких принципов, если они не приносят пользы ее делу. Интеллигенция жаловалась и протестовала. Одни переходили к активному сопротивлению, другие подчинялись. Во всяком случае, вся интеллигенция как социальная группа была объявлена подозрительной, и новая власть держала ее в ежовых рукавицах. С моральной точки зрения это направленное против «друзей народа» угнетение, разумеется, было невыносимым, но большевики открыто заявляли, что полагаются только на насилие и будут без пощады прибегать к нему.

Толстовцы и в Финляндии в 1917 г. испытали, что пришел их час. Теософ и толстовец-анархист Жан Болдт проповедовал у дверей кафедрального собора и с церковной кафедры. Заглянул сюда и известный писатель Арвид Ярнефельт, которому пришлось заночевать на соломе в полицейском участке. В конце концов, Болдта заключили в психиатрическую лечебницу. «Красная» власть

не оказалась для толстовцев лучше прежней. Отказывавшиеся от оружия братья Исохииси¹ были казнены.

Клявшийся именем Толстого Илмари Кианто теперь бодро забыл про принцип ненасилия и отправился на поле брани. Особенно хорошо известен его призыв убивать «волчиц», т. е. служивших в Красной гвардии женщин. Менее известно его натуралистическое описание войны *Elämän ja kuoleman kentiltä* («С полей жизни и смерти»), в котором можно увидеть натуралистическое неприятие. Отказавшийся в свое время от военной карьеры Кианто теперь считал своей обязанностью после гражданской войны продолжить борьбу в Беломорской Карелии, куда он отправился в военную экспедицию добровольцем. В.А. Коскенниemi был судьей по государственным преступлениям, а Эйно Райло счел винтовку подходящим товарищем и дополняющим перо рабочим инструментом, с которым он начал борьбу за освобождение Финляндии. В фельетоне «Хвала моему оружию» он писал в 1918 г.: «Вы — братья, перо и винтовка! Непроглядная ночь наступает в моей душе, когда я вспоминаю то состояние упадка, в котором перо в моей стране так часто оказывалось. Те посрамление и смерть, которые означает винтовка, все же являются меньшим разрушающим душу и тело ядом в сравнении с тем, который вытекает из держащей перо мерзкой души...»

К этим наиболее видным представителям лжи принадлежал, по мнению Райло, Алгот Унтола², он же Ирмари Рантамала, который во время гражданской войны писал страстные, едва ли не сумасшедшие и, бесспорно, мало отвечающие действительности статьи в газете *Tuómies*. Написанный им под псевдонимом Рантамала гигантский роман *Narhama* содержал в себе немало элементов толстовства. Разврат буржуазного мира и насилие осуждались в нем с таким же пылом, как это делал в своих сочинениях Толстой или Ярнефельт в романе *Veneh'ojalaiset*.

Райло провозжал Унтола на корабле, отвозившем того из Хельсинки в Свеаборг. По каким-то причинам Унтола-Рантамала оказался в воде, и его застрелили. Это событие явно было частью той большой хирургической операции, которую Райло требовал прове-

¹ Имеются в виду толстовцы Аксель Рафаэль Исохииси (Эрнмарк) (1886–1918) и Ээло Исохииси (1883–1918), которые были расстреляны 22 апреля 1918 г.

² Алгот Унтола (Тиетявяйнен) (1868–1918) (псевдоним Майю Лассила) — редактор социал-демократической газеты «*Tuómies*». Погиб после ареста 21 мая 1918 г. при невыясненных обстоятельствах.

сти с помощью оружия в Финляндии. Эта ненависть оказалась здесь конкретно направленной против Унтола как символа «красности».

Толстовство представляло собой суть русскости, как его теперь понимали, и оно было тем духом и заразой, который олицетворяли поднявшие восстание красные.

Райло, Вилкуна и товарищи считали, что большевизм является исключительно российским явлением и что Толстой представлял тот же самый дух. В этом они не были одиноки. Под этим подписались бы многие представители российской интеллигенции. Для них, разумеется, это не означало, что все русское само по себе является дурным, для них оно означало только тот особый сорт зла, который телесно присутствует именно в русском типе.

Для финской интеллигенции 1918 г. и анархия предшествующего года стали, однако, огромным водоразделом в отношении к России.

Как уже отмечалось, отношения эти осложнялись еще с конца XIX столетия, но это касалось, прежде всего, российской власти и присущего ей в целом национализма. С представителями российской интеллигенции финские коллеги взаимодействовали хорошо, хотя связи и были довольно тонкими, как и сам слой интеллигенции.

Февральская революция, казалось, сделала совместное существование возможным. Финны разработали законопроект о новых отношениях России и Финляндии. Их намерением было сохранить связь с метрополией, хотя практически все властные полномочия во внутренних делах оставались у Великого княжества. На самом деле правительство Керенского одобрило этот закон едва ли не как свой последний акт. Финляндия, таким образом, не стремилась стать независимой. Так считали ее ответственные представители еще до октября.

Стать независимой Финляндию вынудила большевистская революция. Было невозможно даже представить верховную власть большевиков над Финляндией, в которой имелось буржуазное правительство (по крайней мере, по мнению буржуазии). Как известно, радикальные социалисты были иного мнения и опирались на Петроград, их большевики рассматривали теперь как единомышленников, хотя в более мирные времена стремились поддерживать некоторую дистанцию.

Случай упускать нельзя, и руководство социал-демократической партии вообразило весной 1918 г., что такой случай представился. Из Петрограда получили оружие, из русских частей прибыли

добровольцы, которые могли обращаться с артиллерией, и Совет народных комиссаров с готовностью признал финский Совет народных уполномоченных, как только тот был создан.

Была ли эта война освободительной? Это спорная тема, т. к. в боях приняло участие сравнительно незначительное количество русских. Война с обеих сторон в основном велась силами самих финнов. Все же нельзя оспаривать того факта, что необходимой предпосылкой войны оказалось предоставленное русским оружие. Но намеревались ли красные снова присоединять Финляндию к России? Они ведь заключили с ней договор, в котором «Финляндская социалистическая республика рабочих» оставалась независимой.

На переговорах даже спорили о границах и отказались от автоматического предоставления русским прав гражданства в Финляндии, хотя финны получили таковые в России. Уступкой все же было представление таких прав на возможно более легких условиях.

Было ли это изменой стране? Красные, бесспорно, были виновны в государственной измене после того, как предприняли мятеж, но «красная» Финляндия ставила все же целью сохранение независимости, по крайней мере, более независимой, чем Великое княжество весной 1917 г., в которой действовал закон о равноправии 1912 г. Она была даже более независимой, чем это предполагалось буржуазными кругами в подготовленном для Временного правительства и позже в одобренном новом договоре об отношениях Великого княжества и метрополии.

Стоит еще вспомнить принятый весной 1917 г. закон о власти и то, что правительство Керенского распустило сейм при поддержке буржуазных сенаторов. Красным отнюдь не доставало воли к независимости! Несмотря на это, остается бесспорным, что в 1918 г. с «белой» стороны на дело смотрели следующим образом: красные изменили собственной стране и стремились побрататься с чужим государством-угнетателем — врагом своей страны, губителем ее национальной идеи.

Была ли логика в том, что большевики, признав независимость Финляндии, стали ее угнетателями?

Есть основание проследить ход мыслей в то время белых сторонников независимости. Они уже годы, даже десятилетия жили под российским гнетом и угрозой, и им казалось, что наступающая русификация вот-вот одержит решающую победу. Финские возможности для выживания были незначительными, но русские порой считали нужным говорить тем, кто пытался напомнить, что Россия отнюдь не непобедима, — Россия все еще сильна для того,

чтобы победить Финляндию. Таким образом, русские отклоняли протесты финнов, завладевали их правовой системой через какую-нибудь «закавыку» в порядке представления законов и в законе о равноправии. Многие финны считали, что сопротивление только ухудшит дело, не говоря уже о таких действиях, как носившее характер государственной измены егерское движение.

И вот, внезапно, Финляндии выпадает чудесное спасение. Поддерживаемая миллионной армией Россия рухнула. Но и Финляндия рухнула как государство в то же самое время. Этот крах означал, однако, что пресвятая пограничная преграда между финнами и русскими была уничтожена. Впрочем, это касалось только «хулиганских» элементов среди финнов и русских. В России они вместе с большевиками вели целеустремленную агитацию, которая привела к анархии и грабёжам. В Финляндии эти элементы увлекли с собой социал-демократическую партию, т. к. ее руководство не смогло взять на себя ответственность за сохранение социального мира, а последовало за преступными и своевольными элементами. В революцию партия входила нехотя, что не уменьшало безрассудность дела, как констатировал Энтони Аптон. На происходившем сказывался и вызванный большевистским переворотом массовый психоз, но вера в решающее значение помощи соседа, пожалуй, была преступным и чрезвычайно губительным решением великих агитаторов. 25 января 1918 г., когда восстание в Карелии уже началось, Эйно Райло писал о гражданской войне как о единственном средстве спасения для народа, часть которого оказалась жертвой «страшного сифилиса нашего века», заключила союз «с насильником своей матери, предложила ему свою невесту и сестру, заняла у него орудия убийства и принялась вместе с ним уничтожать собственную родину».

На самом деле русской интеллигенции было трудно поверить, что считавшийся образованным и хорошо организованным рабочий класс Финляндии действительно последует за большевиками. По мнению российских наблюдателей, дело обстояло в Финляндии иначе, чем в России, именно там началась настоящая революция. При этом у социал-демократов в Финляндии была поддержка большинства, что можно было увидеть по результатам выборов 1916 г., переворот не был делом рук военных и не был связан с вопросом о мире. При этом в Финляндии не устраивали никаких оргий «грабь награбленное», не прибегали к одобряемому большевиками лозунгу о «беспощадности» и не говорили о скоропалительном установлении социализма,

но сосредоточились на проведении практических реформ. Так красиво представлялись дела в их начальной фазе в издававшейся меньшевиками «Новой жизни», а эсеровское «Дело народа» подчеркивало, что финские революционеры также обещали всеобщее избирательное право и референдум. Это было что-то иное, чем политика Ленина! Даже рупор кадетов уклонялся от прямого осуждения событий в Финляндии, в которых, как представлялось ему, в какой-то степени проявлялась демократическая направленность.

Оппозиционные российские газеты, которым, несмотря на преследования, порой удавалось выходить, не понимали всей трагичности финляндских событий.

Только тогда, когда весной стало известно о казнях русских в Выборге, начала выявляться правда. Жестокости белых в Финляндии стали серьезным предметом обсуждения. Уже рассказывали о тысячах русских, расстрелянных в Выборге, исключительно по той причине, что они были русскими. На самом же деле, цифры были сильно преувеличены. Такая национальная ненависть признавалась, однако, виной белых финнов и чуждой русским. Проживавшим в России финнам не платили той же монетой. Тем самым «необразованный» русский давал урок «образованным» финнам, считал один из авторов «Новой жизни».

Ненависть белых финнов была направлена против русских, т. к. их считали теперь не только «насилбниками матери», но также искусителями изменников своего народа и козлами отпущения во всей трагедии. Соплеменников убивали во множестве, находя причину во внешнем зле — русских. Собственно говоря, все финны пали жертвой русских.

«Чистка» в Финляндии продолжалась не с меньшей силой и после гражданской войны. В этот период ее подпитывала та же русофобия, которая усилилась в стране за очень короткое время, но теперь на дело повлияла и Германия, требовавшая изгнания жителей страны-неприятеля с контролируемой территории. Частично это требование обосновывалось также продовольственным кризисом. Как красочно утверждают документы того времени, изгнание осуществлялось нередко грубо и жестоко. Согласно старому русофилу Тойво Т. Кайла, следовало ожидать, что такая политика Финляндии быстро испортит ее репутацию в российских демократических кругах, в которых она пользовалась дружественной поддержкой.

«Лахтарский характер» финнов стал, во всяком случае, распространенным понятием. Это было причиной, по которой в белых

российских кругах выражали сомнения в уместности расчетов на финнов в деле освобождения Петрограда от большевиков. Россия никогда не простила бы этого, т. к. финны уничтожали офицеров, гимназистов — всех, кого только могли.

У российской революции были собственные предпосылки, которые делают ее понятной, хотя это и не оправдывает варварства большевизма. Россия была крестьянской страной, в которой внезапный рост численности населения сверг огромную часть народа в бедность, а часть — в относительное разорение. В то время как загребавшие сверхприбыль спекулянты соревновались в хвастливых тратах, миллионы обездоленных смотрели в глаза голоду. Именно те, кто создавал благополучие высших классов, вынуждены были делать это за жалкие деньги и в скверных условиях.

В Финляндии дело обстояло не лучше. Партии в целом пеклись о народе, и многое было достигнуто. Пропасть между бедняками и господами была, однако, громадной. Это становится понятным уже при взгляде на те здания, которые строились в Хельсинки на рубеже XIX–XX столетий. При этом как в крестьянских домах, так и в рабочих предместьях городов жили часто в нужде. Еще Аристотель говорил, что государство, в котором распределение дохода крайне несбалансированно, не может быть прочным. В то время различия в доходах еще не были, пожалуй, настолько разительными, как ныне, но общий уровень был намного ниже. Работающий человек с трудом зарабатывал на жизнь даже в обычные времена. Вызванный войной и революцией переворот означал катастрофу.

Как Финляндия, так и Россия находились во многом в сходной ситуации, как сейчас так называемые развивающиеся страны. Жесткая эксплуатация предполагала жесткую дисциплину. Когда прежняя власть рухнула в результате русской революции, в Финляндии уже не было посредника между имеющими собственность и лишенными ее. Дисциплина была уничтожена.

Когда государство рухнуло, то у финской нации потеряла голову ее низшая часть. Несмотря на то, что в стране была демократическая власть большинства, она пренебрегала законом и правдой и попыталась украсть себе чужое добро. Лишенная морали, она оказалась на подхвате у угнетателя и попыталась уничтожить классы собственников, их культуру и религию. Примерно таким же образом выкристаллизовалось национально окрашенное представление финских белых о восстании, подавление которого в силу этого воспринималось как освободительная война.

Петербургские недоброжелатели

Мегаполисы — порождение индустриальной и постиндустриальной эпохи. Еще в начале 1900-х гг. города с миллионным населением в мире были довольно редки, а наиболее близким из них для нас был Петербург.

То, что некоторые элементы в России всегда недолюбливали Петербург, то, что он был заклеен как логово Антихриста, в целом известно. Предсказывающая уничтожение и опустошение города легенда связывалась с брошенной Петром Великим женой Евдокией Лопухиной, которая прокляла город, посулив: «Быть Петербургу пусту». Содержание легенды снова приобрело актуальность в конце XIX — начале XX в., а во время гражданской войны апокалиптики Серебряного века собственными глазами могли видеть, как город, ввергнутый большевиками в нищету, начинал увядать и пустеть, а его население сократилось втрое, что в истории мегаполисов новейшего времени было делом несслыханным.

Развивавшаяся в свое время староверами и славянофилами идея об уничтожении Петербурга прочно витала в России в порожденной Первой мировой войной атмосфере. Оттуда эта тема, определенно, пришла и в Финляндию. Но ненависть к огромному городу была в то время очень распространенным явлением, а с другой стороны, именно ненависть к Петербургу явно получала известную подпитку среди некоторых представителей финской интеллигенции в силу внутривосточных условий.

Современные мегаполисы — не только совершенно новые места проживания, они также способствуют становлению особого образа жизни, который вызывает отнюдь не только один восторг. Еще Маркс утверждал, что промышленность порождает нового человека, и в мегаполисах это действительно происходило, к сожалению, как считали многие. Городской образ жизни означал, по мнению многих, прежде всего, разрушение органических социальных связей, того, что немецкий социолог Фердинанд Теннис назвал «гемейншафт», и превращение человека в лишенное корней существо, безликий винтик механического «гезельшафта», содержанием жизни которого было возбуждение своих нервов. Мегаполис представлял собой как культурный, так и физический упадок, и к порожденным им болезням относились как «ухудшающие расу» половые болезни и алкоголизм, так и такие, подобные душевной заразе заболевания, как социализм и анархизм.

Антиурбанизм в первой половине прошлого столетия был свойственен представителям консервативных революционных кругов, но давал о себе знать и на левом политическом фланге. В Советском Союзе процветали, особенно в период первого пятилетнего плана, идеи о зеленых маленьких городах и замене ими прежних крупных городов. В Германии клявшиеся именем расы и земли политические подстрекатели направили острие своего нападения против крупных городов. Дегенерация и декаданс, которые стали восприниматься в качестве основной опасности для культуры, связывались именно с атмосферой больших городов. Берлин, как «греховный Вавилон», в 1920-е гг. оказался объектом особенной ненависти Гитлера. Сельские ценности сохранялись в почете также в программе нацистов, что позже не помешало Гитлеру одобрить отмеченные мегаломанией проекты зданий для украшения Берлина. В этом он соперничал со Сталиным, у которого имелся собственный проект самого огромного в мире здания.

В среде финских правых радикалов можно найти также общую нелюбовь к городам, что едва ли можно считать неожиданным. В студенческих кругах руководство АКС относилось довольно враждебно к легкомысленному Хельсинки. В студенческой среде легкомысленным и беспечным считали землячество Этеля-Суоми (Южная Финляндия), которое не слишком считалось со всем этим обществом и его идеями, так что оно постоянно служило ему в качестве мишени.

В частности, объектом антипатий известной части финской интеллигенции был Петербург, город финской судьбы, тень которого простиралась над Финляндией с момента его основания. Уже Хенрик Габриель Портан в XVIII столетии надеялся на успех Екатерины Великой в ее стремлении захватить Константинополь, что освободило бы Финляндию от соседства российской столицы и тем самым «спасло» бы страну от опасного геополитического положения. Как известно, этого не произошло. Петербург поглотил всю Финляндию в Российскую империю. Несмотря на это, совместное бытие Финляндии и Петербурга, казалось, протекало довольно гармонично до конца XIX в., пока правительство не перешло к основанной на геополитике политике унификации, тем самым разрушив основательно финляндско-русские отношения.

Испытываемые к Петербургу как столице тирании чувства есть основание также рассматривать с точки зрения общей нелюбви в то время к крупным городам. Следует помнить, что характерной чертой первой половины 1900-х гг. был общий кризис морали,

в котором часто крайне нетерпимые представления традиционно общества наткнулись на либертинизм и «декаданс» городской среды. Подобный Петербургу крупный город для многих представителей финской интеллигенции был не только сосредоточением населения, но также и воплощением искривленного и губительно-го образа жизни. Для Ирмари Рантамала — Майю Лассила — он был, в частности, «Мельницей злого духа», в котором оплаченные страданиями бедного народа нажитые богатства прожигались в необузданном разврате. В Петербурге сосредотачивались как блеск императорского двора и аристократии, так и примитивный упадок народа. На самой вершине общества эти два уровня воплощались в отношениях двора и Распутина. По мнению чтящих законы и право финнов, к упадку петербургской морали относилось также извечное пренебрежение принципами права в зависимости от прихоти самодержца, и «петербургский путь» символизировал политическое шулерство и подлость. В XIX в. финские газеты доказывали также, что такие на первый взгляд пустяковые вещи, как выпрашивание чаевых, сильно ударили по финскому представлению о праве и чувстве меры. Это очень раздражало приезжавших в Петербург.

Вероятно, сейчас для многих финнов может быть удивительным, что мысль об уничтожении Петербурга промелькнула не только в российских литературных кругах, но получила поддержку и в некоторых финских праворадикальных кругах. Эта идея, которую на основе оценок биографии, написанной Мартти Ахти, разрослась в голове основателя общества АКС Элмо Э. Кайла до масштабов мании, не была секретом и для русских. Если белоэмигранты в 1919 г. противились участию «чухны» в оккупации Петербурга, т. к. те, в соответствии со своим лахтарским характером, уничтожили бы там все и убили бы даже юных гимназистов, то анекдотом в этом случае и не пахло. События в Выборге в 1918 г. еще были живы в памяти.

Каким образом огромный город мог быть уничтожен финнами? Вспоминая об опыте Второй мировой войны, можно сказать, что никаким. Тогда, правда, это еще не понималось, что, пожалуй, отчасти отражается в известной фантазии о «расстоянии пушечного ядра», которой опасность положения Ленинграда как соседа Финляндии объяснял, например, Молотов в своих выступлениях. В действительности, огромный город вовсе не был нежным оранжерейным цветком, а средоточением силы, которую, с военной точки зрения, можно считать в окружающем его мире угрожаю-

щим кулаком. В западной русофобской литературе Петербург изображали «искусственным городом», который был основан по приказу властей вне нормальных путей снабжения именно для того, чтобы угрожать европейским государствам.

Во время Второй мировой войны возможность действительно уничтожить Ленинград была, во всяком случае, более или менее реальной. Фантазии-фобии в отношении Петербурга предшествующего поколения, казалось, могут быть воплощены в ситуации, которую едва ли кто-то в действительности ожидал, хотя о безопасности города заботились с момента его основания.

Речи об опасном положении Ленинграда вследствие того, что финляндская граница находится на расстоянии полета пушечного ядра, были совершенно абсурдны. От Ленинграда ближайшим финским городом был все-таки расположенный в ста пятнадцати километрах от него Выборг. Он, таким образом, являлся тем местом, которое могло служить в качестве плацдарма для таких крупных частей, с помощью которых можно было хотя бы помышлять при некоторых условиях о нападении на Ленинград.

Опасность расположения Ленинграда вблизи финляндской границы относилась, в действительности, к Финляндии, и летом 1944 г. она стала актуальной. На финской стороне границы не могло остаться незамеченным сосредоточение такой армии для нападения на соседа, какая была сосредоточена в Ленинграде против Финляндии летом 1944 г. Соответствующая переброска войск за сотню километров от города была бы намного труднее.

Расположение Ленинграда в непосредственной близости от финской границы без буферного пояса было потенциально опасным для Финляндии, но в этом отношении едва ли что-то можно было сделать в географии. С точки зрения Советского Союза, действительная опасность едва ли имела, т. к. переброску войск на финской стороне легко заметить вовремя и предпринять соответствующие политические и военные меры, которые великолепно могли быть осуществлены в силу имеющихся у великой державы и огромного города возможностей. Речи о том, что город находится в опасности из-за расположения на расстоянии полета пушечного ядра, были, разумеется, предназначены для дураков. Кто бы доставил эти дальнобойные орудия к границе? А Ленинград даже при малейшей угрозе защищали бы тысячи орудий. В 1939 г. у Финляндии имелось всего только четыреста полевых орудий, да и то легких. Если этот арсенал стали бы собирать на перешейке, то, разумеется, с угрожаемой стороны выставили бы

требования против прекращения такой деятельности или могли даже легко повлиять на дело вооруженными действиями.

Речи о безопасности Ленинграда предназначались, очевидно, в действительности, прежде всего, для обеспечения престижа Советского Союза и представлявшего его сталинского режима. Нахождение маленького государства с пограничными шлагбаумами и пограничными катерами у ворот города было, с этой точки зрения, просто наглостью.

Разумеется, военно-морские стратеги в Советском Союзе расчерчивали сектора обстрелов на своих картах и докладывали Сталину о своих оценках того, что было бы «необходимо» для защиты Ленинграда. В действительности пересекающее линию между Ханко и Осмуссаари движение во время войны шло довольно бойко, хотя советские орудия и войска были размещены в соответствии с планами. Военное значение во время войны купленных большой кровью баз было почти нулевым. Десантные операции против огромного города оказались фантазией, их никогда бы и не предпринимали. Можно только представить себе, насколько более выгодным было бы положение Ленинграда во время нападения Германии, если бы Финляндия в 1939 г. была оставлена в покое и сохранила свой нейтралитет. Бессмысленное нападение Сталина на Финляндию в 1939 г. не создало предпосылок для безопасности Ленинграда, но в значительно большей степени уничтожило их.

Во время войны-продолжения Ленинград оказался жертвой огромной катастрофы, которой не оказывался никогда современный крупный город. В воспаленном мозгу Гитлера созрел также план его уничтожения, и старая идея, которая ранее принадлежала сфере фантазии, казалось, действительно станет воплощенной политикой. Нельзя утверждать, что и в финских кругах не было ни одного такого человека, который не одобрял бы эту варварскую идею. Внешне это устранило бы ту «причину», на которую время от времени ссылался восточный сосед, находя оправдания для направленного против Финляндии насилия. Во всяком случае, уничтожение Ленинграда никогда не было идеей государственного руководства Финляндии, и Маннергейм комментировал ее реалистически — русские выстроят новый Петербург.

Вообще фобия в отношении крупных городов и особенно фобия в отношении Петербурга принадлежат теперь истории, которая для нынешнего поколения звучит как экзотика. В наши дни Петербург начинает для нас, финнов, становиться почти соседом

по дому, который представляет скорее высокую культуру и экспортный рынок, чем военную угрозу или моральное разложение. Огромный город уже не чуждое для нас явление. В этой категории находится также и наш собственный, с населением более миллиона человек Большой Хельсинки, урбанизация которого и космополитизм — в хорошем и плохом — отнюдь не уступают метрополии на Неве.

Финны в Восточной Карелии

Ингерманландцы, почти полтора ста тысяч переселенных в XVII столетии финнов-лютеран, образовывали одну, хотя и не самую крупную финскую группу в Советском Союзе. В России финны до революции жили, помимо Петербурга, где их было почти двадцать тысяч, и в других местах — небольшое количество на Дальнем Востоке, в Мурманске и в Восточной Карелии, даже на Кавказе.

После революции большая часть финнов вернулась в Финляндию настолько быстро, насколько могла. Их количество Пекка Невалайнен определял примерно в 19 500 человек. На их место, однако, вскоре пришли новые. После неудачного восстания 1918 г. из Финляндии в Россию бежали около 10 000 человек, из которых довольно значительная часть вскоре вернулась в Финляндию. Помимо так называемых красных появились и другие. В начале 1930-х гг. из Финляндии в Советский Союз перешли через границу свыше 10 000 человек. Кроме того, в то же время приехали из Северной Америки страдавшие от жестокого экономического кризиса примерно 6000 тамошних финнов. Большая часть всех их была размещена на жительство в Восточной Карелии, где уже в 1920 г. была основана Карельская Трудовая Коммуна (с 1923 г. — Карельская автономная социалистическая республика).

На этой территории вторым языком был финский, и т. к. карельский язык считался диалектом финского, полагали, что примерно 80 000 карел должны учить финский язык и приобретать образование на этом языке. Эта так называемая политика карелизации была общим принципом местного применения, который в то время был в силе в Советском Союзе и был известен под названием «коренизация». В рамках этой политики стремились предоставить людям местной национальности возможность использовать собственный язык, как в начальной школе, в управлении, так и в целом в культуре.

Известная под названием коренизации политика была, однако, прекращена в середине 1930-х гг. На практике это означало, что на всех так называемых национальных территориях стали осуществляться теперь «чистки» в среде местной элиты, к власти приходили русские. Политика теперь снова была направлена на создание унифицированного государства, в котором особые права национальностей не одобрялись.

В Восточной Карелии использование финского языка было запрещено полностью и на всех уровнях с конца 1937 г. На его место пришел искусственный, основанный на кириллице карельский язык, который быстро был изобретен профессором Д.В. Бубрихом. Поскольку никакого общего карельского языка никогда не существовало, речь шла об абсолютно новой работе, породившей на практике огромные трудности. По обычаю времени, в проблемах обвинили «саботаж вредителей», в данном случае создатель языка был арестован и обвинен в том, что умышленно отдалил новый язык от русского. Так перешли от прежнего к более русифицированному карельскому языку, который в действительности только владевшие русским языком способны были в какой-то степени понимать.

Большой террор уничтожил также всю финскую верхушку в Восточной Карелии, а помимо этого массу простых рабочих и служащих — всего свыше 8000 человек, по подсчетам Эйлы Лахти-Аргутиной. Удар был нанесен не только по финнам, но он пришелся по всем национальностям неравномерно. В населении Восточной Карелии, согласно данным Ирины Такала, финны составляли примерно 3 %, но их доля среди жертв террора превышала 40 %. Количество жертв среди карел составляло 27 %, а среди русских — 25 %. При проведении Большого террора в масштабах Советского Союза осуществлялись так называемые «национальные операции», которые можно характеризовать как убийство народов. Финны в этом отношении отнюдь не были исключением, поляки, эстонцы, латыши, немцы и другие национальные меньшинства уничтожались в той или иной степени в то же самое время и по одной и той же схеме.

В Ингерманландии использование финского языка было запрещено в то же время, что и в Карелии, в годы советской власти этот язык там уже никогда больше не восстановил своего прежнего положения. Ингерманландцы подверглись очень жестокому обращению. Во время коллективизации тысячи их были выселены из родных мест, многие на далекие рудники. С прилегающих к финской границе территорий ингерманландцы были выселены уже в 1935 г.

Большой террор «отшлифовал» уничтожение части финского населения Ингерманландии, которое дополнилось перемещениями населения во время Второй мировой войны и послевоенной политикой, препятствовавшей его возвращению в родные края. Довольно большие и чисто финские по языку лютеранские общины, которые существовали в Ингерманландии еще в начале 1930-х гг., были, таким образом, насильственно уничтожены. В этом случае решающим фактором явилось не вероисповедание, а политика и осуществлявшийся тоталитарным государством запланированный государственный террор.

После русской революции большевистская власть провозгласила, что социальное положение и классовая солидарность, а не национальность или вера являются теми факторами, на основе которых будет возводиться новое государство. Важнейшим фактором, который отличал людей по обе стороны восточной границы Финляндии, стала теперь идеология. Это утверждение небезосновательно. Бежавшие в 1918 г. в Советскую Россию финны не испытывали никакой солидарности с «белой» Финляндией, но рьяно сражались за свою новую родину против финнов в 1918–1922 гг. в так называемых соплеменных войнах.

Соответственно находившиеся у власти в Восточной Карелии финны не ощущали себя никакими агентами буржуазной Финляндии, а хотели создать новую «Великую Финляндию», в которой были бы объединены Финляндия и Восточная Карелия, на общих с Россией идеологических узах, на прочной классовой основе. Классово и идеологически обоснованная международная солидарность оказалась весьма кратковременной. Сталин отказался от нее во второй половине 1930-х гг. и перешел к террору, имевшему также четкие национальные измерения.

При нападении на Финляндию в 1939 г. Советский Союз создал так называемое Терийокское правительство, которое якобы представляло народ Финляндии. Таким образом, советское правительство во второй раз забирало назад свое признание, данное им финскому правительству в 1917 г. Это новое правительство сочли единственным возможным компаньоном для заключения договора о помощи и сотрудничестве. Один важный параграф этого договора касался государственных границ и принципов их размежевания.

Договор предусматривал, что Советский Союз передаст Финляндии 70 000 квадратных километров территории Восточной Карелии, чтобы тем самым осуществились «вековые чаяния о воссоединении

карельского народа с братским финским народом в едином и независимом финском государстве». Даримая территория простиралась от Олонца до Ухты и немного севернее, и это объяснялось тем, что преобладающим населением здесь были карелы. До Мурманской железной дороги было, по меньшей мере, 25 километров. Тем самым речь шла явно о Великой Финляндии, о которой в свое время печалились некоторые финские круги сразу после приобретения независимости, а по другую сторону границы, со своей стороны, также финские правители Восточной Карелии. В обмен на этот огромный территориальный дар Финляндия передавала Советскому Союзу южную часть Карельского перешейка, на западе простиравшуюся до Койвисто, а также острова в Финском заливе. Кроме того, Финляндия за большую компенсацию сдавала в аренду на 30 лет Ханко. Заявлялось, что договор вступит в силу сразу, а ратификация должна «по возможности скоро» произойти в Хельсинки. Таким образом, речь шла не об обещании, а о государственном акте, который вступил в силу. Согласно договору, речь шла о законной национальной цели, реализация которой достигалась объединением частей по обе стороны границы.

То, что созданная таким образом Великая Финляндия будет по своей идеологии социалистической или в какой-то иной форме под управлением Советского Союза, в договоре отвергалось. Не давалось и намека на возможное присоединение в будущем к Советскому Союзу. В Финляндии все-таки преобладало иное мнение, и наслушавшиеся всякого о царившем в Советском Союзе режиме террора финны считали за лучшее не принимать дара. Эта позиция отражала редкое единодушное сопротивление, которое финны оказали превосходящему по силу агрессору. Сопротивление было необходимой предпосылкой для того, чтобы красноармейские части никогда не достигли Хельсинки. Договор, таким образом, никогда не был ратифицирован.

Хотя Москва позже согласилась заключить мир с правительством в Хельсинки, которому, разумеется, никаких подарков сделано не было, всё отнюдь не осталось по-прежнему в национальном положении советских финнов. Исход Зимней войны был совершенно иной, чем предполагали в Москве, но и он совершил переворот в национальной ситуации.

От Финляндии отрезали новые территории, которые приблизительно соответствовали захваченным в свое время Петром Великим. Их решили присоединить к новообразованной Карело-Финской Советской республике, а не к Российской Федерации. Таким образом, вся новая территория, включая Выборг, стала частью

новой союзной республики, которая в принципе вместе с другими союзными республиками входила в федеративное государство. Исходя из этого, можно говорить, что финские территории были присоединены не к чужому государству, но к другому финскому государству. Вторым, новым государственным языком в этой республике стал финский.

Весной 1940 г. в Восточной Карелии испытали, таким образом, новую революцию в национальных отношениях, когда финский язык внезапно стал востребован, а созданный профессором Бубрихом карельский язык окончательно был предан забвению. В Восточной Карелии снова писали латиницей на исключительно нормальном финском языке. Школы с преподаванием на финском языке, библиотеки, театры возобновили свою деятельность, начали выходить газеты на финском языке, основали и университет.

Однако после Большого террора в Восточной Карелии финнов осталось мало, а жители завоеванных финских территорий бежали в Финляндию. Новые финские жители завозились тайком из Ингерманландии, где финский язык не был возвращен в употребление.

Жизнь в новой национальной республике, однако, чахла, и в 1956 г. она снова была понижена в статусе до автономной социалистической республики. По оценкам исследователей это означало, что Советский Союз уже отказался от мысли о присоединении Финляндии к советскому государству, чего добивался в 1940 г., а возможно, и позже.

Мысль об объединении карел и финнов в независимом финляндском государстве, т. е. о создании Великой Финляндии стала политически актуальной и более или менее реалистичной после русской революции 1917 г. Значительную роль в этом сыграла национальная политика большевиков, провозглашенная еще в первом декрете советского правительства, признавшем за всеми национальностями право на государственное существование. Во время войны эта уже устаревшая идея вдруг всплыла в заключенном советским правительством и Терийокским правительством в 1939 г. договоре, в котором советское правительство считало это оправданным.

В действительности, однако, оказалось, что благожелательный взгляд советского правительства на основание Великой Финляндии предусматривал, что за ним останется в этом государстве полнота власти. Когда буржуазная Финляндия во время войны-продолжения захватила в 1941–1944 гг. Восточную Карелию, это было

названо Москвой грабительской и захватнической войной, которой нет никакого оправдания. Не удивительно, что в Парижском мирном договоре 1947 г. к Финляндии не присоединили восточно-карельские территории. После этого к этой теме по обе стороны границы уже не стремились возвращаться.

Во всяком случае, финское население оставалось частью населения Советского Союза. Правда, его численность сильно сократилась. В России — не считая Великого княжества — в 1897 г. насчитывалось примерно 143 000 финнов, которые составляли примерно 0,1 % от всей численности населения империи, а в начале 2000-х гг. их было примерно 34 000, т. е. чуть более 0,02 %. Относительная (а также и абсолютная) численность финнов сократилась почти в пять раз. Как мы помним, процесс отнюдь не был равномерным, но исключительно серьезные изменения очевидны. Также численность населения восточного соседа в течение столетия значительно изменилась. Вначале население почти удвоилось, а после распада Советского Союза уменьшилось вдвое.

Кратко рассмотрев судьбы русского населения в Финляндии, мы сможем констатировать, что процесс был во многом иным, чем судьба финнов в России. Русских в Финляндии до времен Петра Великого почти не было. Граница между Западом и Востоком в то время была очень резкой, и, прежде всего, в силу вероисповедных и государственных причин.

Когда отделение Старой Финляндии от Швеции было подтверждено мирными договорами 1721 и 1743 гг., в ее города потянулось известное число русских купцов. Также несколько групп крепостных крестьян было перемещено на перешеек, но остальная территория поразительным образом не подверглась обрусению. Эта ситуация сохранялась в 1800-е гг. Хотя Великое княжество Финляндское было частью Российской империи, в его населении русские составляли крошечную долю. Трудно сказать, чем объяснить это явление. Очевидно, переезд в страну с чужим языком и иной верой был делом не простым. Кроме того, следует учитывать, что у Финляндии было свое гражданство, русские не могли поселиться в ней просто так, необходимы были определенные бюрократические процедуры. Русских к концу XIX в. в Финляндии насчитывалось всего примерно 6000 человек. Это составляло только 0,2 % — очень небольшое количество.

Незначительным количеством русских оставалось и в начале XX столетия. После большевистского переворота в Финляндию прибыли, по подсчетам Пекки Невалайнена, примерно

44 000 беженцев, из которых большую часть, правда, составляли не русские. В то же время из Финляндии выслали в Россию едва ли не больше русских, чем переехало в Финляндию, так что количество изменилось не много. Наибольшая численность беженцев на территории Финляндии наблюдалась в 1922 г. — более 30 000 человек, т. е. примерно 1 % от общей численности населения. Позже многие русские уехали далее на запад, а многие карелы вернулись в свои дома.

Между русскими и финнами в XIX в., пожалуй, не было серьезных трений. В период угнетения ситуация изменилась, и в начале XX столетия так называемых «едоков Финляндии» русские газеты начали сообщать о разного рода проявлениях угнетения русских. По той или иной причине, вероятно, именно как реакция на русское националистическое наступление в Финляндии возникла русофобия, известными проявлениями которой стали в 1918 г. групповые убийства.

После Второй мировой войны численность русских в Финляндии оставалась очень небольшой, хотя в силу некоторых принципов статистики оценка имеющихся данных не всегда однозначна. Во всяком случае, численность владеющего русским языком и считающего себя русским населения явно была менее 5000 человек, что составляло примерно 0,1 % от всего населения Финляндии.

Благодаря распаду Советского Союза и так называемому возвращению ингерманландцев приток русских в Финляндию с начала 1990-х гг. рос невиданными ранее темпами. Сейчас численность русских в Финляндии, точнее говоря, говорящих по-русски людей, достигает почти 60 000 человек, что составляет более 1 % от численности населения страны.

Можно констатировать, что складывается исторически новая ситуация. Абсолютная и относительная доля русских в населении Финляндии сейчас гораздо больше, чем когда-либо в истории. С этим связано расширение сферы контактов финнов и русских. Вера уже не отличает людей друг от друга, политическая идеология также не играет особой роли. Если финляндско-русские контакты ранее осуществлялись, прежде всего, на высоком общественном уровне, на уровне служивших в России финских офицеров и, с другой стороны, скорее на уровне пролетариата, ныне такие контакты возникают на уровне среднего класса. Появление численно большого среднего класса в истории России само по себе уже является новым явлением. Контакты расширяются также благодаря общему *lingua franca*, т. е. английскому языку, которым владеют все

более широко по обе стороны границы. Кроме того, людей все более объединяет мировая поп-культура и растущий туризм, а также интернет и другие новые средства массовой информации и коммуникации. Культурная среда, в которой по обе стороны границы воспроизводятся одни и те же элементы сознания, — исторически совершенно новое явление.

В свете истории положение национальных меньшинств по обе стороны финляндско-русской границы было проблематичным, не только полным трудностей, но и трагичным. Ситуация сейчас в корне меняется. Финны, правда, в небольшом количестве переселились ныне в Россию, и они вообще бывают в ней временно, в силу работы, но ситуация была примерно такой же и в конце XIX в. Во всяком случае, даже количество финнов в России и, особенно в Петербурге, после резкого сокращения в период кризиса снова начало расти. В то же время, когда старое ингерманландское население сократилось, оно было ассимилировано русскоязычной средой или «вернулось» в Финляндию, откуда пришли их предки в XVII столетии. Все более часто финны приезжают работать в Петербург и Москву, где современный капитализм эпохи глобализации проявляется так же естественно, как в Хельсинки или в Пекине.

V

Угрозы с Востока и Запада

Избранный народ и земля обетованная

Идея о русском Варавве как освободившемся грешнике в Финляндии в 1917–1918 гг. сама по себе не нова, так же как и идея о русском искушении как причине мятежа 1918 г. Во всяком случае, они обе важны для понимания психологии тех лет. Совершенное финскими красными открытие двери для русских в 1917 г. было в воображении финской интеллигенции обманом простонародья, который националистически мыслящая и воспитанная на высоких идеалах образованная часть населения Финляндии простить не могла. *Odi profanum vulgus et arceo*¹. Представление о свободе солдатни заключалось именно в том, что Александр Зиновьев описывает в своей книге *The Reality of Communism*. Отвергнувший культуру человек ломился всюду, где ограда была невысока. Роман Майлы Талвио *Kurjet* («Журавли») и ее вдохновленное описание германороссийской границы, границы культуры и варварства, со своей стороны, свидетельствуют о том, как воспринималось различие анархистского русского и порядочного западного мира в кругах интеллигенции: дело заключалось в отличии творческой и динамичной культуры от вялой, похотливой и основанной на инстинктах варварской культуры. Так к этому относились вскоре после того, как еще не забыли о поклонении Толстому, отразившему,

¹ «Презираю и прочь гоню невежественную чернь» (Гораций. Оды).

по оценке Ленина, русскую крестьянскую стихию. Основанная на огромном материале книга профессора Сейкко Эскола¹ дает представление о восприятии страшного для Финляндии 1917 г. и через образ молодого хулигана показывает, насколько необычайно важным в психологическом отношении периодом был для всей страны этот взрыв русскости. Без этого не понять событий 1918 г. и русофобии предвоенных лет.

До произошедших в 1917 г. оргий черни русская интеллигенция имела довольно хорошую репутацию в Финляндии. С русской интеллигенцией вполне можно было сотрудничать, однако, следовало соблюдать определенную дистанцию. Именно так поступали те либералы, которые группировались вокруг знаменитого Лео Мехелина и для русских националистов были особой соринкой в глазу и объектом клеветы. В дневнике Теклы Хултин² воспроизводится картина отношения к этому сотрудничеству. Российских либералов ценили, но не считали, что по этому пути сотрудничества следует идти далеко. Это был *Uneasy Alliance*, как это описывал Билл Копеланд. После революции российская интеллигенция была сметена, и осталась только та *vulgus*, которую можно было лишь ненавидеть. Из-за отсутствия общего языка с ней невозможно было даже разговаривать. Именно по этой причине отношение финнов к России изменилось радикально благодаря приобретению независимости и революции. Все же гражданская война была очень большим шоком, но значение изменения характера общественно-политической системы у соседа не следует преуменьшать. У финских буржуа по ту сторону границы уже не было равной социальной группы в России.

В 1927 г. была опубликована книга *The Haunted Castle. Study of the Elements of English Romanticism*, которая принадлежит перу представителя еще очень малочисленной в то время в нашей стране литературоведческой элиты. Она свидетельствует, что ее автором был глубокий знаток англосаксонской литературы, который со знанием дела анализировал тексты романов ужасов, от Горация Уолпола до Оскара Уайльда. Автором был Эйно Райло, который был и писателем, и издателем, и литературоведом, опубликовавшим в Финляндии прокладывающую новые пути шеститомную «Общую историю литературы». Для своего времени это был культурный

¹ Имеется в виду диссертация: Seikko Eskola. Suomen nurja 1917 Ruotsin peilissä. Helsinki, 2010.

² Текла Юханна Виргиния Хултин (1864–1943) была в Финляндии первой женщиной — доктором философии.

труд, который мог быть создан только таким широко образованным гуманистом, каким был Райло. Являясь доцентом Хельсинкского университета, Райло принадлежал в то время к очень узкому кругу исследователей-гуманитариев, но его сфера деятельности не ограничивалась *vita contemplativa*¹. Райло руководил собственным издательством, активно выступал в качестве критика и написал несколько толстых романов, в которых изображал собственное время и процессы современной истории. Райло и в политике был активным человеком, много печатался в оппозиционной партийной газете *Uusi Päivä* в качестве фельетониста под псевдонимом "Sissi" («Партизан»). И в политике Райло не удовлетворился пребыванием в группе тех, «кто омывал трупы», но действовал и там, где люди расставались с жизнью. Сборник фельетонов "Sissi" не напрасно был назван «Пером и ружьем». Как издатель Райло публиковал также творчество Алгота Унтола/Майю Лассила и написал в 1920-х гг. предисловие к его сочинению.

Тогда, в 1918 г. Райло плыл вместе с Унтола на пароходе в Сантахамине, где последнего ожидала казнь. По той или иной причине Унтола не добрался до Сантахамине, а оказался во время пути в воде, где и был застрелен. Последняя встреча писателя и его издателя весьма подходит для продолжения тех историй об ужасах, в которых очень многим финским писателям довелось участвовать. Илмари Кианто, Кюёсти Вилкуна, Юхани Сильо, В.А. Коскенниemi и многие другие, так или иначе, оказались в театре ужаса, в котором убийство человека было не вымыслом, а жестокой действительностью.

Война 1918 г., однако, была не только войной не за жизнь, а за смерть. По едва ли не единодушному мнению финской интеллигенции, речь шла о гораздо большем. Речь шла о культуре, обо всем том, что делает жизнь ценностью. Преградой были жестокость и животное состояние, грозившие уничтожить большее, чем человеческая жизнь. Если бы они — красные русские — одержали победу, созидательный цивилизационный тысячелетний труд исчез бы безвозвратно. Вопрос, впрочем, заключался даже не в разнице между ценностью или малой значимостью или развитостью и неразвитостью, речь шла о разнице между небом и пеклом. «Нравственность» — не пустое слово, неизменно повторявшееся в речах интеллигенции, постулировавшей себя в качестве именно нравственного слоя общества.

¹ Жизнь созерцательная.

В 1944 г. Эйно Райло опубликовал обширный роман «Избранный народ и земля обетованная» с подзаголовком «Повествование о финнах». Автор и ранее в своих сочинениях обращался к современной проблематике. Как гуманиста его интересовало, в чем, в конце концов, смысл этой жизни. Войны и сражения можно выиграть и проиграть, люди могут накапливать богатства или впасть в нищету, но, в конце концов, это не столь уж важно. Важно то, чем человек живет, как о том в свое время писал Толстой.

Magnit opus Райло явно был честолюбивой попыткой написать великий финский роман об интеллигенции, который, по мнению многих, до сих пор еще не написан. Та группа, которая сама себя называла интеллигенцией, строго говоря, принадлежала прошлому, в которое нам уже нет доступа. Возможно, правда, что земля обетованная действительно есть этот большой роман, повествующий о том, чем была интеллигенция. Соглашусь, что мысль эта вызывает озноб.

Главным героем этого гигантского повествования является 80-летний советник канцелярии, доктор классической филологии и знаток классической культуры. Под конец своей жизни старик оценивает ее и жизнь своей страны с дистанции 1939 г., к которому независимая Финляндия и финская культура удивительным образом успели расцвести, но при этом оказались затемненными угрозой с Востока, еще более худшей, чем прежняя.

Галерея героев книги обширна и включает, разумеется, и представителей рабочего класса. В ней есть даже коммунисты и припешники русских. Памятный 1918 г. не замалчивается, напротив, те события выписаны очень четко. Идеи меняются с течением времени. Сын старого канцелярии советника — судья, который поддерживает демократию. Сын последнего — студент — представляет студенческий радикализм своего времени. Деятельность АКС в глазах более старого поколения — идея молодежи, в которой много незрелого, ограниченного и неумного. Но такими же были их собственные идеи в их время, например, егерское движение.

В течении 1939 г. возникла потребность заново создать историю Финляндии и ее места в Европе и в мире. Германская, английская и шведская культура и политика получают освещение тогда, когда Финляндия оказывается среди них или, скорее, сбоку, как их защитник. Над глубинными истоками размышляли как в Финском клубе интеллигентные господа, так и крепкие хозяева-крестьяне, основанная на инстинкте мудрость которых, так же, как и вера, была далека от наивности. Хотя автор, очевидно, не был верую-

щим, набожность в романе представляет собой здоровый и неиспорченный образ жизни, чего никогда не было в Древнем Риме до его упадка. Рабочий класс испытал на себе падение в 1918 г., но теперь он стал лучше. Прежде считалась высшим принципом любовь к собственному классу, теперь говорили о стране. Тем самым, в основе своей признавалось повеление христианской любви к ближнему своему, как размышлял представитель среднего поколения судья Вуори.

Любовь к ближнему своему не распространялась, однако, на русских, и, таким образом, было понятно, что они представляют противодействующую силу, т. е. само зло, и сами по себе они даже не люди. Чего хотели русские от Финляндии? «Земли, земли», — считал дед-крестьянин. «Отнять у крестьян землю, а их самих сделать на общих работах рабами, которые не владеют даже своими могилами. Господ убивают, из церкви делают танцплощадки, где мочатся на святые дары. Леса губятся и продаются, поля истощаются от хищнической эксплуатации и начинают зарастать лесом. Божье слово нельзя ни провозглашать, ни читать, десять заповедей соблюдать не требуется, девушки все становятся блудницами. Не потребуется много лет такого дьявольского правления, чтобы Финляндское государство стало влачить жалкое существование, став гнездом нищеты и мерзости». Большевизм сам по себе учение ненависти, и поэтому его следует ненавидеть так, как благочестивый человек должен ненавидеть дьявола. Впрочем, ненависть — плохое чувство, которое «пожирает человека». Коммунизм также является проклятием молодых девушек, ведь в Советском Союзе так установлено, что каждая девушка, которой исполнилось шестнадцать лет, должна была забеременеть. Природа якобы требовала этого, и товарищи коммунисты охотно помогали в этом деле, т. к. не несли за это никакой ответственности.

Само по себе могло казаться непостижимым, как это порядочный финский рабочий впал в большевизм. Это могло быть объяснено только финской добродетелью, финской порядочностью, заставившей принять русские хитрые заверения целиком. Человек, во всяком случае, может быть уничтожен духовно. Это делала большевистская пропаганда, которая может отравить характер так, что тот будет не способен приносить ничего доброго. Тогда было совершено преступление против души и собственности, которое было неискупимо, преступление против Духа Святого, которое не может быть оплачено по принципу «глаз за глаз, зуб за зуб». Большевизм стремился уничтожить западную европейскую

культуру, но это была единственная существующая культура. Если бы ее уничтожили, не осталось бы ничего, размышлял старый канцелярии советник.

«Еврейский» марксизм упоминается в книге как понятие, но в целом значение евреев в современной жизни остается очень неопределенным и на заднем плане. Германия и Советский Союз с перспективы 1939 г. представляли парой негодяев, которые в сотрудничестве уничтожили Польшу. В окончательное зло, исходящее от Германии, однако, почти никто не верил, уровень ее цивилизации, бесспорно, превышал уровень цивилизации Советского Союза и большевизма. Надменное отношение Германии к Финляндии следует понимать исходя из того, как плохо Финляндия в 1930-е гг. относилась к национал-социализму. Германия далека от совершенства, но она все-таки страна цивилизованного народа. Во время войны с ней человек не должен опасаться того, что будет убит в собственной постели.

Русским было предназначено быть противниками всей доброты и высоких ценностей. Это касалось также самых обычных русских людей. Они были «не чисты». Русский хлеб начал вызывать рвоту у выздоравливающего от коммунизма рабочего. Он был кислым и вонял дегтем, он напоминал о грязных руках и черных ногтях «рюсся», которые до погружения их в тесто ковыряли бог знает что. Подобную пакость следовало выбрасывать и считать слишком плохой даже для крыс. Кто-то даже сказал, что в России живут не настоящие люди, а черти, которые квакают как лягушки и мечут икру. Это икрOMETание можно было видеть и в Хельсинки в 1917 г.

Война вспыхнула, как известно, и Финляндия оказала стойкое сопротивление нападению. Этот факт, бесспорно, был удивительным и в то время единственным в своем роде. Почему не сдались? «Непостижимый миропорядок требовал, чтобы молодежь Финляндии пожертвовала свою жизнь за свободу своей родины и своего народа. Если этого не сделать, умирали бы, однако, гораздо дольше и более ужасным образом...» Весь народ Финляндии мог быть уничтожен. Русские, определенно, намеревались переселить весь народ сразу после победы, «единственная защита была только в юношах, их вере и доблести». Дед-крестьянин подозревал, что начавшаяся война была исполнением приговора, который Всевышним был возложен на «рюсся». Народ Финляндии, несмотря на свою малочисленность, был инициатором. Он даже сформулировал выраженную в заголовке книги мысль, что финны «являются новым избранным народом, задача которого — опрокинуть повозку рюсся».

На фронт против финнов трусила бурая, грязная, обутая в валенки, рогатая, обезумевшая от страха орда. Каждый шел на смерть с рычанием животного. «Нет, это не настоящий народ, это не люди, это бесы», — размышлял фронтовик Антти, недавно еще бывший коммунистом.

Стоимиллионные российские массы оказались в том же самом положении, что и до Петра Великого. Интеллигенция почти исчезла. Газеты приводили очевидные факты жестокости неприятеля. Большевизм, пожалуй, был настоящей болезнью, но почему она так сильно поразила народ России? Ответ на вопрос таился в природе народа. Известный «широкий характер» русских был признаком детской незрелости. «Сейчас русский был сама доброта, но тут же проявлял безграничное зло, коварство и жестокость». Это объяснялось тем, что нравственный костяк русского остался студенистым, не отвердевшим. В нем не было «той моральной силы, которой человек управляет собой, своими поступками и своей жизнью».

Но в России есть все-таки (или была) и культура. Старый канцелярии советник в свое время читал «Преступление и наказание» Достоевского и перечитывает его теперь заново. В сновидении Раскольникова из Азии распространяется на весь мир трихинеллез, который превращает людей во всем мире в помешанных, убивающих друг друга. Очевидно, именно большевизм представляет собой восходящий к персидско-еврейским корням хилязм. В пророчестве Достоевского также задачей самых малых мира сего, «чистых» и «избранных» было задушить эту чуму. Речь явно шла о финнах. Разве «потрясающий пример» борьбы финнов не пробудит заблудших? Народ Финляндии сам по себе не был свободен от многих грехов, и среди его представителей даже во время войны находились неприятные типы. Несмотря на это, идея избранного народа явно воодушевляла и писателя, а не только старого хозяина, в уста которого она была вложена.

Известно, чем завершилась война. Она потребовала жертв — павшими и инвалидами, но что-то великое осталось жить. Будущее заключало в себе обещание великого. Исходя из перспектив 1939–1940 гг., это, без сомнения, представлялось неправдоподобным. Вероятно, это начало чувствоваться также из перспективы 1944 г., когда роман Райло поступил в продажу. В послевоенном мире такое было невозможно. Грубая ксенофобия была неуместна, политически демонизированный в книге победоносный большевизм не потерпел бы таких истолкований — в послевоенном мире они тоже во многом потеряли свою убедительность.

Едва ли, однако, основной акцент книги делался на иступленной русофобии. Скорее она была своего рода современным взглядом представителя финской интеллигенции на чистилище Зимней войны. Ее необычайно эмоциональный заряд объясняется собственным прошлым автора. Призраки замка ужасов оказывались настоящими и преследовали писателя. Возможное предательство фронта Зимней войны угрожало ему еще более реальным, совершенно конкретным уничтожением. В конце концов, восточная граница сохранилась. Финляндия претерпела ампутацию, но ее интеллигенция спаслась и, может быть, спасла свою душу. Это война в корне поменяла отношения между социальными классами. Рабочий класс освободился от стигмы пособника русских, которую он получил в 1917–1918 гг.

Русофобия и классовая ненависть: модные идеи одного времени

Ненависть и ее острая форма, гнев, пожалуй, относятся к генетически важнейшим человеческим чувствам наряду с половым влечением и любовью. Без сомнения, они — те побуждающие силы, которые направляют развитие вида и свойственны любому виду животных. Борьба предполагает агрессию, ненависть есть то эмоциональное состояние, которое предполагает борьбу, хотя, понятно, с точки зрения достижения главной цели она может довести до крайностей. Слепленный гневом Арес ринулся в борьбу с хладнокровно-расчетливой Афиной Палладой. Именно Арес символизирует ненависть, Афина — изворотливость, стратегию, предполагающие первостепенную значимость рассудка. Аристотелевская умеренность в эмоциях, пожалуй, гарантирует успех. Но в мудрости, разработке стратегии не следует ли также оставаться умеренным? Если уловки утрачивают свою практическую значимость, они не осуществляются, т. к. им недостает необходимого веса. Победа в сражениях всегда представляла особый интерес для человека, как ради сохранения вида, так и ради собственного успеха.

Однако со временем ненависть стала интересовать мыслителей и исследователей. По мнению Аристотеля, дело заключалось в желании уничтожать, говоря современным языком, устранять угрозу. Ныне ненависть — фобия — кажется, вызывает скорее юридический интерес, однако, ее причины и формы достойны исследова-

ния, т. к., несмотря на противозаконность, ее значение отнюдь не уменьшилось.

Гнев, ненависть, кажется, скорее, подразумевают активную фазу фобии, которая вообще связана с травмой, извне нанесенным ударом. Проявленная в это время необузданная ненависть во всем считается непристойной, включая высокую культуру и так называемую молодежную культуру. Католическая церковь причисляет ее к одному из смертных грехов, а святой Августин считал ее непобежденным изначальным грехом, который можно найти и у малого дитяти.

Предполагается, что в цивилизованном обществе человек сдерживает как половое влечение, так и ненависть, по крайней мере, воздерживается от их явного проявления, хотя и первое, и вторую целиком подавить невозможно. В буддизме к этому стремятся, но уже на основании роста численности населения можно сделать вывод, что результаты нельзя считать существенными.

Буддийская идея об уничтожении изначальных инстинктов человека в качестве идеала, разумеется, очень радикальна, а у радикальных идей есть свойство превращаться в свою противоположность. Принадлежавший в Финляндии к поклонникам буддизма известный Юрьё Каллинен¹ охотно ссылался на индусскую идею, согласно которой вся природа суть единое, и ее практическое истолкование, согласно которому люди жестко разделены на касты, которым нельзя даже соприкоснуться друг с другом. Это можно считать образцом того, как чрезмерность извращает хорошую идею, превращаясь в ее противоположность. Этому уже учил Аристотель. Вероятно, было бы неплохо, если бы пристроившиеся на фалдах «зеленого» движения адепты всяких «измов» — от сторонников строгого вегетарианства до феминисток — смогли бы сдержанно поразмышлять, где проходит та граница, которая отделяет умеренность от неумеренности, а величественное от смешного.

Криминализация фобии — примечательный и важный знак времени. Заслуживает большого внимания то, что фобия как мотив в современной западной культуре стала основанием для ужесточения наказания. Как право способно оценить эмоциональное состояние человека или даже его чувства? Сам акт разве не является тем единственным фактом, который устанавливается законом в отношениях между людьми? Входят ли представления из духовной жизни

¹Юрьё Хенрик Каллинен (1886–1976) — финский социал-демократ, политик, увлекался дзен-буддизмом.

человека в сферу уголовного закона? Осуществляется ли пророчество Оруэлла? Проведение особых «дней любви» начинает считаться воплощением доброго принципа? Или предполагается, что чистый запрет приведет к переменам и в реальном мире?

Для понимания вопроса необходимо, пожалуй, напомнить, что еще совсем недавно подогреванию ненависти отводилась важная роль. В ее политическую значимость и пригодность использования верили основательно, и когда ее однажды сочли полезной, логичным стало и прославление ее. В настоящее время все хорошо испытанное преподносится высоко, и сомнительные утверждения принимаются за правду только потому, что считаются служащими благим целям.

Политические доктрины, которые доказывали, что антагонизм и борьба имеют огромное значение для достижения исторического прогресса, разумеется, делали ненависть средством. Особенно характерной эта идея была для марксистской диалектики, рассматривавшей весь процесс прогресса как результат борьбы противоположностей. Направленная на противника ненависть являлась, согласно этой идее, направленной на свою собственную сторону и отражающей ее принципы любовью. Ненависть была оборотной стороной любви и необходимой компенсацией. Эту основную мысль усвоили и вне марксизма. Логически ненависть можно было истолковать как любовь также на основе манихейства, без настоящей диалектики: ненависть к злу неизбежно являлась направленной на добро любовью, т. к. все мироздание резко разделено на зло и добро. Кто не помнит, как «пылающий куст» Академического Карельского общества Элиас Симойоки¹ эмоционально писал после восстания в Карелии: «Ненависть и любовь! Смерть рюсся, какого бы цвета они не были. Именем пролитой нашими праотцами крови, смерть разрушителям и губителям наших домов, наших близких и нашей родины... пусть сегодня призывный зов святой любви и ненависти пронесется на родине племени Куллерво, любимой родине». В мире человека, получившего духовное образование, земное и небесное воинство смешались, и на плечи земного противника, русских, была возложена роль врага неба, т. е. Сатаны. Явно нехристианским было делить людей на нации козлиц и овец, но церковь и ее слуги всегда умели действовать в духе времени.

¹ Лаури Элиас Симойоки (1899–1940) — один из основателей АКС, пастор прихода Киурувеси, депутат эдускунты (парламента) от Патриотического народного движения, председатель праворадикальной молодежной организации «Сине-черные» (1933–1936).

Это действительно было духом времени и нормальной отправной точкой в политике начала 1900-х гг. У этого явления, разумеется, была религиозная предыстория, восходящая к раннему христианству, но примеры для сравнения можно найти и в более поздние времена. Духовные упражнения Игнатия Лойолы были направлены на создание требуемых эмоциональных состояний в размышлениях о борьбе с укоренившейся ересью. В кругах католической церкви греху и земным грешникам и их политическим системам ненависти временами отводилась большая роль, протестанты были не лучше. У протестантов, правда, верили в непостижимую умом мудрость Всевышнего, так что, в принципе не было невозможным то, что Он смилостивится над оказавшимися вне общины еретиками. Из великих религий ислам всегда был наиболее последовательным и четким в вопросе ненависти, часто повторяющиеся в нем слова о милости и милосердии в самом учении не получили своего покровя. В этом отношении он не очень далек от своего предшественника и основного источника — иудаизма.

Более точно, неинтеллектуально проповедь ненависти превратилась в требование относиться к человеку по тем категориям, которые они представляли. То, что человек как индивид был добр, не помогало: его следовало ненавидеть, если он принадлежал к ненавидимому народу. Элмо Э. Кайла, основной проповедник ненависти в АКС и брат русофила и «московского магистра» Тойво Т. Кайла, представлял дело следующим образом: «...пусть какой-то рюсся и достоин восхищения и любви — он все-таки рюсся и рано или поздно зверь вылезет из-под глянцевого и гладкого шкуры. Так как благодаря крови своей и в силу этой крови никто не отделается от сущностных свойств своей расы!» Кайла также указывал на то, насколько финская интеллигенция заблуждалась в своем восторге от русской литературы: «И потом, русская литература, о которой так много говорили — Толстой, Достоевский и другие — ничего не создает, но все разрушающее, рвущее, ломающее разум — от истинно русских!» Основной проблемой «рюсся», по мнению Кайла и многих других финнов, после событий 1917–1918 гг., было «отсутствие чувства ответственности». Согласно радикальному толкованию Кайла, без этого чувства «человек и не человек вовсе, а животное».

Следуя логике Кайла, следовало бы воскликнуть: «Святая ненависть — евангелие спасения и жизни!» Мысль сводилась к тому, что ненависть способна изменить мир, она придаст силу, когда возникнет угроза нападения с мерзкого Востока. В соответствии

с этой логикой, свойственной и германским нацистам, всякие истории о восточном соседе хороши, если они усиливают ненависть. Если кому-то доводилось читать прагматические философские сочинения американцев или итальянцев, он мог бы добавить, что эти истории имели практическое применение, т. к. действенность была единственным возможным критерием истины.

Проповедь ненависти со стороны АКС была вовсе не их собственным изобретением, но товаром своего времени. Она четко показала родство с другой современной проповедью политической ненависти, т. е. с коммунизмом, и ее первоначальная форма может быть найдена в нем. Описанная историком Яри Эрнроотом «архаичная ненависть», которую сеяли и возбуждали в Финляндии старые социал-демократы, вела свое происхождение прямо от основателей «научного социализма». Уже у Маркса и Энгельса классовой ненависти придавалась огромная прогрессивная роль, и Ленин построил многое в своем учении именно на этом человеческом чувстве, которое каждый угнетенный и оскорбленный способен впитывать в себя. В центре ленинской проповеди освобождения было подавление прежних привилегированных классов. Только после того, как каждый бедняк сможет увидеть, что прежние богачи и господа оттеснены в низы общества и вынуждены жить в нужде, только тогда он действительно уверует в особую природу новой власти. Тем самым Ленин предложил большевикам везде соперничать за тех, кто способен придумывать наиболее эффективные и показательные способы действий, которыми можно было бы терроризировать и уничтожать прежние господствующие классы. В «Красной коннице» Исаака Бабеля некий человек придумал, как пытать своих противников долгое время, чтобы те не могли слишком легко отделаться. В демонстрации зверства и ненависти стороны в гражданской войне в России достигли небывалых высот, о чем читатель может получить представление при знакомстве с историей периода революции по тем документам, которые опубликованы в известной книге Орланда Фиджеса. Ненависть как элемент политического прогресса и как *desideratum* была канонизирована в Советском Союзе в 1930-е гг., между прочим, благодаря Максиму Горькому. Периодом ее расцвета были в советской культуре 1930–1940-е гг. Это вполне понятно на фоне чрезмерного кровопролития, пришедшегося на это время. Следует отметить, что помимо одобрения и придания ценности ненависти как эмоции особо указывалось на ее политическую целесообразность. Для пролетариата она стала странным подарком, который фея прогресса приготовила для него.

Однако ненависть — это естественное чувство для всех тех, кто испытывает угрозу или обиду. Ее лавина, обрушившаяся в «белой» Финляндии даже на «лучшую сторону» общества, определенно была вызвана теми угрозой и унижением, которые в 1917 г. и после привели к гражданской войне. Вооруженное восстание финского пролетариата против «лучшей части» своего народа по примеру русских и с их помощью вызвало психологический шок, который не следует банализировать ссылкой на относительно небольшое количество жертв в сравнении с масштабами репрессий. Также значение русских в событиях нельзя исчислять количеством солдат на фронте. Угроза и гнев — ключевые слова.

Ненависть и страх — близкие родственники. Вместо ворчания маленькая собака может реагировать заискиванием перед тем, кто создает очень большую угрозу, и бросается, когда тот поворачивается спиной. Стратегия, в целом, действенная. После 1918 г. такая реакция на восточного соседа в Финляндии была невозможна. Психологически Россия и все русское стали означать противоположность тому, что считалось поддерживающим организованное общество. Право, законность, правда, нравственность были для господствующих классов народа не относительными понятиями, о которых можно рассуждать, а абсолютными истинами. Народ продолжали раздирать противоречия, которые не признавались, как говорил Ральф Дарендорф. Поэтому, упорядочивание было почти невозможно. Единодушие периода Зимней войны на этом фоне было едва ли не чудом. Совершенно удивительным оно было потому, что со стороны восточного соседа из этой войны попытались сделать победоносный вариант 1918 г., о чем свидетельствовало заявление Финляндской компартии в самом начале войны. Разумеется, Маннергейм, со своей стороны также прямо отдал приказ, в котором обращался к той же самой теме. Былая ненависть теперь, однако, не вспыхнула, но родилась новая.

В Советском Союзе нашла свой приют нелегальная компартия Финляндии, которая не скрывала своего стремления создать советскую Финляндию. Она была основана в Москве в 1918 г. и в Финляндии действовала подпольно. Ее агенты выполняли в Финляндии разные задачи, вплоть до военного шпионажа и подготовки саботажа, которые без каких-либо затруднений можно было назвать предательскими. Это движение получало подпитку в ненависти и желании мести, имевших широкую и реальную основу в событиях 1918 г. Отто Вилле Куусинен, коварный *аппаратчик*, от которого «во время Большого террора» 1930-х гг. партийные товарищи

не получили просимой помощи, теоретизировал в вульгарном духе времени о прогрессивном значении ненависти и приходил к ожидаемому результату, что ненависть была двух видов: прогрессивной и реакционной. Первая была классовой ненавистью пролетариата, способствовавшей прогрессу и порождавшей массовый героизм, вторая была соответствующим явлением с реакционной стороны, ее можно было лишь презирать. В духе Максима Горького Куусинен подчеркивал позитивную ценность ненависти. Это, между прочим, присутствовало в литературных текстах, так что их позиции могли считать правильными. Недостаточное количество ненависти могло сделать тексты политически некорректными. С марксистской точки зрения, вывод, разумеется, был вполне логичным. Духа Нагорной проповеди с ее гуманизмом, понятно, ожидать не следовало, т. к. все должно было быть взвешено в соответствии с тем, кому это было полезно, а ложно направленная любовь было на благо реакции. Прогресс рождался только в борьбе, и эту борьбу питала ненависть.

В опубликованной в 1961 г. книге «Наше великое столетие» Куусинен типично описывал дело: «Таким образом, глубокая человеческая любовь — это поле исторической борьбы, находящейся в неразрывной связи с классовой революционной ненавистью угнетенных. Совершенно неверно полагать, что всякая ненависть одного и того же качества. Это не так. Ненависть имеет два качества, низкое и возвышенное. Низкая ненависть коренится в эгоизме, алчности и желании угнетать. Это реакционная ненависть, принижающая ценность человека. Возвышенная ненависть основывается на традиции свободы и общего счастья угнетенных и эксплуатируемых классов. Она порождает массовый героизм. Она — могучая сила исторического прогресса. Эти мысли выкристаллизовались у меня тогда, летом 1919 года, в одном-единственном предложении: *Святая ненависть — это святая любовь*».

Зная о присущих народному характеру финнов негативности и злопамятности, о которых свидетельствуют столь многие классические описания и исследования, можно понять, что у ФКП было очень благодатное поле деятельности, чтобы вызвать у финнов ненависть к угнетателям.

Все-таки в 1939 г. политическая расстановка сил быстро сменилась после неожиданной «помолвки» Гитлера и Сталина, когда Финляндии конкретно угрожало нападение. Разумеется, угроза и порожденный ею гнев повлияли гораздо сильнее, чем давние ненависть и неприязнь, которые по разным причинам явно испытывали

к себе разные слои населения. Предлагавшаяся АКС в качестве национального спасения «ненависть к рюсся», пожалуй, по своему значению, в конце концов, оказалась вторичной и скорее связанной с литературными играми тонкого слоя интеллигенции. Элмо Э. Кайла, который выступал в роли разъездного проповедника ненависти к «рюсся», в 1920-е гг. был довольно сильно разочарован тем приемом, который он получал на местах. Старое поколение относилось к этой идее АКС также скептически и не принимало ее, нередко ее морально осуждали. Другое дело, что представления о характере создаваемой большевизмом угрозы вызывали реальные опасения. Есть причина еще раз подчеркнуть, что Советский Союз в 1939 г. был единственным государством, которое, как было известно, прибегало к массовому террору. Известно было и то, что все финское там преследовалось, и бежавшие в эту страну финские рабочие оказались жертвами этого террора, хотя о его масштабах точными сведениями не располагали. Насколько известно по сводкам НКВД, осенью 1939 г., когда из городов было эвакуировано гражданское население, рабочие нередко считали страх буржуазии чрезмерным и испытывали ненужное раздражение. Когда бомбардировщики начали сбрасывать бомбы на детей и расстреливать из пулеметов незащитных гражданских людей, был открыт путь к гневу и упорному нежеланию подчиниться. Заискивание перед этой бескомпромиссной угрозой было психологически невозможным. Заключение Москвой с Куусиненом договор показывал, что речь идет о том, чтобы получить все или ничего.

На угрозу и вмешательство реагировали гневом, что было нормальным. Напротив, та ненависть, которую изображал в своем романе «Избранный народ и земля обетованная» Эйно Райло, сфальшивила. В ней было что-то излишне искусственное, наставительное и политически корректное. Она напоминала некоторые сочинения в жанре социалистического реализма.

Фронтовики обижались, если их войну описывали высокопарными, пошлыми или пустыми стереотипами. Рюсся у Эйно Райло, так же, как и его герои-рабочие, вели свое происхождение из его фантазии. Насколько можно представить значение ненависти в современных текстах, описывавших Зимнюю войну, она оставалась на самом заднем плане. Прежде всего, противник — это опасность, устрашающая реальность. Враги у Райло — отвратительные низшие люди, но в действительности он их едва ли даже видел.

На противника во многих сочинениях этого времени направлена бессильная ярость, видно раздражение от этого настолько

бессмысленного и неоправданного нападения. В этих описаниях редко встречается мнение, что «ненавидимый» народ из-за враждебности каким-то образом коллективно считается неполноценным. Можно сказать, что принцип Райло, подчеркивающий лишь его известный художественный вкус, — «происходит так, как было написано».

Вызвали ли войны у народов обоюдную ненависть? Несомненно, войны воспринимались и воспринимаются всеми нациями как травма, вызывающая гнев. Попрание жизни, собственности, прав доставляет горечь, которая требует разрядки. Но когда угроза устранена, устраняется и основа для ненависти. Желание мести является явно возможным фактором угрозы также в отношениях наций и, со своей стороны, разжигает угрозу и обиду. Стабилизация международных отношений и устранение угрозы влечет, однако, исчезновение ненависти. Обиды можно простить или забыть. Ныне, когда со времени тех событий сменилось уже два поколения, также пришло время просить извинений. Парадоксально, но это наиболее часто делают люди, которые не несут никакой личной ответственности за сами дела.

Та ненависть к «рюсся», которая связана с историей первых десятилетий независимости и остатки которой сохранялись до 1960-х гг., уже явно стала далекой историей. Эта ненависть была порождением известного социального заказа и с разных сторон активно использовалась. Если после войны произошла смена поколений, а в нашей стране все еще иногда говорится о царящей ненависти к «рюсся», то речь идет об образном обороте речи или же говорящий не понимает используемого термина. Ненависть, в том смысле, какой вкладывался в это понятие в 1921–1922 гг. во время народного восстания в Карелии, в 1918 г. или во время войн 1939–1945 гг., была, несомненно, агрессивной, ею отвечали на угрозу. Из ненависти стремились создать основу для объединяющей финнов националистической веры. Как способ управления прошлым, она была в свое время модным образом мышления, у которого было за восточной границей почти точное, зеркальное соответствие. Ненависть была грубым поведением в грубое время. Она, разумеется, была естественной, но получила постыдные формы и стала мерзостью, как и все естественные проявления, которые стремятся туда, где в цивилизованном обществе им места нет. Возвышение ненависти до добродетели и ее беззастенчивое подогревание по обе стороны границы были составной частью разлагающего периода болезни. Это было время, когда стремились заискивать перед огромными массами людей, чтобы увлечь их примитивными нуждами и страстями.

Защитники российской западной границы, или Как поменялись роли

Как известно, Александр Солженицын, театрально возвратившись в Россию, рекомендовал удерживать культурные границы России на западном направлении, чтобы больная Россия получила время выздороветь. Он утверждал, что под забором с Запада просачивается жижа.

Александр Исаевич не был единственным, кто верил, что российскому народу посчастливилось в тяжелые времена социализма сохранить свою душу чистой. Кое-кто из славянофилов считал весь социализм удивительным предохранительным творением Создателя, спасшим русских от западного разложения. В этой вере в сохранение особых свойств русского в целом находят свое обоснование те многочисленные представления, в которых на плечи России набрасывается мантия спасительницы мира.

Все же реальному социализму удалось охранить русских от современного искусства и продажного секса. Дикость изображали, но, исходя из патриотизма и политической корректности, ею в целом не восторгались. Фрейдизм считался в основе своей ложным учением, его влияние отнюдь не наложило своей печати на государственную культуру и индустрию развлечений, как на Западе. Эта индустрия развлечений едва ли даже существовала.

Как заявляла одна русская женщина во времена перестройки в одной из редких в то время международных телевизионных программ, в Советском Союзе не было «вашего капиталистического секса». Она попала в самую точку. Позже ее часто высмеивали и утверждали, будто она сказала, что в России секса не было вообще. Она не была настолько глупа. Действительно, в России отсутствовал рынок продажного секса, как в капиталистическом мире. Да, люди там, несмотря на это, в сексе понимали, что хорошо известно любому побывавшему в то время в стране.

Но, в конце концов, было ли это угрожающей с Запада опасностью, на пути которой Александр Исаевич хотел воздвигнуть стену? Речь явно шла не только о сексе, но об общей безнравственности, склонности цивилизации потребления измерять все деньгами, культивировании человеческих пороков и их показе, том безбожии, которое видит в человеке только животное. А именно, Солженицын говорил, что человеку не следует загрязнять свою бессмертную душу тем мусором, который производит западная индустрия развлечений. Человек, по его мнению, высшее существо

и знание об этом нужно сохранять, так же, как и соответствующий ему образ жизни. Это, конечно, находилось в резком противоречии с культурой потребления, которая накатывалась на Россию и ставила новых славянофилов и критиков цивилизации в положение ответчиков. Их, по-видимому, было немало и их слово явно имело притягательную силу, но требовало большой веры, поскольку предполагало, что есть возможность возвращения к предшественнице культуры потребления, в которой мораль еще занимала центральное место.

Если мы сравним российскую ситуацию в момент падения коммунизма с ситуацией в Финляндии в 1917 г., мы сможем отметить параллели. В обоих случаях защитная стена рухнула, и в стране возобладали гедонистический, кощунствующий и карнавальный образ жизни, который подрывал основы культуры. Стремление к кратким наслаждениям, «животная» безответственность и карнавальное, демонстративное растаптывание высших ценностей в обоих случаях накладывало свою печать на новую культуру в стране. В обоих случаях опасность видели пришедшей извне, но обольстившей собственный народ. Таким образом, у каждого глубоко в душе имелась возможность стать соблазненным, своего рода впасть в смертный грех, от которого освобожденный Варавва обещал избавиться.

В Финляндии в известных кругах после 1918 г. паролем стало «против рюся и черта». Острые контратаки было направлено против иностранных элементов, хотя хорошо знали, что здесь замешаны внутренние силы, даже в массовом масштабе. Грех был в сердце каждого финна, и отпор «черту» предназначался именно этим элементам. Если бы «рюся» оставили в стороне, с чертом могли бы справиться.

Спустя семьдесят лет ситуация в России была во многом очень похожей. Народ, который воспитывался на героизме, жертвенности и добре, теперь оказался объектом нравственного нападения, сокрушившего многих. Козлом отпущения, разумеется, никакому народу быть не годится, и его греховные склонности суть соблазн извне. В этом случае этот соблазн пришел из Америки и ее еврейской идеологии. Мимоходом следует упомянуть, что хорошо известно, что еврейство в свое время даже считали стоящим за большевистской революцией. В Финляндии это же ассоциировалось с русскими, вовсе не с еврейством.

Охранники западной границы в России, пожалуй, никогда не были серьезно озабочены Финляндией. Она была второстепенным

и маловероятным направлением нападения также и идеологически. Скорее, у нее имелись качества буферного государства до тех пор, пока, к обоюдному счастью, она оставалась вне тесной связи с империей. С точки зрения Финляндии, ее граница с Россией, напротив, всегда была судьбоносной проблемой. Настоящая взаимность, таким образом, не предполагалась, силы были слишком несоизмеримы.

Во всяком случае, можно кратко сказать, что значение нашей общей «китайской стены» стало таковым: это была культурная граница, поддержание которой с обеих сторон временами считалось важным. Она также после революции в России рассматривалась скорее как граница морали и аморальности, чем как религиозная граница. Правда, в свое время она была именно границей веры и безбожия. Это подчеркивалось в годы войны. После крушения коммунизма граница между Востоком и Западом, с точки зрения России, создала схожую угрозу фарватера безнравственности, какую испытала на себе Финляндия после 1917 г. Только они поменялись местами. Коммунистический режим, вопреки финским предположениям, держал за нашей восточной границей грех в строгости. Еще в послевоенные десятилетия Россия была оторвана от западной потребительской культурной революции. Финский крестьянский пуританизм, со своей стороны, выветрился и уступил место американской массовой культуре. По мнению российских патриотов, с Запада России грозит та же самая опасность, которая в 1917 г. западной стороной воспринималась как восточная угроза.

Нотный кризис, добродетель и ватник

Известно, что к старости великий основоположник финского национализма Захрис Топелиус начал верить в избранность финского народа. Это представление позже в среде нашего религиозного народа редким не было. Кто-то выразил это так: «Бог так много заботился о финском народе, что не мог позволить уничтожить его». Мысль об избранности народа была очень широко распространена в военные годы. По инициативе Герды Рюти¹ летом 1944 г. на радио начали ежедневно читать изречения, в которых роль Бога как защитника слабых занимала центральное место.

¹ Герда Пуала Рюти (урожд. Серлахиус) (1886–1984) — супруга президента Финляндии Ристо Рюти.

У избранного народа был, однако, свой бич, и филистимлянами для финнов были русские. В России рабочие еще в 1960-е гг. обычно надевали при работах на воздухе ватники (*toppatakkit*). Ватник носили также и в ГУЛАГе, довольно грубый, но вполне удобный, по крайней мере, соотношение цены и качества было полное. Если к нему добавить ушанку и валенки, то внешний образ рядового представителя несчастного русского народа был завершен. Русский ватник мог символизировать Советский Союз и более широко. В Савонлинне, как и во многих других местностях, рабочие резко делились на две части, в зависимости от того, как относились к Советскому Союзу. Так, народные демократы, т. е. поддерживающие коммунистов, построенный Народный дом называли обычно *Toppala*, и после краха Советского Союза это стало его официальным названием. Ватник был необычным предметом одежды. Когда группа освобожденных финских военнопленных в 1954 г. вернулась из Советского Союза, то в заголовок в *Helsingin Sanomat* были вынесены слова о «ватниковом отряде».

В начале 1960-х гг. ватник как символ восточного соседа вошел в мою жизнь в связи с другим. Мой учитель закона Божьего был довольно суровым и измученным грехом человеком, который в какой-то период своей жизни уступил дьяволу, оставил жену и женился на секретарше. До этого он, однако, определенно с успехом вел оборонительные бои и, пожалуй, достигал красивых побед. Во всяком случае, дело половой этики было необычайно близко его сердцу. Мы, школьники, получили опыт ее, когда в одном школьном конvente случился скандал. Одни бесенок погасил в зале свет, что привело к так называемому лапанью, хотя в темноте никто, разумеется, ничего не видел. Дело дошло также и до ушей учителя закона Божьего, и он догадался, что там были и девочки, которые в то же время ходили в конфирмационную школу. Дело взволновало учителя до такой степени, что помимо возмущения слезы негодования полились из его глаз, и он приказал всему классу молиться за спасение душ этих девочек. Размеры греха он определил словами: «...если пришел бы брат русский и дал вам ватники». Платой за грех была смерть.

Логика была примерно такова, что Финляндия была свободна от власти дьявола благодаря своей праведности. Если бы грех одержал верх, Бог покинул бы избранный народ или, по крайней мере, наказал бы его при посредстве русских. Схожее провозглашал в те времена также так называемый Оулуский пророк. Нотный кризис

1961 г.¹ делал все эти заявления серьезными. Зловещая символика ватника в те времена только набирала силу. Лишь через несколько лет мы смогли свободно вздохнуть, когда ватник стал для нас модным предметом одежды. Но он, правда, был иным, чем те *ватники*, которые можно было видеть у московских дворников еще в 1969 г.

Время тоже было иным. Конец 1960-х гг. духовно принадлежал другому миру, чем первые годы этого десятилетия. Где-то в середине десятилетия прозвучал тот низкий и глубокий гул, который Мика Валтари относит к смене времен, как это было, например, при крушении Восточной Римской империи. Дух 1960-х гг. был духом культурной революции, и он обновил взгляд финнов на Россию.

Неверно прочитанная история Зимней войны, или Как Финляндия потеряла Восточную Карелию

Зимняя война — важнейший узловой пункт истории Финляндии. Она была тем святым опытом, который в течение десятилетий служил последним аргументом, использовавшимся для объяснения почти всего другого в финляндской истории. Зимняя война показала всем, что народ Финляндии ценит свою свободу и независимость. Она сделала пустыми все планы сломить нацию силой и продиктовать ей новую и лживую историю. Могли и могут утверждать, что Зимняя война на самом деле была продолжением 1918 г. и его вторым актом, как об этом говорил в самом начале войны Маннергейм. Это все-таки была освободительная война, и сделанное в самом начале Зимней войны ФКП заявление ясно указывало, что в обоих случаях речь шла о нападении большевистской России на Финляндию. В 1918 г. сил было недостаточно, в конце 1939 г. ФКП сочла, что их достаточно, но вопреки всем расчетам она ошиблась.

Зимняя война потребовала, можно сказать с уверенностью, меньше жертв, чем потребовало бы прекращение Финляндией борьбы и добровольное подчинение новой власти. «Комитеты народного фронта» уже использовались в «классовой борьбе» в Финляндии в тех местах, которые были оккупированы Красной армией,

¹ Имеются в виду события 1961 г., когда в переданной финской стороне советской ноте напоминалось о необходимости проведения военно-политических консультаций, предусмотренных договором о дружбе, содружестве и взаимопомощи от 6 апреля 1948 г.

и где осталось население. В случае оккупации всей страны были бы уничтожены десятки тысяч. Представителей потенциальной и действительной оппозиции сгноили бы в Сибири вместе с семьями. И в этом случае речь шла бы не о наказании за что-либо, а о превентивной мере, как это делалось, например в Польше, в которой были уничтожены десятки тысяч. Тем же были бы обусловлены аресты тысяч людей и их казни. Концлагерь в Осташкове, в котором было уничтожено свыше 6000 польских военнопленных, был уже подготовлен для финнов. Как-никак, речь шла о контингенте в 25 000 человек. В этих красивых местах природы, на берегу озера Селигер, проводят сейчас ежегодно свой лагерь так называемые «Наши». Здесь и один финский доцент прочитал лекцию об «антифашистской» деятельности против современных финских буржуев.

Очевидно, что, например, шюцкоровские и активистские круги не приняли бы власти новых комитетов. В этом случае партизанская война и террор приобрели бы особенно большие масштабы. Использование заложников и групповые казни собрали бы богатый урожай. За редким исключением не попавшие в Осташков видные представители общества по инициативе новой власти были бы угнетены, как последыши, и жизнь их родственников была бы тяжела. Возможности роста в новом обществе были бы задавлены.

Но общество не осталось бы без вождей. Человеческий материал, который можно было бы обобщенно назвать бобриковцами, быстро бы нашелся. Крошечная ФКП была бы только его частью. Социал-демократы и всякого рода колеблющиеся леваки оказались бы во главе ликвидационных списков. В кругах интеллигенции, возможно, нашлись бы некоторые доценты и литераторы, леволлиберальные литературные типы, которые были бы очарованы патетическими постановками и преувеличенной риторикой «Страны Советов». Так произошло в Прибалтике. Отношения между людьми были бы полностью отравлены благодаря системе доносительства и энтузиазму всякого рода «классовоборческой» деятельности. Личная неприязнь стала бы важным социальным фактором.

Как бы там ни было, Зимняя война была для Финляндии несчастьем, но оказаться в конце 1930-х гг. или в начале 1940-х гг. под властью сталинского руководства было бы подлинной национальной и человеческой катастрофой. Как показал позднейший пример прибалтийских стран, Финляндия спаслась от многого, став препятствием на пути прихода к власти коммунистов. Это, опять же, стало возможным потому, что Финляндия оказала решительное сопро-

тивление вооруженной агрессии, объектом которой она оказалась. Борьба с самого начала была безнадежной, т. к. у противника явно были большие, чем у кого-либо в мире, включая Соединенные Штаты, вооруженные силы. Но этого в Финляндии не осознавали.

Чудом избежали поражения и оккупации, когда Советский Союз внезапно согласился на мир с буржуазным правительством Финляндии, т. е. в очередной раз признал его законным правительством Финляндии. Когда прежде часто подчеркивалось, что советская власть первой признала независимость Финляндского государства, не забывали добавить, что признания давались и позже. Так, только в 1918 г. это делалось дважды. Повторное было сделано после того, как был разбит признанный советским правительством финляндский Совет народных уполномоченных и когда при посредничестве немцев в августе 1918 г. приступили к переговорам о мирном договоре в Берлине. Весной 1940 г., когда советское правительство согласилось вести переговоры «с так называемым правительством Рюти-Таннера», речь уже шла о третьем признании законным правительства Финляндии.

Зимняя война (имеется в виду вооруженное сопротивление) была, таким образом, спасением для Финляндии — потому, что ее военный исход остался достигнутым только наполовину, и обе стороны согласились на мир. В Финляндии много злоупотребляли темой о том, почему Финляндия согласилась на мир, не приняв помощи союзников. Тогда оставался в тени главный вопрос, почему Сталин согласился на мир. Для него мир был действительно за высоким порогом. Советское руководство вложило в Зимнюю войну так много своего авторитета, что вся его убедительность была брошена на весы, т. к. пришлось бы отказываться от пропагандистской постановки пьесы о финляндской революции и оказании помощи правительству Куусинена. Но на это пошли. Мир был заключен с тем правительством Финляндии, которое еще недавно упоминалось только в кавычках и клеймилось как утратившая поддержку кучка авантюристов, подстрекающая бандитов против собственного народа и помогающей ему Красной армии.

Финны всегда считали условия «московского мира» тяжелыми. Для современников они были просто ужасными, и слова Молотова о том, что они якобы создали хорошую основу для будущих добрососедских отношений, для финских ушей звучали издевательством. Но с точки зрения Советского Союза, очевидно, было невозможно удовлетвориться меньшим. Молотов обосновывал громадность требований тем, что «не по вине Советского Союза»

было пролито много крови. Это само по себе было грубой ложью. Финны прекрасно знали, кто был агрессором, поэтому и звучали в песне слова: «Нет, Молотов, нет, Молотов, врешь больше, чем сам Бобриков!»

Но Молотов был прав в том, что все произошло совершенно иначе, чем хотело и планировало советское руководство. Советские историки — которых еще и ныне можно найти в России — часто подчеркивали, что Зимней войны можно было избежать. Таким образом, та война не была необходимой. Молотов и Сталин явно были того же мнения, они не ожидали войны, по крайней мере, той войны, которая вырвала из списка живых почти 150 000 красноармейцев. Такое кровопускание не могло замять и тоталитарное правительство. Советскому народу следовало дать какую-то компенсацию, и таковой была наша нынешняя восточная граница, граница Петра Великого. Рассекреченные в российских архивах сводки о настроениях населения показывают, что непропорциональность приобретенного и затрат вызывала в Советском Союзе ошеломление. Но Кремль согласился на этот мир, и он был заключен, определенно, с горечью в душе.

Когда мы читаем историю Зимней войны, мы в целом отмечаем, что Финляндия утратила Карелию, но сохранила самостоятельность, заплатив за нее высокую цену. В целом считается, что Советский Союз хотел присоединить всю Финляндию, но получил только ее часть.

Определенно, Советский Союз решил взять под свой контроль вход в Финский залив, чтобы не сделать его театром военных действий. Решил ли он также присоединить к себе Финляндию, это другой вопрос. Вполне возможно, из Финляндии на первых порах сделали бы что-то вроде «народной демократии» рядом с Советским Союзом, вроде Внешней Монголии. Ведь прибалтийские страны не были первоначально присоединены к Советскому Союзу, они «присоединились» к нему в более поздний период; неясно, было ли это решено уже во время пакта Молотова-Риббентропа или решение было принято позже. Во всяком случае, когда Финляндия не согласилась предоставить базы, после короткого давления было решено добиться этого военным путем и совершенно особым способом.

Когда по договору между Молотовым и правительством Куусинена у Финляндии забрали на юге территории на Карельском перешейке вплоть до Койвисто, а также получили в аренду за хорошую компенсацию Ханко, за это дали в Восточной Карелии

царский подарок. Речь уже шла не о двукратной компенсации территории Реполы и Пораярви, предлагавшейся еще на переговорах. Теперь заявлялось, что к Финляндии будут присоединены населенные преимущественно карелами территории Восточной Карелии, которые в силу кровного родства находились в единстве с Финляндией. Тем самым осуществлялась вековая мечта двух родственных народов — финского и карельского. Осуществление этой мечты провозглашалось не только справедливым — что, впрочем, с советской стороны было забыто во время войны-продолжения — но было закреплено государственным договором, который должен был быть по возможности скоро ратифицирован в Хельсинки. Речь, таким образом, шла о создании Великой Финляндии, и это было именно самостоятельное и независимое государство.

Дар был ранее неслыханным в хрониках, что также подчеркивал и Советский Союз. Ни одно капиталистическое государство такого не сделало бы, и поэтому якобы было абсурдно утверждать, что Советский Союз ведет войну против Финляндии. Согласно этой логике, народ Финляндии всегда радовался огромному дару соседа, и только оказавшиеся без поддержки белые бандиты обстреливали красноармейцев.

Но Великий Дар вызывал сомнения, если за него не требовалось большого ответного подарка. Для финнов это было лучшим аргументом за то, чтобы сражаться. Но вступив в борьбу, Финляндия утратила как Карелию, так и Восточную Карелию, которую она получила бы без борьбы. Правда, в этой Великой Финляндии у каждого человека не было бы права «прямо стоять или пасть». Там застрелили бы в затылок, и это знали.

За что сражались в Зимней войне?

То, что финны оказали сопротивление в ходе Зимней войны, разумеется, известный всем факт истории, этим никого не поразишь. Но теперь история такова и кто угодно знает или считает, что знает, дела лучше, чем современники. В России в кругах новых сталинистов Зимнюю войну называют в целом «ненужной войной». Москве нужна была только пара баз, она даже не требовала границы Петра Великого, на которую после войны и больших затрат согласились финны. Некоторые авторы просто умилительно описывают то, насколько трагичным было то, что недалководная внешняя политика, руководимая, в частности, министром иностранных

дел Элясом Эркко, вызвала войну по совершенно незначительной причине.

Почему финны решились на вооруженное сопротивление мощной военной силе? Известно, что в финских кругах в межвоенный период имели место мысли о собственной исключительной особенности. Это поддерживали спортивные успехи, дававшие право говорить о Финляндии как о «великом спортивном государстве». С одной стороны, финны не принадлежали к арийской, а к «восточно-балтийской расе», с которыми наши собственные любители вообще связывали свой народ, и не могли гордиться таким всемирно-историческим значением, наличие которого у своей «расы» доказывали склонные к фантазиям расовые теоретики в Центральной Европе. С другой стороны, постановка себя выше русских была возможна в той области, в которой это позволяла обычная фабула. «Рюссяфобские» правые радикалы основывали свои представления о величии, например, на событиях 1918 г., значение которых как величайшей победы, достигнутой над русскими, неизмеримо преувеличивалось. Художественная литература, прежде всего, всем известный фенрик Стооль, так же, как «Рассказы фельдшера» Топелиуса, подпирала образ исключительно отважного и талантливого в военном отношении народа, на стороне которого, кроме того, был сам Бог.

Соотношение сил в Зимней войне было таково, что только особо сильная вера в Божье покровительство, обостренная вера в особость финнов и негодность противника могли оправдывать веру в окончательную победу. Как известно, таковая проявилась в определенный период, даже на самом высоком политическом уровне. Однако Зимняя война была с финской стороны прежде всего упорным нежеланием подчиниться, несокрушимым чувством справедливости, а также борьбой, окрашенной желанием отомстить. Мысль о смерти как жертве во имя справедливости и правды была во время войны очень сильна. Вероятно, напрасно говорить, что сражения Зимней войны уходили очень глубоко в ценности общества периода предмодерна. Очевидно, прямое влияние веры следует считать очень большим, хотя оно и не распространялось на всех.

Мика Валтари написал еще во время войны маленький роман «Антеро уже не вернется». Его действие заканчивается в феврале, когда исход войны еще не ясен. Писатель в то время служил в информационном центре Государственного совета, но, по мнению исследовавшего произведения Валтари вообще и в частности, это

произведение Пану Раяла, речь не идет о заказной работе. Валтари писал его для себя и вдохновленный своим народом.

Героиня книги, молодая супруга уже в названии книги приговоренного умереть Антеро и мать их общего ребенка вначале приходит в ужас от мысли, что нужно умирать за какое-то дело: «Нет никакого такого дела, за которое следовало бы умирать. Я хочу жить, я желаю жить ради тебя и ради моего ребенка. Но нет никакого такого дела, ради которого следовало бы умереть».

Когда Антеро погиб, Анникки горестно размышляет: «Мир протягивает нам только милости, чтобы успокоить свою совесть. Они не понимают, что мы сражались за будущее всего мира против величайшей лжи человечества».

Однако горечь ведет не к безнадежности, а к упрямству: «Пусть так, мы не станем беспокоить их совесть. Когда падут наши последние мужи, и пушки износятся, и снаряды закончатся, и Финляндия будет в безнадежном положении, тогда я охотнее подожгу свой дом и застрелю себя, чем пойду выпрашивать подачки у совести мира. Очень мало они увидят финских беженцев, если случится худшее. Мы не станем их беспокоить, мы живем и умрем в своей стране».

Анникки, однако, помнит, что она же мать. Она устыдилась своей слабости, снова поверила: «Финляндия никогда не будет угнетенной! Сам Бог на нашей стороне, и души героев восстанут из своих могил, чтобы сражаться на нашем фронте. Поэтому каждый из нас должен сделать что-то сверхчеловеческое». «Со сверкающими глазами, глазами, наполненными слезами горечи, она верила и знала: придет весна, наша весна, великая весна Финляндии». Это настроение в конце книги и датируется февралем, когда новости с фронта становились зловещими.

Как женщина Анникки была по призванию защитницей жизни, которой следует заботиться о ребенке. Что касается Антеро, то он не испытывает никаких сомнений в своей роли. «Каждый, вплоть до бедного земледельца и радикального рабочего, понимал, что подчинение требованиям Советского Союза означало бы уничтожение народа Финляндии как нации. Этот же восторженный жертвенный дух наполнял каждую душу, в огромном национальном потоке личность была уже только маленькой частичкой». На фронте Антеро знал, что он достоин той жизни, которая была ему дана именно сейчас.

Мать Антеро говорила в своем письме о Боге, но о нем не говорят в блиндаже. Но каждый, кто разобрался с войной, будет

еще выяснять свое отношение ко многим делам, в том числе и к вере. Теперь дело было слишком трудным, но в вопросах веры не богохульствовали. «Они сражались против пятидесятикратно превосходящих сил, и согласно человеческому разуму и реально-политическим расчетам их борьба была безнадежна. Но они сражались за свободу, и это было то, что выходило за пределы человеческого ума и всех расчетов. Они сражались за свободу против насилия, за западную цивилизацию, против варварства, невежества и лжи. В этой борьбе его дух и его жизнь были очень маленьким вкладом».

Как гласил заголовок, Антеро пришлось принести в жертву свою жизнь за свободу и правду. Можно считать, что это было не напрасно, хотя вклад и был маленьким и хотя мир не восстал против насилия и несправедливости. С точки зрения реальной политики, заранее обреченные жертвы борьбы были бы напрасными. В дискурсе Валтари такого не было и не могло быть. Мотивом борьбы также не было выраженное в «Фиванской песне» В.А. Коскенниemi стремление к воинской славе, к чести ради чести:

...Вперед, мужи, дорогами смерти
завистливые столетия смотрят на вас.

Война была, скорее, жертвой, которую приносили ради подлинных, вечных ценностей, ради справедливости и правды. «Великая весна Финляндии» была в действительности весной вынужденного мира с Москвой. Жизней десятков тысяч убитых или искалеченных молодых людей оказалось недостаточно, чтобы спасти Карелию, сотни тысяч вынуждены были покинуть свои дома, утратить хозяйство и все имущество. Коллективное горе, плач всего народа встречал эвакуированных в «обрубке Финляндии», но их никогда не называли беженцами. Ведь их действительно эвакуировали, если не по собственной свободной воле, так все же из осознания того, что это необходимо сделать. Правительство Куусинена с охотой приняло бы к себе всех их в свой малочисленный круг подданных.

Атмосфера мирного договора отразилась на всем ранее невиданным взрывом горя. Очевидно, это было срывом: несправедливость победила, несмотря на жертвы. Была ли жертва напрасной? Мыслью о войне как жертве, как холокосте, которую вела за Финляндию ее лучшая молодежь, проникнуты многие другие сочинения о Зимней войне, не только маленький роман Валтари. Но справедливо ли оплачены жертвы? Почему должна платить за них собственная страна?

Ответ представляется в определенном смысле очевидным: жертвы были необходимы для сохранения свободы в борьбе против зла. Уже современники были способны понять, что капитуляция без борьбы не уберегла бы от жертв. Спустя какое-то время это мнение кажется вполне пригодным. Финляндия после Зимней войны была изуродована и обрезана, ей грозил голод, экономически она была слаба. Но в некотором существенном значении это была все та же Финляндия, что и до войны: «великая ложь человечества» не была способна распространить на нее свою власть.

Положение Финляндии как бастиона западной цивилизации снова получило свое подтверждение. В.А. Коскенниemi с гордостью констатировал:

...чего в Финляндии потребовала свобода страны
по очереди заплатит и отец, и сын.

Незаменимость жертв, нравственная величественность всего этого зимнего холокоста подняла Зимнюю войну до метафизических высот: те молодые люди отдали свои жизни, чтобы могли жить другие. Разумеется, жертвы были принесены ради великого дела, и это дело было нравственно чистым. Речь шла, таким образом, не только исключительно об акте насилия, в котором погибли невинные. Лживая власть несла, разумеется, все вину и была за нее в ответе. В жертве, однако, победило не зло, а прежде всего доблесть.

«Северные эллины», которые в классическом историческом образе противостояли малой силой варварскому и несправедливому Востоку, занимали уже естественное место в героической борьбе Запада, так что без сомнений можно подписаться под словами поэта:

Военные орды могучей Азии
Разбила богатырей Эллады мощь,
Мы берем на себя ту же опасность и честь,
Мы, свободы Севера стражи!

Соперничество за лучшую книгу о Зимней войне в 1940 г., т. е. сразу же, выиграл небольшой роман Вильо Сарайя «Искушенная земля». То, какая работа объявляется авторитетным советом лучшей, всегда диктуется временем. Какая картина борьбы тогда была сочтена заслуживающей награды?

Уже название книги — пафосное по своему характеру. Однако этот пафос не агрессивный или хвастливый, а христианский

по своему духу. Его можно было бы даже считать квазихристианским, т. к. он возвышает усопших финских героев до своего рода роли Христа. Книга заканчивается смертью одного из главных героев и словами: «Он искупил землю». Для читателя более позднего времени потребность в искуплении непонятна. Страна ведь была страной финнов. Она, бесспорно, была их собственностью, искупления не требовалось. Однако оказалось, что сосед желает несправедливо, силой забрать ее. Он хочет уничтожить свободу. Сохранение свободы, опять же, возможно только принесением в жертву молоху войны людей. Те, со своей стороны, странным образом готовы к этому. На фронт отправляются прямо-таки с радостью. Возможность гибели не считается важной, «если осененные крестом частицы нашего праха выкупят свободу этой страны». На фронте мужчин венчают «неувядаемые лавры мужества».

Ясная цель войны — свобода, ее выкуп. Мысли о напрасности борьбы не возникает, хотя знают о «пятидесятикратном» превосходстве сил противника. Сами сражения описываются довольно прямолинейно, как фабрика убийства, на которой, правда, искусство врага быстро совершенствуется, но на которой он не способен стать действительно превосходящей угрозой. Убийство ужасает, смерть одного врага может также уничтожить всю его семью. Но у обеих сторон есть задача, и вражеского солдата тоже нельзя винить за это.

Особенностью книги Сарая можно, пожалуй, считать созданный в ней образ финна. А именно — финн очень самодоволен и приходит просто в восторг от восхваления своего народа. Любовь к свободе — наследие поколений. Это признак аристократичности, которым есть основание гордиться. «Матери воспитывали нас аристократичными, гордыми, немногословными, молчаливыми, думающими юношами. А суровое общество отца усовершенствовало нас. Поэтому мы как горы, из которых можно добыть то золото, которое они в себе таят. От батрака до президента мы гордые аристократы».

Очевидно, что довольно высокопарный слог книги бил по нерву времени. Она повествовала также о создании национального единства, примирении в отношении 1918 г. «Так как каждый миг приближал нас действительно к настоящей родине. Мы не так долго искали березу и звезду, теперь мы нашли их. Мы достигли родины. Не только родины, но самих себя. Золото очищено. Шлак отброшен. И мы знаем, что если мы могли бы, то построили бы для своих детей новую, настоящую родину».

Таким образом, книга давала понять, что очищение от фальши, искупление старых грехов произошло. Остается не высказанным, кто должен был это сделать. Возможно, возникла потребность признать, что виновны были обе стороны, как это становится очевидным даже из книги Эйно Райло «Избранный народ и земля обетованная». Виновность смывается чистой жертвой. Только мимоходом в завуалированных выражениях некоторые книги о Зимней войне дают прямо картину того, что возможность жертвовать собой особо приветствовалась и ценилась. Горечь от ненужных жертв едва ли можно где-то найти. Дискурс сталинской «ненужной войны» в этом смысле из совершенно иного мира, чем опыт современников Зимней войны.

Объяснение тому, почему в Зимнюю войну сражались, обнаруживается только в тот момент, когда борьба стала актуальной и была избрана как линия поведения. Историческим фактом является то, что в Финляндии проявили исключительно большую решимость. Ситуация во многих отношениях была исключительной, даже чувствительной. Иная политика со стороны Советского Союза могла бы привести к иным результатам. В этом смысле война не была нужной.

Художественная литература создавалась в основном уже после событий. Возможность мудрости задним числом уменьшает ее доказательную силу. Образ, который получает популярность, доказывает, однако, сам по себе то, какими дела хотели видеть и при этом сохранять тесную связь с опытом времени. Книга Валтари, пожалуй, является исключением, т. к. она явно вышла из-под пера писателя еще до завершения войны. Во всяком случае, весть литературы очевидна: борьба за свободу считалась честью уже сама по себе. Она должна была вестись ради себя. Возможные последствия поражения оставались едва набрисованными. Тексты того времени давали понять, что эти последствия считались хуже смерти. Честь была довольно неожиданным мотивом для крестьянского в основном народа. Она, однако, была на виду, и для понимания этого следует знать, насколько сильное влияние на весь народ Финляндии оказали исторические образы — классические у Рунеберга и романтические у Топелиуса. Вместе они создали тот автопортрет финна, который стал действительностью на спортивных полях, а теперь на полях сражений. Изображение в книге Сараяя финнов, молчаливых крестьянских парней как «аристократов» возвращает прямо к традиции наших великих национальных мужей и свидетельствует об огромном влиянии учителей народных школ на судьбы нации.

В относительно глубоко модернизированном обществе идеалистическое поведение было довольно неожиданным. Им финны вызвали удивление и восхищение в мире. Это, как кажется, в Финляндии было ожидаемым. «Быть маленьким народом великое дело», как афористично выразился Вейо Мери.

Однако все могло пойти иначе. Если бы Москва распорядилась своими талантами лучше и смогла разделить народ Финляндии надвое, свежие раны 1918 г., вероятно, снова бы открылись. Так как агрессор допустил, однако, все возможные ошибки, он утратил и ту малую веру в себя, которая в Финляндии еще была в относительно широких левых кругах. Никто не верил в басни о свободе и независимой Финляндии при Куусинене, хотя та и получила Восточную Карелию. Изображение Красной армии как пришедшей на помощь по приглашению этого правительства и бескорыстной помощницы финляндской революции полностью не соответствовало той действительности, которую все могли видеть вокруг себя. Большая московская басня для финнов ударила прямо в сердце публики. В конце концов, этот всеобщий гнев привел к решению, что альтернативы борьбе нет.

Контрудар империи

В 2010 г. в Петербурге вышла примечательная книга «Зимняя война в документах НКВД». Помимо кратких введения и заключения она содержит сотню страниц докладов об антисоветских кругах Финляндии и отношениях страны с Германией. Помимо этого в книге примерно 150 страниц чисто оперативных, местного характера документов периода войны и два десятка страниц пропагандистских материалов. Части книги никак не связаны между собой. Их объединяет только то, что они «отрыты» из архива «Большого дома», т. е. петербургского ФСБ.

Наиболее интересными представляются рапорты о Финляндии 1930-х гг. Помимо предисловия и заключения они на самом деле являются единственным заслуживающим интереса материалом, т. к. рапорты Ленинградского НКВД рассказывают только о местной рутинной работе и ограничиваются примыкающими к Терийокам территориями. В сравнении с опубликованными в 2009 г. в совместной финско-русской книге адресованными Сталину и Ворошилову рапортами они довольно незначительны и просто убийственно однообразны. Не будет ошибочным

утверждение, что целью издания была именно публикация документов 1930-х гг., чтобы «дать перспективу» возникновению войны. Остальное — дополнение.

Подготовленный в 1934 г. обзор «антисоветских контрреволюционных „племенных“ организаций» начинается прямо с рассказа о том, что ни у кого в данный момент не может быть сомнений, что Финляндия всесторонне готовится к войне против Советского Союза. Надежды, как утверждалось, особенно возлагались на конфликты Японии, а также Германии и Польши со «Страной Советов». Целью был отрыв от соседней страны Восточной Карелии и Ингрии, а максимально — перенесение границ вплоть до Урала... В обзоре перечислялись все подтверждающие эту точку зрения обстоятельства и упоминалось поименно большое количество лиц. Списки имен — центральный элемент обзора, и они, пожалуй, были предназначены для оперативной работы. Большого, чем распределение по спискам, разработчиками обзора сделано не было. Вероятно, те погубленные финские перебежчики и другие переселенцы, которые в 1930-е гг. были казнены в Советском Союзе, оказавшиеся под диктовку следователей объектами обвинения в шпионаже, были осуждены именно с помощью этого компрометирующего материала.

Опубликованный в книге полностью обзор осуществляющейся с территории Финляндии деятельности, направленной против Советского Союза, доводится до 1936 г. Так называемая «Большая ненависть», антифинская операция, проводившаяся в рамках Большого террора, началась в следующем году. «Германская деятельность в Финляндии» представлена в датированном 13 июля 1939 г. докладе, который появился фактически на заре пакта Молотова-Риббентропа.

Приготовление теорий тайных союзов было экспертной сферой центрального аппарата НКВД. Их в марте 1937 г. авторитетно развивал сам Сталин. По мнению генерального секретаря, когда видишь проблемы и катастрофы, то первым делом возникает вопрос: «Нет ли за этим вражеской руки?» На самом деле, опубликованные в этой книге рапорты даже не ставят никаких вопросов, они удовлетворяются перечислением возможно компрометирующих материалов, характер которых становится ясным уже из того, что они исчерпываются этими перечислениями. Об анализе говорить затруднительно, но едва ли они были для этого предназначены. Анализ, разумеется, был делом высшего руководства.

Из характера дела становится ясным, что рапорты предполагают, будто у финнов не было никаких оснований протестовать,

например, против проводившейся в Ингрии и Восточной Карелии политики уничтожения народов. Ссылки на виновность Советского Союза в некоторой степени присутствуют в текстах, но всегда в кавычках, что, пожалуй, было довольно мудрым поступком их авторов с точки зрения собственной безопасности. Свобода прессы и вообще демократические институты, такие как независимая судебная власть, не получали у авторов рапортов никакого понимания. Если желаемые для соседа условия обмена не принимались, виновником было враждебное правительство. Подход авторов рапортов напоминает печально известную методiku «исследования», поскольку события остаются без контекста, а собственное развитие Советского Союза не представляется дающим повод к чему-то иному, кроме укрепления доверительных добрососедских отношений. Следует помнить, что те органы, которые заботились о подготовке рапортов, уничтожили в то же время миллионы людей, в том числе и большую часть высших офицеров, которых обвинили в сотрудничестве с Германией. Головы чекистов в то время тоже сидели на плечах непрочно, и можно понять, почему они даже не пытались говорить правду высшему руководству.

Несмотря на это, вызывает удивление, что Финляндию считали сближающейся с Германией в 1939 г., тогда как у самого Гитлера было совершенно иное представление об этом. Поездки в Германию министров (Таннер, Саловаара, Кекконен, Ханнула) и, кроме того, поездки военных (вплоть до уровня лейтенантов) без колебаний считались доказательствами прогерманской ориентации. Естественно, на удивление красиво отозвавшийся о германской армии известный англофил министр иностранных дел Эркко клеймился как сочувствующий нацистам.

Искавленное зеркало внешней разведки, конечно же, нельзя считать подлинной картиной политики Советского Союза в отношении Финляндии. Так едва ли считало даже высшее руководство, у которого в распоряжении, правда, были и другие материалы.

Это публикаторы понимали, и в предисловии к книге попытались критически проанализировать публикуемые материалы. Результат во многих местах компетентный, но не лишен некоторых серьезных недостатков. Важнейшим из них является то, что они остаются пленниками односторонних источников, и контекст времени учитывается недостаточно. Поразмывляем о возможном визите Литвинова в Финляндию в 1938 г., или переговорах с Ярцевым об обмене территориями, или заключении Договора о помощи и дружбе в то время, как президент Кекконен размышлял о нем

в свое время и который он представлял как альтернативу Зимней войны. Было бы ненормально, если каким-то образом они бы вызвали серьезные демонстрации или протесты, т. к. тысячи финнов в Советском Союзе еще совсем недавно были убиты, а почти двести тысяч говоривших по-фински людей разом лишились всех языковых и национальных прав. Эта сторона дела во вводной статье упоминается только когда речь идет о «карельской и ингерманландской проблемах», которые в то время были особенно болезненными. У не знакомого с темой читателя останется впечатление, что дело касалось их присоединения к Финляндии. «Сближение с Германией», о котором говорилось в рапорте 1939 г., по мнению авторов, не означало влияния нацистской идеологии в Финляндии, но, кажется, они верили, что на государственном уровне такое происходило. Общественное мнение Финляндии именно в то время единодушно сравнивало уничтожившую Чехословакию и подавлявшую прессу Германию с Советским Союзом. Сама мысль о прогерманской ориентации красно-черного правительства (социал-демократы и Аграрный союз) — чистая фантастика. Ошибочно утверждение, что Финляндия не согласилась бы на изменение линии границы на Карельском перешейке. Ключевым вопросом ведь был вопрос об устье Финского залива.

В заключении рассматривается довольно компетентно и с пониманием позиция Финляндии после Зимней войны. Из-за своей агрессии Советский Союз теперь действительно получил потенциально опасного соседа, альтернатив у которого почти не было. Когда Германия осенью 1940 г. наконец-то согласилась стать защитницей Финляндии, проблемы выбора не было. Нужно только представить себе реакцию народа на возможную промосковскую ориентацию. Начало войны-продолжения, однако, представлено в этой работе несколько удивительно. В ней утверждается, что вечернее заседание эдускунты (парламента) 25 июня 1941 г. «имело большое значение для дальнейшего хода событий». Действительно, эдускунта констатировала, что страна находится в состоянии войны. Но в книге обходится стороной тот факт, что это заседание было созвано непосредственно после нанесения Советским Союзом массированного воздушного налета, который, конечно, имел решающее значение. На данный момент стоит обратить внимание, т. к. не знакомый с темой читатель не поймет его без контекста. Такой способ представлять дела может завести намного дальше в искажении истории, что ныне в России запрещено законом, поскольку наносит вред интересам страны.

Уместно спросить, представляют ли эти грубые методы упомянутые интересы.

Как бы там ни было, распространяемая тиражом в 2000 экземпляров книга предлагает много примеров такого некритичного истолкования истории, в котором Зимняя война понимается как рациональная, если не необходимая политика советского руководства. Это достойно сожаления, т. к. авторы явно способны на лучшее. Вводная и заключительная статьи свидетельствуют о начитанности, даже написание финских имен в целом правильное, правда, иное, чем в документах.

Как пикантную деталь стоит упомянуть, что в обзоре 1936 г. используется термин «освободительная война», когда речь идет о событиях 1918 г.

Информация и мнения в национальной памяти

Говорят, что историю можно понять только смотря в сторону минувшего, но, к сожалению, люди обречены это делать только смотря вперед. Такова жизнь человека, с течением времени дела оценивают исходя из новой перспективы, но при этом те утрачивают свой первоначальный характер. Когда события прошлого в свете новой информации постепенно наполняются иным значением, элементы прежней действительности уничтожаются и уступают место новым. Результатом может оказаться миф, который был бы совсем не ведом жившим в свое время людям. Новая конструкция может быть основана на значительно лучшем знании действительности того времени, о котором идет речь, чем то, которым тогда обладали люди, но если она не способна передать потребителю правильное представление именно о мире человека того времени, она становится вводящей в заблуждение. У современности всегда своя собственная очередность и собственные верования, и они всегда отличаются от тех, которые были в прошлом. Историк должен понимать это очень чутко, чтобы не впасть в заблуждения.

Хорошим примером созданной историей конструкции является холокост. Вторая мировая война сейчас почти всегда изучается исключительно с такой перспективы, в которой холокост занимает особо значимое место. Вопросы о победах и поражениях Гитлера рассматриваются во все большей степени через призму холокоста, и эта перспектива постоянно распространяется и на время до прихода Гитлера к власти.

В этом, разумеется, нет ничего неправильного. Холокост по своим меркам — такая серия исторических событий, которая заслуживает того, чтобы быть в центре изучения Второй мировой войны. Хотя он как история является «конструкцией», я не видел ни одного самого закоснелого постмодерниста, утверждающего, что холокост «только» чистая конструкция среди всех других возможных. Конечно же, он не был фантазией.

Однако проблема состоит в том, что от нас требуется забыть, что «холокост» как таковой, каким мы его знаем, не являлся действительностью Второй мировой войны. Масштабы и систематичность уничтожения евреев не были открытием, сделанным внезапно только союзниками. Это было неожиданным также для многих немцев, а в целом и для всего мира. В нынешнее время стало обычаем относиться с иронией к мысли, что немцы не знали о случившемся с евреями. Однако также было бы серьезным заблуждением утверждать, что они знали о холокосте. О холокосте, в гораздо большей степени, чем о сталинском терроре, в тот момент событий никто не знал в том виде, в каком мы сейчас знаем.

Что-то, разумеется, знали. Насилие, которое осуществляют террористические режимы, последние далеко не всегда даже стремятся скрывать, но действительные чудовищные свидетельства в Советском Союзе были, например, получены только когда немцы начали изучать массовые захоронения. В Германии также истина открылась тогда только, когда концентрационные лагеря и лагеря уничтожения оказались в руках союзников. До распространения этих последних и неоспоримых доказательств имела масса истинных, но также и неверных сведений, и это все понимали. В условиях тотальной войны пропаганда велась беззастенчиво, у критически мыслящего обывателя не было никаких оснований верить распространяемой противниками информации как соответствующей действительности. Холокост, как позже выяснилось, превзошел все, что могли бы живописать пропагандисты союзников. Хотя о нем и знали и о нем рассказывали, разобраться в информации, поступающей со стороны противника, было крайне сложной задачей. Во Франции размышляли над отношением Свободной Франции и движения сопротивления к холокосту. В газете *Le Débat* об этом писал Жан-Луи Кремье-Брийак, участвовавший в событиях на стороне Свободной Франции. Сообщенное им можно свести к тому, что о происходившем получали информацию, но «невероятному не верили». Свободная Франция поддерживала евреев и представила в Лондоне документы о преследованиях. Шум в мире

постарались вызвать, но никаких результатов это не имело. Совершенно очевидно, что противники Германии сомневались. Только в завершающий период войны «невероятному» пришлось верить, хотя многие немцы, которых заставили посмотреть об этом документальные фильмы, все еще сомневаются.

Может оказаться с точки зрения нынешнего времени важным то, что когда-то знали? Полагаю, что да. Вопрос о «знании» и предположении во многих случаях, пожалуй, является существенно важным обстоятельством, определяющим то, как следует относиться к событиям прошлого.

Передачи военнопленных немцам, о которых в последнее время в Финляндии говорилось, являются подходящим примером событий, моральная оценка которых невозможна, если нельзя достоверно выяснить, чем они были обусловлены. Выяснение дел требует весьма обстоятельной и кропотливой работы в каждом отдельном случае и вовсе не обязательно, что проблема имеет свое решение. Никаких наблюдений общего плана в таких конкретных случаях недостаточно для вынесения оценки и морального приговора.

Но что тогда на общем уровне знали об отношении немцев — и финнов — к военнопленным? По крайней мере, в Финляндии разоблачение брутальности хваставшихся «цивилизованностью» корректных немцев было неожиданностью. Как явствует из дневников периода войны-продолжения Паасикиви, для старого государственного деятеля было шоком услышать, что нацисты в Норвегии пытали «заслуживающих уважения граждан, профессоров», подвергнув их порке кожаными ремнями. Так как информация представлялась достоверной, то Паасикиви был вынужден признать, что между большевиками и нацистами в действительности принципиальной разницы нет, хотя преступления последних, разумеется, по масштабам были менее значительны. Согласно исследованию настроений, производимому ставкой, только учиненное немцами в Лапландии заставило финских фронтовиков считать, что бывшие собратью по оружию не были «культурным народом», но были прямо сравнимы с большевиками. Это же пытались еще до войны сказать газеты, но, пожалуй, сказывалось кокетничанье с необычайной германской культурой.

В начале войны-продолжения, в 1941 г., немцы не были, однако, в публичной информации уличены в особо плохом, хотя во время кампании в Польше имели место жестокие злодеяния. Обвинения в воздушных бомбардировках не произвели, например, особого впечатления в Финляндии, в которой о них имелся свой

опыт и даже у стороны, заявлявшей о своей принадлежности к так называемым демократическим силам. Связанные с политикой уничтожения народа преступления фактически, однако, уже набирали скорость. Операция «Барбаросса» была начата под знаком преступной войны-уничтожения, о чем свидетельствовал так называемый приказ о комиссарах. Жертвами массового уничтожения оказались также те миллионы русских военнопленных, которые в самом начале войны попали в руки к немцам и которых не могли содержать — явно и не пытались, большевик, как сформулировал Гитлер в приказе о комиссарах, не был «товарищем» для немца и таковым бы не стал. Таким образом, борьба должна была вестись «с невиданной ранее непозволительной жестокостью».

В Финляндии обращением немцев с военнопленными в июле 1941 г. интересовался инспектор лагерей, который хотел услышать, как немцы обходятся с военнопленными, т. к. дело, как можно было предполагать, у них было поставлено как надо. Немецкий военный чиновник Рёссинг заверял, что дела в Германии в этой области действительно находятся в образцовом порядке. Так, например, питание пленных осуществлялось в соответствии с тем, откуда они были родом: поляки получали ржаной хлеб, а французы белый хлеб. Французам предлагалось также к еде вино, к которому они привыкли, и каждый пленный получал плату за сделанную работу, которая зависела от уровня дохода на родине. На пленных распространялись также общие законы о гарантиях от несчастного случая, и нормы пайка были приблизительно такими же, как у гражданских лиц.

Такой пример организации немцы, следовательно, предлагали в качестве образца финнам, «раз ведется общая война». О приказе о комиссарах, невиданной жестокости и ликвидации евреев не говорилось ни словечка. Можем ли мы предположить, что об этом, однако, знали и догадывались, хотя и не считали нужным особо говорить?

Полагаю, что исследователи, которые считают передачи военнопленных немцам этически неправильными или даже преступными, должны доказать, что было известно о том, что военнопленные окажутся объектами нарушения международного права. Согласно нашим современным знаниям, это иногда имело место, но вовсе не всегда. Вероятно также, что, по крайней мере, некоторые финны знали «что-то», например, о приказе о комиссарах и даже об отношении к евреям. Следовало бы только знать, что, в конце концов, знали — и что предполагали. Невероятно

жестокие — и подчас неосуществимые — приказы отдавал как главнокомандующий также и Сталин, требуя, между прочим, уничтожить каждого немца на советской земле. Он категорически запретил также оставлять немцам хотя бы килограмм зерна или литр нефти. Дома должны были быть сожжены, скот — забит. По его мнению, не было военнопленных красноармейцев, были только изменники. Хотя практика и теория — два разных дела, западным союзникам следовало бы, например, знать, что означала выдача Сталину солдат так называемой армии Власова. С уверенностью можно сказать, что это не снимает с финских чиновников ответственность за собственные действия.

Когда исследователи выяснят, что происходило с переданными от одной страны другой группами военнопленных во время Второй мировой войны — а их общая численность достигает миллионов — мы будем, во всяком случае, знать, что представляла себе соответствующая сторона, отправляя этих людей, и на каком основании она так поступала. Окончательная ответственность за нарушение права и акты насилия, разумеется, всегда лежит на той стороне, которая в этом виновата.

Следует с удовлетворением приветствовать тот факт, что государственная власть Финляндии поняла важность вопроса и профинансировала исследовательский проект о военнопленных. Остается только надеяться, что в России скоро придут к такой же открытости.

VI

Когда Запад пришел на Восток

Флагеллантизм культуры

Флагелланты, или самобичеватели входят в образ европейского города мрачных времен. Божественный гнев пытались умиливать, наказывая самих себя, в надежде смягчить ниспосланную на них кару небес, получить прощение.

Самобичевание культуры в целом воспринимается как ее упадок. Когда общество утрачивает веру в самое себя и начинает просить извинения вместо того, чтобы уверовать в собственную миссию, то время его прошло. Если оно не верит в себя, тогда невероятно, что другие верят. Вакуум должен быть заполнен чем-то новым, умирающая культура должна быть замещена более жизнеспособным вариантом.

Внезапное крушение миссии с неизбежностью вызывает уныние тех, кто вложил слишком много в то, что оказалось утратившим ценность. Прожитая жизнь в новом свете может показаться ложью, которая не дала того, что обещала, и не оправдала принесенных жертв.

Драматическим примером крушения идеологии является крах коммунизма в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Экспансивная и самонадеянная идеология, которая в течение более полувека в доказательстве правоты своего учения была святее папы римского, в середине 1980-х гг. предприняла реформы, которые с необычайной

скоростью привели к революции. Самые первые застенчивые признания того, что что-то делалось ошибочно, уже были сенсацией. За пару лет перешли к языку, который выбил почву из-под убедительности идеологии. Когда начали говорить о «демократизации», при этом признавали, что вся официальная сказка о несравненной демократичности системы была ложью. От этого был только один шаг, чтобы западные страны, непригодность которых была аксиомой, стали образцом, достижение которого было еще делом далекого будущего.

Крушение коммунистической идеологии оставило за собой дымящиеся руины, уничтоженные жизни и материальную нищету. Глубокая пропасть в уровне жизни мира переместилась на восточную границу Финляндии. Так обстояли дела несколько лет в 1990-х гг.

Духовно Россия сбросила общую моральную слабость и уныние. Преступность и алкоголизм достигали огромных масштабов. Уродливые популистские и фашистские движения приобрели немало сторонников. Опасались веймарского эффекта, когда произойдет радикализация утратившего свои сбережения и идеалы среднего класса и к власти будет приведен новый Гитлер.

Этого не произошло. Россия пережила утрату империи, экономическую катастрофу и духовный тупик спокойно, можно даже сказать, достойно. В политике на националистические линии перешли через несколько лет после краха, в тот период, когда страна была уже управляема и быстро богатела. У этой политики был скорее центристский характер, чем спонтанная поддержка. Очевидно, что она на условиях новой клептократии вносила успокоение в массы скорее, чем серьезная и даже рациональная политическая программа.

Но несомненно, что новый курс подходил к духу времени. Российский флагеллантизм был в 1990-е гг. глубоким и ревностным. В глазах интеллигенции вся история России снова представляла необъяснимой одиссеей, как еще в 1830-е гг. писал об этом Чаадаев.

Осуждение России, сострадательное или презрительное, также было давней традицией интеллигенции. По ее мнению, Россия была изначально неверно сконструированной страной, основанной на угнетении и насилии. Государство должно было поддерживать страх, но интеллигенция презирала тех, кто не осмеливался угрожать *власти*. Последней возможностью была эмиграция. Уже Лермонтов жестко писал о своей родине:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ...

Поэт желал за горами Кавказа освободиться от российских «всевидящих глаз и всеслышащих ушей».

Упоминание о «немытости» России не было критикой ее угнетаемого и несчастного народа, но не было и комплиментом для него. Причиной могло быть самодержавие и крепостное рабство, но в любом случае результатом было то, что в России следовало бы многое изменить, на самом деле — все. Это было ядром гражданской веры интеллигенции всегда и до того, когда это в действительности произошло и сами зачинатели процесса «попали под каток».

Славянофилы, со своей стороны, приветствовали крах коммунизма, но их весть дошла только до немногих и избранных. Среди всеобщей нищеты трудно оценивать период коммунизма иначе как колоссальное заблуждение, которое глупо и безжалостно требовало от народа жертв ради ничем не обоснованных фантазий. Миссию России пытались создать, следуя идее братства и жертвенности, как альтернативе западным индивидуализму и эгоизму. Жертвенность ради пустых идей не убеждает никого, и единственное, что сохраняло ценность в глубинах самобичевания, так это прославленная победа в Великой Отечественной войне, хотя политика Советского Союза в то время могла вызывать дискуссии. Растрачивание человеческих жизней, захватническая политика, сотрудничество с Гитлером, военная и политическая неготовность к войне в разные ее периоды были фактами. Необходимость огромных жертв отнюдь не была очевидна, она не могла быть отнесена только на счет немцев.

Смирение всегда считалось добродетелью русских, даже величайшей добродетелью. В 1990-е гг. для нее нашлось применение. Россию просто смиряли разными способами, в том числе деятельностью приехавших в страну тысяч экспертов, которые рассказывали, как те или иные дела решаются в цивилизованном мире. Аксиоматичной и нормальной поговоркой среди русских было выражение, что в России ничто не может быть сделано правильно. На Западе Россию часто относили в разряд развивающихся стран. Для России собиралась и посылалась помощь. Помощь — такое дело, которое принижает ценность человека больше, чем что-либо другое. Потрясающе, но оказывающий помощь размышляет

одинаково с ее получателем. Так что получивший помощь едва ли когда-то прощает. В Германии сбор был прекращен по просьбе российского посольства.

И времена изменились удивительно быстро. В 1998 г. Россия вынуждена была пойти на огромную девальвацию, когда курс рубля упал в четыре раза. Бедность, которую считали уже миновавшей, снова вернулась. Ельцин был не способен дать народу ничего, кроме нищеты и свободы, последняя на практике едва ли давала большинству народа что-то большее, чем цирковые зрелища в виде политических схваток и чокнутое американское телевидение.

Период Путина был иным. Записанная на счет Ельцина девальвация придала рост российскому производству, а растущие цены на сырье начали быстро возвращать жизнь парализованной экономике. Во время Путина собирали плоды. Российские города наполнились великолепными универмагами, учитывающими потребительские привычки, в стране быстро возник средний класс, который насчитывает десяток миллионов человек. Правда, многочисленные бандиты, которых скромно называли олигархами, присвоили огромную часть национальной собственности и не спешили вкладывать деньги в процветание родины, но деньги все же крутились в России тоже, и во многих случаях благосостояние было явно выше, чем в советские времена, насколько оно измеряется деньгами.

Новые русские, а в данном случае речь идет не только о высшем слое, карикатурное чванство которого в мире почти исключительно в своем роде, а о новом среднем классе, в 2000-е гг. начали возвращать себе самосознание. Представляется очевидным, что это самосознание предполагало во многих случаях демонстративное потребление. Каждый, кто мог, приобретал автомобиль, телевизор, мобильный телефон и компьютер самых новейших моделей. Любое накопление было еще более непопулярным, чем в советское время. Тогда только копили, т. к. покупать было нечего. Демонстративная показуха в сегодняшней России пренебрегает практической пользой. Интересно, что в период коммунизма официальный взгляд был как раз противоположным, и в силу обстоятельств господствующим. В советский период использовалось все, что можно было использовать. Ненужное стремление к изящности было верным признаком мелкобуржуазности — злейшим из идеологических прегрешений, но негативное отношение к ней определялось не только исходящим сверху официальным мнением. Мелкобуржуазность действительно презиралась в кругах

интеллигенции, отчасти по той причине, что это предлагало также оружие, с помощью которого можно было, оставаясь политически корректным, критиковать обеспеченных, т. е. образ жизни номенклатуры.

В силу того, что Советский Союз рухнул, что во многом следует считать осуществленной интеллигенцией революцией, как и революцию 1917 г., скоро для интеллигенции снова настало судьбоносное время.

Активисты перестройки очень часто были архетипичными интеллигентами, непрактичными и идейными людьми, слугами народа с пылкой душой. Когда начало становиться понятным, что процесс может принести хорошие материальные возможности, в него вошли с воодушевлением советские руководители, партийные и комсомольские аппаратчики и силовики. Идейные люди быстро заметили, что «выпали из санок», и вся интеллигенция пришла к моральному краху. Та совершенная с пылом работа, целью которой было выстраданное освобождение народа и уничтожение лжи, принесла в качестве результата обнищание народа и обогащение за его счет некоторых хвастунов. Когда стали искать виновных, таковыми оказались интеллигенты — «демократы». Это, обозначающее власть народа слово, стало в России ругательным, и каждый побывавший в России 1990-х гг. мог прочесть на стенах все новые оскорбления, адресованные «демократам», которых надеялись вздернуть или, как говорят в России, — послать в одно место — куда подальше...

Для несчастной российской интеллигенции, намерения которой были самими лучшими, окончательным итогом, каковой представлялся еще в начале 2000-х гг., была катастрофа. Так что все интеллигенция просто исчезла с полотна. Многие писатели заявляли, что она умерла. В «нормальных» государствах, каковым теперь была Россия, уже не требовалась интеллигенция, которая размышляла бы и страдала за народ. В России были теперь только «интеллектуалы», как на Западе, и им снова было разрешено критиковать все, включая народ. Правда, в России выходят еще так называемые «толстые журналы», в которых интеллигенция время от времени рассуждает и дискутирует. Политическая оппозиция существует, и в некоторых газетах интеллигенты пишут даже еще более неподкупно, чем прежде. Отличие только в том, что их не хотят слушать. Россия 2010-х гг. — еще более мещанская страна, удовлетворенность которой собой ничто не колеблет. Все же интересные критические идеи интеллигенции

никто с воодушевлением не разделяет. Правды нет — таков давний стон русских. «Власть» в России всегда власть, как бы не меняла она свое название. Так можно было бы истолковать то состояние упадка, в котором оказались традиционные критики российского общества. Правда, не следует преувеличивать, ведь власть критикуется и коррупции ужасаются. Однако это уже ни в ком не зажигает идейного пламени. Каждый знает недостатки и каждый знает, что от этого тщетно вставать на дыбы. «Это — Россия», — говорит интеллигент или, следовало бы сказать, интеллектуал. Считается, что он любит свою страну и страдает за нее, но не делает из этого идеологии и не верит, что можно что-то сделать.

В российской культуре имелось сильное средство флагеллантизма еще до революции 1917 г. Эта революция означала, однако, скорое свержение интеллигенции и возникновение новой кичливой государственности.

Советский Союз был официально образцовым обществом, не имеющим себе равных, и инакомыслящие могли существовать там только в подполье. До Второй мировой войны это довольно часто давали понять буквально. Официальный образ Советского Союза поддерживали многочисленные иностранные политические паломники, интеллектуалы, которые были непримиримыми критиками своих собственных стран и бичевали недостатки своей родины, указывая на отсутствие их в Советском Союзе.

Эстафетная палочка флагеллантизма после российской революции вскоре была передана Западу, где существование образцового государства — Советского Союза воодушевляло интеллектуалов и обеспечивало их критическими материалами; они, со своей стороны начали бичевать недостатки буржуазного общества еще с середины XIX в. Советский Союз стал основным пунктом политического паломничества, и его критика в кругах западной интеллигенции была табу, по крайней мере, до перестройки. Один из авторов «Черной книги коммунизма» объяснял появление книги только после крушения коммунизма тем, что французская интеллигенция не оставила бы в покое того, кто осмелился бы опубликовать подобный опус несколькими годами ранее.

Та часть западной интеллигенции, которую исследователь политического паломничества Поль Холландер называет отчужденной интеллигенцией, была очень специфической, критически настроенной группой. Для них была аксиомой низкая оценка собственной родины, и ее стремились доказать, используя для сравнения только абстрактные принципы, что, в целом, являлось

малоубедительным методом, но имело хождение среди высокообразованной части публики. Та, со своей стороны, была способна формировать общественное мнение. Именно из этих кругов ведут свое происхождение как различные модные радикальные взгляды, так и так называемая политическая корrekтность.

Как констатировал в своей пионерской работе Холландер, действительной целью политического паломничества отнюдь не являлось использование его для конструктивной критики и улучшения дел, но для нападения на собственную родину. Родиной венгра по происхождению Холландера являлись Соединенные Штаты, и процветающий там антиамериканизм предлагал ему неиссякаемый объект исследования как за рубежом, так и на родине. Первое издание рассматривающей антиамериканизм огромной книги Холландера было опубликовано в 1990 г., т. е. в тот момент, когда Советский Союз разваливался, но еще существовал, и когда об уничтожении двух башен и об «Аль-Каиде» еще ничего не знали. В последующих изданиях Холландер попытался объяснить, имело ли крушение Советского Союза и вообще реального социализма какое-то воздействие на антиамериканизм в целом и на американское самобичевание в особенности.

Удивительно, но именно влияние заметно и не было. Холландер пришел к тому выводу, что поскольку вопрос касается собственно американского антиамериканизма, особой связи с внешней действительностью не просматривается. Главные факторы другие. Речь, прежде всего, идет о кризисе цели жизни. Социальное отчуждение связано с отрывом личности от семьи, общества, государства. Падение значимости веры является важным побочным фактором, и некоторые процессы социального разложения происходят очень быстро. В 1960-е гг. в Америке только 5 % детей рождались вне брака, тридцать лет спустя количество таковых достигло уже трети, из которых две трети приходилось на афроамериканцев. Распад семьи — только один, но во многих отношениях главный индикатор. Размышлявший над антиамериканизмом Холландер был вынужден прийти к тому выводу, что антиамериканизм сам по себе отнюдь не является необъяснимым. На самом деле, то, что элита государства столь открыто заявляет о деградации страны, само по себе уже является признаком деградации.

Иррациональное антиамериканское самобичевание в Америке, как его называет Холландер, прежде всего, сосредотачивается на различных аспектах проблемы равенства. Точнее говоря, вовсе не на общем критерии равенства, а на глубоком нигилистическом

ценностном релятивизме и прямой поэтизации негодного. Преступники и подобные им становятся примерами для подражания, преступления объясняются обусловленными самим обществом и утверждается, что все несут за них ответственность. В результате преступник становится жертвой. У жертвенности достаточно сфер применения. В действительности, никто не считает себя ответственным за деяния, а считают себя жертвами общества, за исключением становящегося меньшинством гетеросексуального белого населения. Уважение и жалость разделяются в соответствии с принципами эгалитаризма, и особенно уважаемы те личности, которые уже утратили способность различать жертв и виновных и выражают сострадание последним.

В соответствии с утонченным сентиментализмом это касается, однако, случаев, в которых виновные принадлежат к некому, так называемому угнетаемому меньшинству, в которое зачисляются также женщины, хотя они и являются большинством. Коллективная виновность американцев персонифицируется в белой гетеросексуальной массе, которая в отличие от других ответственна за свои деяния.

Напрасно говорить, что рисуемый Холландером сценарий осуществляется и в Финляндии. В нашем обществе пока была только такая небольшая группа, которая с удовлетворением подчеркивает, что она неспособна отвечать за свои деяния. Женщины у нас не особо желают принимать на себя эту роль, хотя она им предлагается. Отряд иммигрантов, однако, растет быстро, а гомосексуалисты, садомазохисты и прочие соответствующие меньшинства уже выбрались на свет. Помимо них наши интеллектуалы всегда могли наказывать мейнстрим финского общества за то, что он неправильно относится к русским. До войн упрек касался того, что обыватель не умел ненавидеть соседа достаточно как заклятого врага, как это тогда предполагало новое и модное учение юных радикалов. Для этого тогда за границей имелась своя параллель — особенно Горький в 1930-е гг. выступал в качестве придворного певца Сталина и проповедовал блаженство и величие непримиримой классовой ненависти.

С 1960-х гг., однако, ветер переменился, и новое поколение молодежи заметило, что предшественники относились к огромному восточному соседу совершенно не так, как следовало бы.

Как интеллигенция сейчас осознала, Финляндия не была жертвой России, но Россия была и будет жертвой Финляндии — сейчас и всегда. Сейчас и всегда. Уже в 1960-е гг. Вильям Васильевич По-

хлебкин своей ура-патриотической книгой «Финляндия как враг и как друг» заслужил большую признательность и едва ли критику. Несмотря на невероятную неправдоподобность этой книги, ее основной идеей было то, как иронически подытожил Осмо Юссила, что у России всегда были дружественные намерения в отношении Финляндии, но непонимание последней выхолостило благородные намерения и привело к трагическим последствиям.

В «тайстоизме» молодых коммунистов 1970-х гг. «понимание» России достигло вершин абсурда, и пропагандируемый Отто Вилле Куусиненом лозунг, согласно которому «безоговорочное» отношение к Советскому Союзу было необходимым качеством каждого истинного коммуниста, цитировался как откровение, им восхищались как величайшим интеллектуальным подвигом. Нетрудно заметить, что ключевым являлось психологически важное требование отказаться от критического мышления. Термин «антифинскость» (как параллель термину «антиамериканизм») в связи с нашим молодежным радикализмом обычно не употреблялся, но фактически речь именно об этом. Флагеллантизм, насмешки над собственной страной и ее историей и нападки на нее — сравнимое с антиамериканизмом явление. Не удивительно, т. к. образец в годы нового левачества — 1960-е — был получен именно оттуда. У нас никто не решился бы тогда сам сжигать военный билет, если бы не было американского образца. Вся абсурдность этого явления поражает еще спустя десятилетия. В Америке сжигание военных билетов было связано с Вьетнамской войной. А наших войск во Вьетнаме не было.

После самых буйных лет флагеллантизм в Финляндии до некоторой степени ослаб, по крайней мере, в отношении истории нашей страны. Наши последние войны, правда, не провозглашаются ныне преступными. То, что имеется *lunatic fringe*, который так поступает, не сказывается на общей ситуации.

Вообще, интеллигенция — не народ. Похоже, что довольно большая группа финнов, правда, уже в основном пенсионеры, считает, что финны всегда были жертвой в общей истории Финляндии и России. У этой группы получают поддержку те, кто выступает за возвращение Карелии, но которая, пожалуй, скоро покинет нас по естественным причинам.

В России у мысли о русском человеке как о великом страдальце — давние и древние традиции. Помимо того, что православная вера отводит страданию центральное место, возводя Пасху в ранг главного церковного праздника, российская интеллигенция также

всегда считалась первой страдальцей за народ, и этот ее моральный долг был императивом для новых поколений интеллигенции.

Антисоветизм понимался в свое время в Советском Союзе как политическое движение, у которого имелась социальная подоплека. В каждой капиталистической стране объективно имелись как просоветские, так и антисоветские силы. Первые были прогрессивными и связанными с поднимающимися трудящимися классами, вторые — реакционными. После крушения Советского Союза антисоветизм нашел свое место в салонах и в самой России. Антикоммунизм мог быть, впрочем, и истинной русофилией. Коммунизм винили именно в уничтожении русского духа и русских традиций. Так, например, делал Станислав Говорухин в своем известном документальном фильме «Так жить нельзя!»

Но крах коммунизма не породил большего общего братства народов, чем коммунизм. Пропасть между народом и властью отнюдь не уменьшилась, но явно стала значительно глубже, т. к. бывший высший класс захватил большую часть национального достояния и сделал ее своей собственностью. У большинства российского народа не было причин для восторга, он страдал.

В качестве причины страдания в России традиционно называлось помимо заключенного в человека зла самодержавие и крепостное право или его остатки. Лишь второстепенное значение имели проповедовавшиеся разными базарными крикунами причины, таившиеся в среде таких меньшинств как евреи или же в тайных мировых союзах, о чем твердили черносотенцы сотню лет тому назад и твердят сейчас их собратья по духу.

В советское время, разумеется, говорилось о завершении мировой истории международного империализма, стоящего на пути советской власти, в силу чего в «Стране Советов» следовало иметь самую большую в мире армию и оказывать помощь всем прогрессивным силам в мире, которые могут быть союзниками в этой гигантской борьбе Гога и Магога. Наличие империализма делает необходимым само государство, этот инструмент насилия. В другом случае оно стало бы отмирать как ненужное, т. к. коммунистический человек смог бы сам управлять собой.

В посткоммунистическое время эти басни уже не имеют широкого хождения. Для правящего класса неприятно, когда ему колют глаза досадными делами, что вообще считается уместным в отношении ответственных политиков в других странах. Иностранных козлов отпущения можно всегда показать, и их находят, например, в лице бывших стран Восточного блока, государств Балтии, а также

США, — все подходят на эту роль. Для них всех сложно подыскать общее наименование, но, кажется, таковое все же прорисовывается. Речь идет о так называемой русофобии, иррациональном страхе и ненависти, которые обращены именно на русское, по какой причине — знает только Создатель. Во всяком случае, российские власти сейчас, кажется, широко эксплуатируют это представление, которое, видимо, во многом замещает прежний антикоммунизм.

Жертвенность, как уже говорилось, в России ценится издавна, и у многих русских есть основания ощущать себя жертвами. Интеллигенты старого поколения, напротив, ощущают себя привилегированными, они были кающимися людьми, желающими оплатить свой долг народу. Такое настроение, как представляется, полностью отсутствует у нынешних российских высших классов общества. Пожалуй, это связано с тем, что каждый из них одинаково испытывал угнетение коммунистического общества и, следовательно, не в ответе за народные страдания.

Но как долго будет сохраняться такая ситуация? Социальное неравенство в России более остро, чем в других развитых западных странах. Рождается поколение, которое способно видеть, что благосостояние высших слоев получено за счет народа, не заработано, а разделение получаемых за счет экспорта национальной собственности средств — неправильно. Как долго добрая совесть высшего или даже нового среднего класса позволит ему щеголять кичливыми тратами перед бедняками? Как долго сами бедняки будут это терпеть? Есть ли у них альтернатива?

Отличает ли национальный характер Россию от Запада?

Связь России и «Европы» сложна. Связь Финляндии и России по своему есть отражение этой связи. Однако Финляндия во многих отношениях представляет особый случай.

Что, в конце концов, представляет собой так часто упоминаемая в этой книге «китайская стена», отделяющая финнов и русских друг от друга? Часто утверждается, что Россия XIX столетия была во многих отношениях более «европейской», чем Финляндия. Именно в Петербурге опережали Финляндию в следовании новейшим европейским течениям, и во всем своем космополитизме метрополия на Неве была более открытой и более развитой, чем провинциальная Финляндия. Однако заключается ли вопрос

только в своего рода обособленности маленького народа, отодвинувшегося в сторону от огромного и пугающего мира? Было ли это девичьей опасливостью, иррациональной и отсталой, хуже того, спесью, которая основывалась на неведении?

Что греха таить, такие качества можно найти в культуре Финляндии времен автономии, по крайней мере, при желании. Схожим было также объяснение российских патриотов, и у них имелось для этого основание. В мире довольно обычно, когда твой враг считает твои добродетели сомнительными. Наше собственное отношение к российской культуре было, однако, зеркальным отражением их отношения к нам. Еще со времен Ивана Грозного на Западе и, в том числе, в Швеции порицали чванство русских, основанное на их незнании западноевропейских реалий.

Различие России и «Европы» объясняется в сотнях, если не в тысячах сочинений. В последнее десятилетие их было опубликовано больше, чем когда-либо. Но перечисления важных клише об исторически обусловленной особенности, о том, что Россия осталась вне процесса эпохи Возрождения, Реформации и даже Просвещения, в конце концов, не всегда достаточно для современного исследователя. Необходимо всегда учитывать также православную веру, российскую природу и ландшафт, огромные расстояния, политические и общественные традиции... но любопытствующий все еще остается неудовлетворенным. Необходимо не только объяснение того, как возникло различие между Россией и Западом, но также показ того, где скрывается, в конце концов, главная причина этого различия. Самуэль Хантингтон помещал Россию и пару других стран в собственное место, отдельно от западных стран по той главной причине или, по крайней мере, признаку, что в них исповедовалось православие. Значение веры для национальной традиции, определено, в России было исключительно важным, как и в тех странах, в которых она поддерживала национальную идентичность в годы турецкого владычества. Ныне веры, однако, в России осталось не больше, чем на Западе. Значение веры, следовательно, уже не может прямо отделять Россию от Запада. Так граница уничтожена?

Я полагаю, что граница стала менее резкой. Однако следует учитывать, что в России довольно многие представители интеллигенции верят, что граница сохранилась, и, пожалуй, еще большее число надеются, что так дело и обстоит. К кругу наиболее прославленных новых славянофилов принадлежит академик, математик и в свое время близкий к Солженицыну товарищ-диссидент Игорь Шафаревич.

Как и многие другие новые славянофилы и прочие «новые патриоты», в числе которых разношерстные элементы, от коммунистов до фашистов, Шафаревич усматривает в качестве движущей идеологической силы Запада еврейство. Правда, в отличие от многих других он не верит в мировой тайный еврейский союз, но при этом повсюду видит их влияние, как на Западе, так и в России. Шафаревич выражает антипатию к еврейству настолько сильно, что его, пожалуй, невозможно на Западе цитировать в салонах. Ограничимся тем, как Шафаревич в своей самой последней, опубликованной в 2009 г. книге показывает особый характер России и ее отношение к еврейству и Западу. Падение Запада, по мнению Шафаревича, не прогноз, а диагноз того, что мы видим происходящим. Касается ли это также и России, или выживет ли она, когда Запада уже не будет?

В чем, по мнению Шафаревича, то решающее отличие, которое преобладает между Россией и Западом, несмотря на то, что Россия уже довольно основательно освоила западную культуру, как он отмечает?

Шафаревич опирается на авторитет князя Н.С. Трубецкого. Трубецкой развивал в 1920-е гг. в эмигрантских кругах так называемую евразийскую идеологию, оказавшуюся довольно живучей, наиболее известным представителем которой в последние времена был Лев Гумилев.

По мнению Трубецкого, в государстве, как и в других организациях, всегда присутствует один объединяющий фактор, которым является руководящий слой общества. Последний комплектуется из массы в соответствии с определенным принципом, который — а отнюдь не система управления, — и является тем существенным фактором, определяющим особые качества государства. Весь народ управлять не может, этим занимается только упомянутый правящий слой. Его отношения с массами меняются, иногда они более тесные, иногда нет.

Шафаревич толкует Трубецкого следующим образом: до революции в России этим руководящим слоем была интеллигенция. Правящей была «идеократия», а не аристократия. Идеология была, разумеется, центральным фактором и при коммунистической власти, и даже после нее, хотя ныне она аморфна и не может быть точно определена. На Западе ее границы определяет современная политкорректность.

В последние годы к власти пришел новый слой: его представляют богачи. Плутократическая европоцентристская цивилизация

оценивает других исходя из того, в насколько большей степени они напоминают ее саму и разделяют ее ценности.

Шафаревич считает, что европоцентристская цивилизация проникает повсюду и вначале кажется, что она побеждает любое сопротивление чудесным новым оружием, как марсиане в «Войне миров» Герберта Уэллса. В этой воображаемой войне марсиане внезапно гибнут, т. к. их поражает живущая в среде обитателей примитивной страны бактерия.

Есть ли у России способность к сопротивлению, которая спасет ее, когда цивилизация западных стран устремится к своему губельному концу, что теперь представляется очевидным? По мнению Шафаревича, надежда есть, и он обосновывает ее теми же факторами, что и Иван Солоневич, полстолетия назад скончавшийся писатель и философ, сочинение которого «Народная монархия» было обнаружено совсем недавно в России и вызвало там оживленную дискуссию. Напомним, что Солоневич бежал из советского лагеря в Финляндию в 1930-х гг. и давал финскому правительству советы еще во время Зимней войны. Он умер в Монтевидео в 1953 г.

По мнению Солоневича, в истории побеждает не героизм, а стойкость. Россия вынесла вековое татарское иго, Куликовская битва, о которой столь много говорилось, не решила ничего. Только стойкость народа России позволила ему выжить, тогда как татары «окончательно уничтожены».

По мнению Солоневича, государственность России основана на двух принципах: «уживчивости» и «не замай». Это совершенно иное отношение к космосу, чем изображаемый Шпенглером фаустизм Запада. Таким образом, Солоневич как бы подписывается под классическим представлением славянофилов о терпимом и мирном характере русских, для которых любое насилие в принципе чуждо. На практике, правда, «чистые» принципы таковыми не оказываются в силу грешности человека.

Однако упорство России может быть решающим фактором, который спасет ее. «Пассионарность» Запада, т. е. готовность человека к жертве рухнула, и Запад, как в свое время власть татар, кажется, «умрет окончательно». Россия усвоила арсенал западной цивилизации, но духовно частью Запада не стала. В России руководящий класс со временем должен будет опираться на собственно российский народ, а ни на какой другой. Так в свое время поступило российское дворянство, в кругах которого возник своеобразный тип кающегося дворянина. Шафаревич в этом снова опирается на Солоневича, по мнению которого такой тип не появился более

нигде. Ни прусские юнкера, ни французские виконты, ни даже польские дворяне подобным образом на народ не опирались.

Помимо упомянутых терпимости и упорства, а также готовности к самопожертвованию Шафаревич видит особенность России в связи «истинной» веры с русским государством, с «русской землей». Он верит также в способность народа России стать единым, т. к. тот понимает преимущество общего перед частным.

Нынешняя власть в России, по мнению Шафаревича, антирусская, и по этой причине руководящий слой напрасно пытается организовать народ в своих целях. Писатель не скрывает того, что, по его мнению, находящийся у власти «антирусский» слой означает евреев, которые должны бы быть отстранены. Конкретным шагом в этом направлении могло бы быть возвращение в паспорта пункта о национальности, более конкретной программы он не излагает. Какими политическими средствами «руководящий слой» мог бы быть русифицирован, остается совершенно неясным. Евреи, со своей стороны, интуитивно чувствуют в такого рода речах приглашение к погромам.

Взгляды Шафаревича политически очень некорректны, что он и сам понимает. Кроме того, они весьма эклектичны, что он также не скрывает. Во всяком случае, они предлагают пример национально-русского взгляда, и отнюдь не самого радикального. Можем ли мы из них что-то понять об особенностях России, или речь идет только о наивных излияниях старого академика, в которых отражена безосновательная вера в наличие у русских способности сопротивляться разложению культуры и поиск козлов отпущения там, где их легче всего найти? Как тогда объяснить, что названный упорным народ России перестал прирастать и сокращается почти на миллион человек в год? Действительно ли только маленький «нерусский» руководящий слой является причиной того, что попечение о малообеспеченных и любое общественное бескорыстие в России встречаются гораздо реже, чем в скандинавских странах? Способен ли русский народ, как и все другие народы, сам отвечать за свою судьбу? Все же речь идет о большом народе, который не может считаться духовно неразвитым. Перенесение ответственности на еврейское меньшинство представляется как неприемлемым, так и абсурдным.

Во всяком случае, мы можем констатировать, что такие взгляды излагаются в России совершенно свободно, в чем можно видеть проявление ее относительной идеологической особенности в отношении Запада. Замечание Шафаревича о политкорректности

как отражении западной идеологии исключительно метко. Также утверждение о том, что система управления или форма правления не важна настолько же, как то, что в соответствии с принципом выбирает руководящий слой, должно учитываться, когда размышляют о различиях между Россией и Западом или хотя бы о различиях США и Афганистана. Если размышлять о России и Финляндии XIX — начала XX в., то можно констатировать, что «идеократия», власть интеллигенции, была в Финляндии гораздо более значимым фактором, чем в России, где она была в оппозиции.

Стоит отметить, как высоко в Финляндии во времена движения фенноманов ценили культуру. Начиная со Снелльмана, она была как зрачок глаза нации на всех уровнях общества. Как утверждал один иностранный наблюдатель, профессора в Финляндии не вызывают смеха, они пользуются огромным авторитетом и очень активны в политике. У нас студенты уже традиционно принадлежат к элите и отождествляются с ней иначе, чем в России, где они исходно находятся в оппозиции. В XIX в. у нас сложилась особая ситуация, когда Великое княжество в целом соблюдало консервативную линию, стремясь, по возможности, сохранить достигнутые выгоды. Имелись также и радикально настроенные студенты, которые иногда могли быть очень пылкими и придерживаться «красных» взглядов. Однако они понимали, что в отношении монарха следует оставаться лояльными. Ситуация вполне подходит для сравнения со временем после Второй мировой войны, когда университетская молодежь как один человек поддерживала Кекконена, вне зависимости от своей политической окраски. В обоих случаях понимали, что Финляндия — *beatus possidens*¹, которому есть что терять.

Если размышлять о терпимости и упорстве народа, то на уровне идеалов народ в поэме Рунеберга *Saarijärven Paavo* («Крестьянин Пааво из Саариярви») символ терпимости, да и выносливый народ у Юхани Ахо, определенно, не уступят русским. Мифические несчастья, великое лихолетье и годы голода обрушивались на финнов, как татары и природные катастрофы — на русских. «Пассивный» героизм защитника был для финнов даже более весомым, чем для русских, в «пассионарность» которых Гумилев зачислял также стремление к захватам, своего рода *Drang nach Osten*, который, однако, считался более благородным, в противоположность немецкому. У нас такой экспансионизм, если он и имелся, то остался очень поздним и академическим явлением, всегда чуждым народу.

¹Счастливым обладатель.

Поскольку у русских есть «врожденное» представление о едином Российском государстве, то можно сказать, перефразируя, что то же верно и в отношении финнов и Финляндии, а что касается чувства общего блага и жертвенности, то они с успехом используются и у нас, и у многих других народов. Объединение народа на стороне своего правительства видно хотя бы в готовности немцев поддерживать принцип самоубийственной и бестолковой тотальной войны. Хотя их сопротивление в завершающий период было сломлено довольно быстро, речь, однако, не шла об истощенности духа борьбы и неизбежности поражения перед превосходящими силами.

А что касается способности жить вместе с другими народами? Разве не у нас история отношений между финноязычной и шведоязычной частями населения служит лучшим примером, чем прославленное мирное сосуществование русских со своими собственными меньшинствами? В какой-то период это соседство оказывалось для последних убийственным. Во всей истории Финляндии был, пожалуй, только один пример преследований на национальной почве. Это произошло весной 1918 г., и враждебные действия были направлены против русских.

Очень трудно найти в истории какого-нибудь народа общие принципы, которые доказывали бы наличие именно только ему свойственных особенностей и были бы исторически прочными. Исторические ситуации меняются и, например, превращение русских в единый народ, который вошел в историю великих войн, получает в качестве своего эквивалента распад и внутреннее расстройство, которое наиболее резко проявилось во время гражданской войны и в форме разжигания революционного пламени. Финляндия всегда была более едина и более гомогенна в национальном, социальном, языковом и религиозном отношении, чем Россия — несмотря на то, что в нашей истории также была гражданская война.

Шафаревич замечает, что на Западе с русской цивилизацией связывают насилие, ее считают «аморфной», неорганизованной или даже «рабской». Это действительно свойство, которое в начале прошлого века также отмечалось поднимавшей голову финской русофобией. В годы революции и гражданской войны русский мир предстал для финнов безответственным освобожденным Вараввой, которого описывали словом *свобода*. Молодые люди буйствовали и грабили, не встречая препятствий и не неся ответственности. Это воспринималось как разрушительная природная сила

русскости, которая не способна творить. Отстранение от этого элемента представляло борьбой за культуру против животного бескультурия. Но едва ли речь шла о «национальном качестве», хотя подобное явление, теперь под именем *беспредел*, еще раз охватило Россию после распада Советского Союза в начале 1990-х гг. Происходившее легче объяснить крахом государства и отсутствием гражданского общества. Это также скорее объясняющие историческую традицию, чем вневременной национальный характер, явления.

В конце концов, объяснения особых качеств русских и отличия их цивилизации от западной культуры у Шафаревича и неоднократно цитируемого им Солоневича не дают пищи для понимания вопросов. Может ли объяснение глубинной сущности русского духа быть правильным, если оно более подходит к финской, чем к русской истории? Хотя оно вовсе не должно быть ложным, однако заставляет утверждать, что значимость книги Шафаревича для антизападного читателя в том, что она наглядно показывает то, как откровенно можно писать в России на табуированные в западных идеологических кругах темы.

Пошлость

В любом языке и в любой культуре есть понятия, в которых особенно четко отражаются их особые качества. Предметы объединяются иначе, чем в другом языке схожими понятиями, и по этой причине перевод подчас бывает невозможен. В отличие от логики и математики разговорный язык не является нескончаемой тавтологией, живым языком невозможно бесконечно варьировать, не сказав ничего нового. В суждениях о реальном мире логические тавтологии уничтожают очень многие оттенки значений. Каждый, кто использует язык, опирается на истоки своей культуры и сохраняет, сознательно, или несознательно, наследие прежних поколений. С радикальной точки зрения давление традиции может оказаться очень обременительным, давящим на мозги каждого поколения «тяжестью свинца», как говорил Маркс. Но на этот вопрос можно взглянуть и иначе.

Русские охотно подчеркивают особость собственной культуры, и часто это объясняется простым желанием видеть в ней что-то неевропейское, выстроенное на собственных законах и собственных принципах. Так поступали не только российские славянофилы и иностранные русофобы. Ныне, например, Самуэль

Хантингтон в своей работе о цивилизационных конфликтах выделяет русскую «православную» культуру как нечто совершенно особенное. Так же поступают многие более или менее модные российские мыслители.

Не стремясь разрешить извечный спор о европействе России, можно, вместе с тем, сказать, что в русской культуре присутствует много понятий, перевод которых однозначно на многие индоевропейские языки действительно не удастся осуществить. (Я не говорю здесь о финно-угорских языках.) Например, возьмем такое понятие как «пошлость». Это понятие стало известным на Западе благодаря Владимиру Набокову после опубликованного им в 1940-х гг. эссе о Гоголе. Набоков считает, что слово *пошлость* выражает нечто внешне блестящее и красивое, но внутренне пустое или испорченное. В нем есть что-то фальшивое и неприятное, но эту испорченность на первый взгляд отнюдь не сразу заметишь. При переводе на финский язык предлагается слово *matalahenkisyys*, но я полагаю, что оно не очень помогает читателю. Кроме того, слово «пошлость» по своему значению более широкое и более жесткое. Оно обозначает также известного рода неприятную наглость. Человеку, который оказывается в публичном месте «нализавшимся», можно с упреком сказать, что его поведение *пошло*. Слово это подходит для того, чтобы охарактеризовать также открытое проявление сексуальных инстинктов. В свое время даже цыганские романы характеризовались этим термином в силу своей чувственности.

Как видим, различные проявления пошлости можно в финском языке описать словами *helppohintaisuus* («дешевость»), *häpeämättömyys* («бесстыдство», «наглость»), *mauttomuus* («безвкусица»). Это слово, однако, в действительности не описывает дерзость и грубость, для которых есть свое обозначение — слово «хамство», у которого наличествуют скорее классовые коннотации.

Набоков использовал слово «пошлость», чтобы провести различие между подлинной достойной культурой и американской пустой бестселлер-макулатурой. *Пошлость* означала для него скорее кичливую искусственную глубину. Схожим образом основное течение российской интеллигенции еще за сотню лет до него стремилось отделиться от «обывателей» и представляемых ими человеческих свойств, описываемых в русском языке словом «мещанство». Это также понятие, которое затруднительно однозначно перевести одним словом на другой язык. Слово «мелкобуржуазность» в значительной мере передает его суть. Современный исследователь Светлана Бойм, которая уклоняется от предположения

об исключительности русской культуры, объясняла навязчивую борьбу интеллигенции против *пошлости* социальным положением этой группы: интеллигенты унаследовали от аристократии презрение к низшим классам. Это, однако, не следует обращать на собственно народные классы, которых идеализировали, но на ту группу, которая находилась между аристократией и народом и не принадлежала к интеллигенции. Это была презируемая мелкая буржуазия, от которой следовало отстраниться. Понятие *пошлость* служило именно этой отстраненности.

Есть основания согласиться с объяснением Бойм. Во всяком случае, если правда то, что в культуре ничего объективно глубокого не существует, то тогда объективно не существует и противоположность глубокого. Все относительно, все зависит от субъекта.

Однако именно это было и находится в резком противоречии с традицией российской интеллигенции. Последняя считает борьбу против мещанства и представляемой им *пошлости* основной задачей жизни. В этом можно проследить линию от Александра Герцена к Максиму Горькому, Владимиру Набокову и далее вплоть до наших дней. Различия в подходах, правда, значительны. Герцена раздражало в мелкобуржуазности, прежде всего, давление однообразия и отдача драгоценных часов жизни второстепенным и просто не имеющим никакого значения вопросам, превращающим жизнь в некий суррогат. Сосредоточенность французов на семье и служение деньгам американцев символизировали для Герцена *пошлость* лучше всего. На Францию как родину мелкобуржуазности указывал пальцем и Бердяев, по мнению которого, легенда о легкомысленности французов — чистый миф, на деле французский мелкий буржуа принадлежит к самым типичным и самым ханжеским явлениям в мире, ценностный мир его совершенно пуст. Особенно славянофильски настроенные российские интеллигенты чернили также германскую культуру, которая рисовалась маловыразительной и ограниченной. Узкая немецкая душа, в соответствии с этим представлением, никогда не была способна понять широкую душу русского, которая, в свою очередь, могла заключать в себе целый мир. Народ России был народом-богоносцем, и русский человек был способен понимать все человечество, как считал Достоевский.

Наиболее плохая оценка от русской интеллигенции пришла на долю американской культуры. Русские познакомились с классической критикой американской демократии давно. Еще Александр Пушкин читал критическую работу Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке». В кругах российской интеллигенции

уже в XIX в. Америка стала представлять как жувльническая страна, а в следующем столетии этот образ только усилился. Хорошим примером является Максим Горький, который в начале XX столетия пробыл некоторое время в Америке и написал об увиденном крайне ядовитые очерки. Корни несчастий американского общества, по мнению Горького, в том, что в этой стране только один общественный класс — мелкая буржуазия. Никто не ведет себя как рабочий или крестьянин, даже пьяницы не горланят, а пытаются оставаться в рамках порядочности слабоумного среднего класса. Вся культура находится на уровне 13–14-летних.

Русские сделаны из иного материала — верила интеллигенция. Еще Герцен считал, что народ России никогда не пойдет тем путем «золотой середины», *juste milieu*, который французский король Луи-Филипп сделал национальным идеалом. Русские по своей природе склонны впадать в крайности, и в добре, и в зле. На самом деле и французы отнюдь не были столь педантичными мелкими буржуа, как опасался Герцен. Революционный пыл проявился в этой стране так же, как и в России. Миф об особой антибуржуазности русского человека в любом случае жив и оказывает свое влияние. Когда в 1917 г. Россия впадала в безотрадную анархию, Бердяев считал это естественным следствием русского национального характера: русский никогда не сможет стать мелким буржуа, он апокалиптик и нигилист. Революция, по мнению Бердяева, осуществила то, что предсказывал Достоевский. Российская интеллигенция действовала как один из братьев Карамазовых — Иван, научившийся атеизму и нигилизму у Смердякова. Иван убил отца в своем воображении, Смердяков — народ России — сделал это в действительности и ненавидел Ивана — интеллигенцию — за то, что та лишила его своей веры.

Большевистский переворот российская интеллигенция отвергла все же почти единодушно. Правда, она почти сотню лет стремилась к революции, но представляла ее себе совершенно иной. В действительности революция действительно уничтожила ненавидимую мелкую буржуазию и ее *пошлость*, как того всегда хотела интеллигенция. Однако она не уничтожила и даже не ослабила ее грубости — *хамства*, которое усилилось у рабочего класса и крестьянства.

Только в 1930-е гг. Сталин поставил перед новой, формирующейся интеллигенцией задачу овладеть формой жизни мелкой буржуазии, которая теперь проходила под новым кодовым именем «культурность». Официальное искусство получило задачу

правильно описывать новую социалистическую действительность и быстро выработать слащавый и высокий стиль, который скрыл бы под плотным покрывалом давно известную *пошлость*.

Социалистический реализм был совершенно не русским явлением, полагал Набоков. Но чем же он был? Пожалуй, он, все-таки, был второй головой русской двойственной традиции, ставшей теперь господствующей. В России он породил, во всяком случае, реакцию, влияние которой сохраняется и сказывается и у нас, и в наше время.

Реальный социализм Востока и культурная революция Запада

Роджер Скратон, один из наиболее острых критиков постмодернизма, считал, что у высокой культуры религиозные корни, что на самом деле культура есть то, что осталось от ушедшей веры. Иными словами, культура, таким образом, продолжает труд веры другими средствами.

Здесь следует упомянуть, что Скратон понимает культуру в духе Гердера, как традицию, которая придает цивилизации ее дух и миссию. Культура есть знание о ценностях и ценном, которое передается от одного поколения другому. Она есть лучшее, что было сказано и сделано, и ее ядро находится в лучших канонических произведениях. Правда, красота и добро есть иерархические и социальные понятия, люди овладевают знанием о них при посредстве культуры, а роль высокой культуры заключается в том, чтобы представлять высочайшие достижения этих ценностей.

Скратон, таким образом, отвергает решительно релятивизм и эгалитаризм: чье угодно переживание абсолютно не благо, чье угодно стремление не «веско». То, что относится к высокой культуре, решает общество. Оно, по возможности, наиболее весомо судит о ценностях, к которым оно стремится, и которые в действительности формируют ядро всей человеческой жизни, стремление к самому высокому, что может дать жизни человека осмысленное содержание даже при гибели веры.

Следовательно, у высочайших достижений культуры есть особая святость, полученная ими от веры, наследниками которой они являются. Так обстоит дело, по крайней мере, в здоровых цивилизациях, которые заключают в себе еще не увядшие чистые формы культуры, духа, в отличие от клонящихся к упадку. Цивилизация может

еще долго существовать после того, как вдохновлявшая ее культура умрет, но только как скорлупа она уже не способна осуществлять свою задачу, и в силу этого дни всей цивилизации сочтены.

Скратон полагает, что наша собственная цивилизация фактически бездуховна. Хранители культуры, которым следовало бы в университетах передавать святой огонь новым поколениям, получают заработную плату за то, что учат деконструировать культуру, «разоблачая» ее, чтобы та не служила в сколько-нибудь значительной степени притязаниям на власть. В силу этого на каждом интеллектуале лежит обязанность восставать против основополагающих ценностей культуры, создавая собственные и освобождаясь тем самым от данных, навязанных конструкций. «Человечества», как такового, полагает Скратон, нет, еще меньше, чем считал Ленин, общих интересов между классами.

Это разбивание в осколки человеческого мира означает, разумеется, одновременное отрицание всех абсолютных ценностей и сути. Если нет ничего более высокого, общепринятого, кроме желания индивида и его стремления к удовлетворению этого желания, то и у ценностей культуры не может быть ничего общезначимого. Любое само по себе не лучше, чем любое другое. Для торговца, как жреца культуры, дорога открыта, и, пожалуйста, поп-культура может оказаться официальной культурой, что, по мнению Скратона, уже произошло. Высокая культура превращается в этой атмосфере в пустую скорлупу, которая уже не претендует ни на что более высокое, чем соперничающие с ней формы развлечения.

По мнению Скратона, культура на Западе еще живет в катакомбах. Она не может уже уверенно выступать на арене, и вообще не получает того признания, которого заслуживает. Новые поколения уже не интересуются созданиями «умерших белых гетеросексуальных мужей», которые забываются и уничтожаются. Канон культуры умирает тогда, когда он уже живет не в опыте человека, а лишь в тайниках архивов.

Взгляд Скратона на пределы сакральности культуры и особенно высокой культуры, разумеется, сам по себе не нов и не исключителен. В действительности, он был более или менее обычным взглядом еще поколение назад. Интересно, что даже советский социалистический реализм не оспаривал общечеловеческую состоятельность канона культуры, именно канона высокой культуры. Хотя всемирную историю стремились объяснить «классовым» жаргоном, официальная идеология, в конце концов, после бурных и пылких лет оставила немалое место для всемирного культурного

наследия. Прежде всего, это касалось тех достижений культуры, которые удостоивались оценки «прогрессивных» для своего времени и новых и высочайших представителей мировой истории. Понятным исключением оказывался «формализм», который отвергал мысль о содержании искусства как его существенной функции и сосредотачивался вместо этого на фокусничестве с разработкой новых форм, становившимся самоцелью. Он и прочие произведения умирающей разлагающейся культуры буржуазии, от детективов до порнографии, вообще не заслуживали пощады в глазах священников социалистического реализма. Исключениями были подобные Пикассо и Неруда сторонники коммунистической идеологии, их работы содержали ту прогрессивную весть, которая заставляла прощать грехи формализма.

Согласно словарю реального социализма, культура Советского Союза была вершиной культурного наследия человечества, которая передаст будущему наиболее благородные достижения. Так что все прогрессивное классическое культурное наследие было в неизбежной гармонии с одухотворенной политикой абсолютной прогрессивности компартии Советского Союза. Тем самым было возможно и, более того — желательно, — передать наследие высокой культуры человечества через советский народ в будущее. В Советском Союзе можно было прочесть огромное количество классиков мировой культуры, их пьесы ставили в театрах, оркестры исполняли их сочинения, даже архитектура стремилась к классическим формам, пока в 1960-е гг. не попала основательно в плен диктатуры пустого кошелька и не приняла в качестве догмата дешевизну «хрущевок».

Но советский народ учил своих классиков и ценил их. Интеллигенция прямо служила классическому искусству и гениям литературы и знаменитостям своего времени. Фактически это означало, что в самой советской культуре формировалась «пятая колонна», первейшим вопросом для которой был не тот, что у Ленина — «кому это выгодно?» Культура в духе Скратона — во многом продолжение веры иными средствами. Церковь и духовенство и верные им приходы в начале 1930-х гг. были в России посредством драматических преследований уничтожены. На их место была предложена идеология, которая развивала собственные мифы и ритуалы и заверяла, что обладает мандатом всемогущего народа, творящего свою историю.

Коммунистическая идеология была недоделанной верой, распространявшей гнилостный запах. Истина, благо и красота были

провозглашены ею как идеалы, но не абсолютные, а относительные, находящиеся на службе прогресса практическими ценностями. Партия представляла практически совершенной, она была почти святой и величественной. Для зоркого глаза ее фальшь была очевидной, а натренированный нос мог распознать вонь. Учиться этому не требовалось, нужно было быть честным. Поддержка критического взгляда была возможна в классической культуре, которая тоже подвергалась цензуре, но весьма осторожно и половинчато, дабы избежать скандалов.

Большевицкая революция преуспела благодаря фанатизму и бесцеремонности. Первоначально с ней помимо brutality нередко была связана искренняя вера в счастливый результат. Суровая действительность быстро научила людей, что для сохранения власти требуется мобилизация всех ресурсов. Власть стала самоцелью, и люди поняли это очень быстро. Языком власти стал новояз, который Оруэлл увековечил в своей антиутопии. В этом отношении Советский Союз был первой постмодернистской страной без веры, сам себя сконструировавший.

Но помимо всего этого, существовала также культура, абсолютистское и святое царство, в которое бежали интеллектуалы. Пушкин и Толстой, Достоевский и Тургенев предлагали путь в иной мир, в котором истина была не в решениях Политбюро. Москва колоссально развивалась, как писал Булат Окуджава, вместо извозчиков покатали вдоль улиц современные автомобили...

...И все-таки жаль,
Что нельзя с Александром Сергеичем
Пожинать в «Яр»
Заскочить хоть на четверть часа...

Встреча юных коммунистов «тайстоласцев» и русских интеллигентов была культурным шоком для тех и других. Гораздо больше, чем наивность адептов реального социализма, русских потрясал их нигилизм. Без веры они также лишились культуры. Прimitивный эгалитаризм оказывался пределом того, что финские товарищи могли понимать. Культура была высочайшим средством классовой борьбы, и чем более грубыми были формы, тем более пролетарским было впечатление. Железный голос и «деятельность» венчали театр и песню. В 1969 г. московские учащиеся поставили в честь финских гостей финскую пластинку, на которой были записаны наиболее значительные финские прогрессивные культурные произведения. Дерущий уши ужасный шум заставил

хозяев подозревать какую-то неисправность, но оказалось, что неисправность в действительности заключалась в исполнителях и что их игра и звучала как какофония. В живописи, как и в остальном, финны не уважали мастеров идеи и трудоемкого обучения технике. Каждая действительно революционная блестящая идея оказывалась достоянием публики. Это ужасало тех русских учащихся художественных училищ, которые стремились к мастерству через упорный труд и получали в сотоварищи по учебе финнов, не обладавших даже примитивнейшими навыками.

Эти финско-русские встречи, целью которых было искреннее стремление найти общий язык и понимание об этом мире, остались в прошлом уже поколение назад. Финны теперь отвергли Брежнева, а русские, со своей стороны, завели знакомство с постмодернистскими гуру. Никакой нивелировки, однако, пока не произошло. Финны по-прежнему не ценят культуру, а русские еще не перестали ее ценить. Пока еще между нашими народами в области культуры сказывается разновременность. Русские были спасены от «культурной революции» 1960-х гг. и можно полагать, что сохраненное ими наследие высокой культуры позволяет им судить современные культурные явления с позиций более серьезных, чем их западным коллегам.

Россия снова на распутье?

Многие не верили своим глазам, когда американский исследователь Александр Янов в 1978 г. опубликовал свою книгу *The Russian New Right*. Едва ли кто слышал, что в Советском Союзе существовало националистическое, не коммунистическое политическое течение. Еще реже могли счесть такое заслуживающим внимания. Но Янов, который несколькими годами ранее эмигрировал из Советского Союза, знал ситуацию лучше. Позже, в 1987 г., когда о горбачевских реформах и их возможных результатах нельзя было сказать ничего определенного, Янов опубликовал новую книгу — *The Russian Challenge and the Year 2000*. Обложку книги украшала икона, на которой голову образа Иисуса окружали вместо нимба снопы с герба Советского Союза и красная звезда. В тот период доверие к Янову несколько возросло, и когда Советский Союз затем рухнул, новые правые в России скоро были у всех на устах. Жириновского и новых нацистов боялись, предсказывали погромы. Казалось, что в России может повториться история Веймарской Германии.

Вышло, однако, по-другому. Осуществленная под руководством Ельцина либерализация привела, правда, к значительному хаосу и неслыханному ранее разворовыванию национальной собственности, но погромов, как и маршей голодных толп через границу на Запад, не произошло. Все смогли вздохнуть с облегчением. Россия теперь была демократичной страной, конституция которой гарантировала демократию, разделение властей, правовое государство и плюрализм, а также гражданские свободы и человеческие права. Теперь Янова можно было забыть.

Но после Ельцина прошло время. Теперь, к концу первого десятилетия 2000-х только очень небольшое число россиян считает труд Ельцина полезным для страны. Подавляющее большинство видит в нем прежде всего разрушителя. Напротив, Путин, с именем которого стали связывать после смерти Ельцина выздоровление России, был необычайно популярен. Медведев в идейном смысле следовал в его фарватере.

У популярности Путина имелись важные основания, и, прежде всего, следует упомянуть подъем рухнувшей экономики, который пришелся на период его президентства. Также выросший международный авторитет России был по душе большинству россиян, и многие верили, что Россия стала великой державой или, по крайней мере, скоро вновь станет таковой. Последним, но не менее важным фактором была для россиян прочность правительства. Говорят, что повсюду правительства делятся на хорошие и плохие, но в России — на сильные и слабые. На основании изучения общественного мнения и недавно осуществленного проекта «Имя России» можно говорить, что в значительной степени это правда. В российской истории особо высокий авторитет завоевали такие фигуры, как Иван Грозный или Ленин, которые безжалостно подавляли своих противников, оставив после себя едва ли что-то большее, чем дымящиеся руины.

Русские, однако, как кажется, привыкли к мысли, что центральная власть должна быть прочной и даже бесцеремонной. Только так можно достичь больших успехов, чем это было во времена Сталина. Напротив, демократия вызывает у русских смешанные чувства. Хотя ее плоды ценятся, к собственно демократическим органам и институтам не испытывают уважения, на них не полагаются. Осуществленное в 1990-х гг. разграбление национальной собственности записали на счет «демократов», и тень этого темного дела легла на понятие «демократ». Согласно исследованию Левада-центра, в 2008 г. 60% россиян считали, что демократия означает,

прежде всего, высокий уровень жизни. Только 8 % считали, что она предполагает плюрализм мнений и нахождение средств массовой информации вне государственного контроля.

То, что Путин сузил влияние демократических институтов и сосредоточил его в собственных руках, кажется, еще недавно не беспокоило огромное большинство народа России. Успех партий, позиционирующих себя как демократические, от выборов к выборам становился скромнее, и исследования показывали, что это не результат манипуляций.

Хотя русские верят в сильного лидера, это не означает, что они не ценят правовое государство и гражданские права. Однако их осуществление считается довольно нереалистичным, особенно в том, что касается свободы слова, большинство все же поддерживает некоторые ограничения. В сильном президенте видят также лучшую защиту осуществления прав и свобод.

Можно утверждать, что развитие пошло довольно целенаправленно в направлении утраты западными ценностями своего обаяния или их осуществление не считается возможным в России. Еще пятнадцать лет тому назад только 15 % народа верило, что Россия должна идти своим собственным историческим путем, а свыше 70 % считали лучшим западный путь развития. В конце первого десятилетия XXI в. ситуация была уже диаметрально противоположной. 76% поддерживало «собственный» путь развития, а из получивших образование — даже 80 %. В дискуссии в авторитетном журнале «Социологические исследования» один из участников считал, что произошел исторический поворот: Россия теперь выздоровела от болезни либерализма и ориентируется на «левые» ценности. Это, правда, происходит в патерналистском духе, при неверии в демократию.

Александр Янов в своей вышеупомянутой книге о России создал образ централизованного государственного организма, развитие которого идет циклически — от реформ к контрреформам. Хотя в России не раз пытались вырваться из заколдованного круга этатизма и сблизиться с «европейской семьей», за периодом реформ снова следовал период контрреформ, а затем стагнация или диктатура. Очерчивая линии развития будущего Советского Союза, Янов два десятилетия тому назад обозначил 1985 г. как распутье, от которого вели два возможных пути развития: один — к «европейской семье», второй — к контрреформам. Если сегодня мы заполним диаграмму, то сможем констатировать, что первоначально развитие шло по первому пути, а затем по второму. У Янова

предусматривалась еще возможность «необратимых реформ», но ее мы можем пока вычеркнуть из наших расчетов.

Спекуляции, подобные яновским, разумеется, не следует принимать всерьез. Вместе с тем они могут дать тему для размышлений. Хотя шаблоны Янова и основывались на довольно грубых предположениях, в них есть кое-что для критического осмысления. Янов рассматривал циклы развития славянофильских идей и считал, что у них есть склонность становиться все более жесткими и автократичными, при этом признается союз с государством, в отношении которого первоначально проявлялась оппозиционность. Исходные идеалы славянофилов — гуманные и красивые, но когда государство запрыгается как их проводник, они на практике служат, прежде всего, авторитаризму, шовинизму, империализму и дискриминации. Абсолютистская монархия в идеальной действительности — лучшая гарантия действительной законности, но если вера в это приводит к разрушению демократического управления и правоприменительной практики, открывается путь к тирании и произволу.

Поэтому представляется, что книга Янова ныне актуальна как никогда. У руководства России еще недавно, как казалось, была от народа доверенность на то, чтобы идти «собственным, русским путем развития». Понятие «суверенная демократия» и комиссия по истории — едва ли не верстовые столбы особого пути развития. О том, что на этом пути всего можно ожидать, дают намеки свежие идеологические сочинения последних лет, которые, кажется, пользуются благорасположением и поддержкой Кремля. Они борются как с демократией, так и с массовой культурой и службой мамоне, которые клеймятся как нерусские явления. Несколько лет тому назад неизвестный автор известной серии «Проект Россия» выпустил третью часть, в предисловии к которой указывалось, что тираж достигает миллиона. В третьей части авторский коллектив провозглашает создание «группировки», которая анонимна и невидима, но выступает против любого западничества, в духе русского православия и за новую цивилизацию.

Внимание на себя обращает то, что первый вариант первого тома книги первоначально распространялся только среди высшего руководства. Так что подозрения о личности авторов следует направить именно туда. Авторы, однако, кокетничают своей анонимностью и подчеркивают, что каждый, кто утверждает, будто знает их, лжет, — никто не знает. Анонимность подчеркивается уже в обращении издательства, напечатавшего книгу. В нем авторам предлагается

установить с ними связь, чтобы можно было выплатить им гонорар за миллионный тираж.

Осенью 2010 г. последовала разрядка напряжения. Третья часть книги с подзаголовком «Великая идея» теперь была снабжена именем автора — Юрий Викторович Шалыганов. Тем самым было дано понять, что речь идет о личности, которая не занимает никакого официального положения. Тираж книги был еще небольшим — сотня тысяч, но его навязывание не может не вызывать удивления. В книге констатировалось, что надвигаются тяжелые времена, что связано со словом цивилизации потребления. Предрекалось, что государство как институт покинет подмостки истории. Вопрос теперь стоит о том, перемелют ли эти процессы Россию в пыль или воздвигнут ее на пьедестал как нового духовного лидера мира. «Проект Россия» был адресован тем, кто осмелится объединиться в деле создания новой цивилизации и нового бытия. Однако за множеством пышных слов в книге почти ничего нет. Теократия упоминается как форма правления, к которой России следует перейти, и членам проекта следует способствовать этому в рамках системы. Публично следовало подвывать волком в стае волков, но в узком круге следовало говорить иначе. Теперь вся Россия знает бренд «Проект Россия», но как таковой он не участвовал в политической борьбе, а использовался для системы. «Очень скоро, — писал автор, — мы принесем в мир то, чего в нем не было сотню лет, — Великую идею». Частично она в книге уже обрисована, но полностью она проявит себя только в новом проекте. Идея будет светить ярко, как прожектор во тьме, обещается читателю. Наступает время России: «Россия — не место спасения, а место, откуда спасение придет. Это государство, имя которого Россия, вероятнее всего, исчезнет. Однако до этого оно исполнит свою вселенскую задачу и спасет человечество. Не все, но ту его часть, которая захочет спастись...».

Весь «проект» производит исключительно странное впечатление. Поневоле возникает чувство, что дело в задуманной на самом верху операции, цель которой заключалась в усилении доверия к линии правительства со стороны националистических и прочих антизападнических кругов. Существующий механизм проект явно поддерживал и особенно подчеркивал то, что власть должна быть долговременной, а страну необходимо спасти от вызванных демократией перемен. Когда проект выполнит свою задачу, он может быть остановлен, а на подходящее подставное лицо будет возложена вся ответственность. Специальные службы России уже получили значительный опыт в сфере дезинформации еще в советские времена.

В конце первого десятилетия XXI в. российские власти, кажется, снова стоят перед новыми вызовами. Действительной проблемой становится то же самое явление, которое угрожало превратиться в ограничителя сталинского самовластия в 1930-е гг. Служащие органов безопасности, которых бывший руководитель ФСБ Патрушев называл «новым дворянством», кажется, уже никем не контролируются. В советское время все контролировала партия, но теперь вассалы начали становиться самостоятельными, как в свое время рыцари-грабители.

Снова модернизация

В это время глобализации Россия может стать нашей исключительной возможностью, нашим «Китаем». Дружественные отношения с расположенным по соседству центром роста могли бы стать естественным козырем и спасением для нашей экономики, оказавшейся под жесткой рукой глобализации. Эта мысль вытекает из подготовленного в середине последнего десятилетия доклада SITRA¹ «От торговли к партнерству», центральной идеей которого было то, что главной целью сотрудничества с Россией должна быть не только торговля, а долгосрочная стратегия сотрудничества с общими целями и успешная совместная деятельность.

Доклад рекомендует усиление знания и изучения России, овладение языком и целенаправленное преодоление иррациональных предрассудков уже с детского возраста, расширение обменов учащимися и т. д. Интерес русских к нашей стране также следовало попытаться усилить.

Эти рекомендации и идея партнерства как огромной возможности основывается на компетентном анализе. Разработчики доклада также обращали внимание на застарелую проблему: России бояться и остерегаются вне зависимости от того, что она делает или что в ней говорится. Любая новость, касающаяся России, воспринимается прессой и широкой публикой в совершенно определенной системе координат — опасность, непредвиденность и чуждость. К этому можно добавить миф об извечной непостижимости России и упорное нежелание финнов даже попытаться выяснить, как в действительности обстоят дела. Россия воспринимается не иначе как Советский Союз и даже как сталинский Советский Союз,

¹ Финский инновационный фонд (Suomen itsenäisyyden juhlarahasto).

и об ее нынешнем состоянии судят по историческому прошлому. Поскольку Россия приводит в порядок свою армию, вооружение которой по большей части обветшало, это, считается, доказывает то, что «на востоке поднимается железный кулак». Забота других великих держав о собственных армиях, напротив, оценивается как нормальная.

Дружба с США для нас, разумеется, важна, и в нашей национальной истории она означала необычайно много. Однако Россия — наш возможный стратегический партнер, и дружба с ней еще более важна, т. к. она наш сосед. Было бы странно, например, не обращать внимания на то, какой образ нашего народа складывается в России.

Но представляет ли Россия тот мир ценностей, с которым связана Финляндия? Или развитие в России идет фактически в попятном направлении — к советской системе, как о том можно слышать?

Как Путин, так и Медведев представляют особые программы, целью которых является вестернизация России, ее демократизация, модернизация и т. д. В феврале 2006 г. заместитель главы президентской администрации Владислав Сурков в своей установочной речи перед представителями «центра обучения и подготовки кадров» своей партии четко обрисовал основные идеологические вехи «Единой России». Можно без преувеличения сказать, что здесь он нарисовал главные черты последующего политического развития.

Сурков утверждал в своей речи, что именно в демократическом обществе идеология важна, и даже более важна, чем в тоталитарном обществе, т. к. в последнем решение проблем возможно с помощью страха и принуждения. В современном обществе это не удастся. Напротив, ключевыми становятся технологии убеждения, которые действуют также тогда, когда горизонтальные сети заменяют вертикали иерархии и властные отношения.

Серьезной национальной проблемой Сурков считал то, что в России нет еще национального консенсуса о том, как следует оценивать историю последнего времени. Он сам — очевидно, следуя одобренным Путиным принципам — исходил из того, что Россия — европейская страна, у которой в значительной степени тот же самый исторический путь развития, как и у других европейских стран. Коммунизм относится к местным особенностям точно так же, как германский нацизм, который также не сделал Германию страной не европейской. Важная констатация, т. к. подчеркивающих «особый путь» России и «неевропейство» мыслителей в этой стране хватает.

У Советского Союза имелись достижения, считал Сурков, прежде всего, в индустриализации страны и победе над нацистской Германией. Как общество он, однако, был закрытым обществом насилия, не способным служить основным устремлениям человека, направленным на материальное благополучие, свободу и соблюдение законности. Система также допустила до власти лишенных должных качеств руководителей, бросивших Россию на произвол судьбы и сделавших ее добычей олигархов. Согласно Суркову, сам российский народ отказался от коммунистического пути развития, и речи не может идти о том, что это был результат тайного заговора. Страна лишилась половины своего населения, значительной части территории и экономики. Это, однако, была цена за переход на правильный путь. Место оказавшегося неспособным руководящего слоя захватили тогда циничные охотники за деньгами, олигархи, которые начали устанавливать свой олигархический порядок, который, как обоснованно подчеркнул Сурков, был далек от демократического.

Теперь Россия поднялась из того состояния упадка, в котором она была во времена олигархов, констатировал Сурков, но добавил, что фактически она находится лишь в начале пути: восстановление законности и стабилизация еще не те, а нынешнее поколение еще не сделало ничего того, чем могло бы гордиться. Членство России в «большой восьмерке» на самом деле «аванс», а ее положение как члена Совета безопасности ООН — величайшее достижение Второй мировой войны. Энергетический комплекс, который на этот момент является ядром российской экономики, не может оставаться единственным козырем. Россия должна быть способна встать во главе процесса энерготехнологического развития, развивать источники энергии будущего. Россия должна внести свой вклад в те сферы, в которых она сильна, а к ним относятся также космические исследования и сектор обороны. К требующим решения проблемам России относятся создание инфраструктуры, в том числе транспортной, а также участие в построении глобальных информационных сетей. Энергетическому комплексу, финансовой системе, оборонному сектору следует оставаться в основном в российских руках, но они должны быть открыты максимально для международных инвестиций и «глубокой» модернизации. Для осуществления этих задач требуется «национальная буржуазия», которой «оффшорная аристократия» не стала. Нужны новый конкурентоспособный руководящий слой и чиновничество нового типа вместо нынешней полусоветской бюрократии.

Укрепление демократии и гражданского общества Сурков назвал первоочередными по важности делами, для которых он видел две основные угрозы: первая исходила со стороны олигархов, желавших сделать шаг назад, что означало бы уничтожение суверенитета страны и демократии. Вторая, изоляционизм, являлась бы двумя шагами назад. Это направление представляли как коммунисты, так и националисты, которые требовали «Россию для русских». По мнению Суркова, тогда следовало бы также требовать Татарию для татар и Якутию для якутов. Так не пойдет, партия поддерживает Россию, которая предназначена для всех «россиян». К ним относятся и татары, и мордовцы, и осетины, и евреи, и чеченцы — все народы российского общества.

Отстаивание этих принципов и борьба с конкурирующими идеологиями была поставлена Сурковым как партийная задача, для которой следовало создать оплачиваемый аппарат, охватывающий все. Так как к «политтехнологиям» относились также операции, подобные оранжевым революциям, партия должна быть готова к тому, чтобы удержать улицу: Конституция подчеркивает право на мирные демонстрации.

Какие выводы тогда мы можем сделать о путинской идеологии, исходя из этого документа, который в принципе предназначен для внутрипартийного использования, но при этом сделан доступным для сведения широкой публики вне партии?

Циничный исследователь может сказать, что вера в такое пустословие была бы мудрее, чем в свое время серьезное восприятие коммунистической пропаганды. Это, разумеется, возможно. О человеке надо судить не по его словам, а по его делам, как учил еще Ленин. Несмотря на это, следует обращать внимание на то, что «Единая Россия» провозглашает и от чего она отказывается. Открытость мировому сообществу, требование современной бюрократической культуры, создание высшего слоя менеджеров и укрепление гражданского общества — вовсе не плохие главные цели.

Можно констатировать, что представленная в 2009 г. Медведевым программа модернизации, которая так широко рекламировалась и благодаря которой нового президента стали считать представителем иной, чем при Путине, политики, во всех существенных моментах соответствовала линиям выступления Суркова. Необходима добрая воля, которой у руководителей России не хватает. Признание ключевых проблем крайне важно, но для их решения этого еще не достаточно.

Сможет ли руководство России осуществить модернизацию? Владеет ли оно в действительности своей собственной страной? Почему повторяющиеся друг друга программы раз за разом не выполняются? Лозунг Медведева — модернизация. Это отнюдь не ново в истории России. Решение этой проблемы в России всегда приобретало особые национальные формы.

Довольно обычно считать большевистский период в истории России модернизационным проектом. Проблема была в том, что руководимое сверху осуществление его остановилось на полпути. Модернизация колхозного сельского хозяйства, которая неизменно была в повестке дня еще при построении коммунизма в 1960-е гг., потерпела полное фиаско.

Модернизационные проекты в истории России всегда были (или подавались такими) — опричина Ивана Грозного, реформы Петра Великого, Екатерины I и Александра I остались незавершенными, реформы 1860-х гг., система Витте, Столыпинская реформа, революция 1917 г., новая сталинская революция, программа строительства коммунизма и перестройка. Всем в большей или меньшей степени мешали центральное руководство и государственный централизм. Активность на низшем уровне власть стремилась держать в узде.

Основной проблемой, пожалуй, было то, что требовался свободно действующий человек, но при этом он оставался рабом. В свое время Герцен писал: «Можно ли себе представить, что способности, находимые в русском народе, способны развиваться при наличности рабства, пассивного послушания, деспотизма? Долгое рабство — не случайная вещь: оно, конечно, соответствует какому-нибудь элементу национального характера. Этот элемент может быть поглощен, побежден другими элементами, но он способен также и победить. Если Россия может мириться с существующим порядком вещей, то она не будет иметь будущности, на которую мы надеемся».

В разговорах о рабстве в современной России ощущается явная чрезмерность. Однако кажется, что вместо рационального рыночного механизма и бюрократии придет некий феодализм: власть сосредоточена в сетях, на которых лежит клеймо отношений хозяина и клиентуры. Верные вассалы получают все «сверху», в качестве платы за свою верность. Секурократия и клептократия сплелись в единую сеть, в которой нередко можно заметить преступные черты. Свыше 60 % россиян считают государственный аппарат преступным, и у них есть для этого основания.

В 2000-е гг. Россия разбогатела, даже возник средний класс, который нашел вкус в потреблении. Сладкая жизнь влечет, она даже стала новой нормой. Напротив, способность и желание народа упорно трудиться, инвестировать, заниматься инновациями и вообще предпринимательством, кажется, оказались парализованными. Неподкупная и обеспечивающая безопасность бюрократическая логика и непредвзятое судопроизводство также не укоренились. Эти симптомы пытаются излечить спускаемыми «сверху» проектами. Высшая воля также проповедует борьбу с коррупцией и говорит о правовом государстве и многих других добрых начинаниях, как и оппозиция. Складывается впечатление, что государственное руководство не может управлять страной, но власть поддерживает те сети, которые беззастенчиво растаскивают ресурсы страны.

По мнению известного знатока сталинского времени Арч Гетти, Сталин в 1930-е гг. был в сходной ситуации, в плену у «семейственности» и двурушничества местных наместников и решил дело по-своему. Неудивительно, что оценка Сталина как величайшего менеджера и модернизатора в последнее время на слуху. Появилась книга, в которой требуется чистка в духе 1930-х гг., разумеется, бескровная.

Руководство, кажется, остановилось и вместо реформы занимается демагогией, с помощью которой пытается замести под ковер или же криминализировать критику. Последняя вгрызается в суть проблем и использует сильные выражения о «рабстве» или в целом о традиционной особенности России в сравнении с Западом — ее склонности загонять себя в тупик, выход из которого мыслим только радикальными средствами.

Сейчас время застоя? Довольно значительный рост экономики, кажется, не дает повода утверждать это, но ситуация не лучше ситуации начала 1980-х гг. Дефицит инвестиций и накопление социальных проблем дают о себе знать, поскольку причуды мировой экономики отягощают их; быть может, создается ситуация, в которой большинство уже не хочет, а меньшинство не может продолжать все по-прежнему.

Снова возврат Карелии?

Как известно, в 2012 г. прошло двести лет со времени возвращения Карелии. Когда в 1809 г. Финляндия была присоединена к империи, ее стратегическая граница переместилась на Ботнику и Аланды.

Передвинутая по мирным договорам 1721 и 1743 гг. граница Финляндии в 1812 г. снова была возвращена на линию Раяйоки (река Сестра), т. е. почти под бок Петербурга. Операция имела для Финляндии огромное значение и ее считали новым свидетельством невероятного благородства императора Александра I по отношению к своим новым финским подданным. Однако она совершенно безболезненной не была, т. к. в светских кругах Петербурга имелось немало тех, кто пострадал от этого, хотя перенесение границы не связывалось ни с каким перемещением населения. Возвращение Старой Финляндии в России критиковалось до приобретения Финляндией независимости, и на пороге Первой мировой войны решили снова присоединить обратно к России те приграничные волости на Перешейке, на территории которых петербуржцы приобрели себе дачи. С точки зрения военно-стратегической это не имело сколько-нибудь существенного значения, т. к. на стороне Великого княжества был выстроен мощный форт Ино и еще более мощная морская крепость Петра Великого, закрывавшая вход в Финский залив. Они же были в руках русской армии. Фактом, однако, являлось то, что крайне правые демагоги в Государственной Думе раскалялись добела от одной мысли, что граница вероломного Великого княжества под Петербургом опасна в военном отношении.

Как известно, проблема границы между независимой Финляндией и Советской Россией была разрешена в Тарту в 1920 г. — граница прошла по-прежнему по Раяйоки. Это было довольно естественно. Трудно даже вообразить, как финская земля могла быть уступлена соседу, о террористической системе государственного управления которого было хорошо известно. В 1939 г. в данном отношении это было еще более очевидным.

Есть причина снять шляпу перед проявившими реализм финскими политиками и военными, т. к., несмотря на все, они были готовы уступить Советскому Союзу как острова в Финском заливе, так и ряд участков на Перешейке. В этом заметна та линия реализма, которая, несмотря на противоположные утверждения, всегда была путеводной звездой в отношениях Финляндии и России. Другое дело, что любая разумная и приемлемая политика становится неразумной и неприемлемой, когда переходит известная граница. Эта граница, по мнению финских политиков, проходила по центру Финского залива. Появление там советских вооруженных сил, по мнению финнов, было невозможно. Нельзя было бы и говорить о сохранении финского нейтралитета, о безопасности Финляндии.

К сожалению, с точки зрения московской стратегии, это было необходимым, и, полагаясь на подавляющее превосходство в силах, советское руководство решило достичь цели без особого политеса.

Решение Советского Союза было по-своему элегантно. У соседа получали военные базы и южную часть Перешейка, а взамен дарили Восточную Карелию, т. е. создавали Великую Финляндию. Это, таким образом, не было лишь обещанием, т. к. подписывался государственный договор, который сразу же вступал в силу. Это часто забываемое обстоятельство следует подчеркнуть.

Так как финны явно опасались того, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, они упорно отказывались от дара. Разумеется, Красная армия одержала победу, и Советский Союз получил эту территорию, но необычайно дорогой ценой. Так как кампания была очень кровопролитной, что в своем выступлении констатировал Молотов, и виной этому были финны, вопрос о линии границы был решен на совершенно иной основе. Теперь территория Финляндии не расширялась, а границу перенесли западнее, хотя и не туда, где она проходила в 1811 г. По той или иной причине на линию Кюмийоки она перенесена не была, удовлетворялись границей времен Петра Великого, с некоторыми изменениями. Иными словами, дар Александра I не был полностью отобран.

Как известно, военная база в центре Финского залива, которую в Москве и, определенно, в Ленинграде считали необходимой, когда началась война, оказалась лишенной ценности. Еще более неблагоприятной оказалась ситуация на восточной границе Финляндии, когда мстительная Финляндия в германских объятиях напала на Восточную Карелию и оккупировала соседнюю территорию, как великая держава.

Упрямая твердость Финляндии оказала на соседа воздействие, т. к., хотя в ходе войны-продолжения он нанес ей серьезные поражения, линия границы на Перешейке осталась прежней. С учетом жертв, полученные Финляндией условия считались в России неумеренно легкими. Эта оценка по-человечески понятна. Как в Финляндии, так и в Советском Союзе — как и ранее в России — говорили о «кровью выкупленной» границе. По логике варварских времен, убийство человека освящало границы. Многие, пожалуй, будут того же мнения и сегодня.

В отличие от XVIII столетия, после последних войн территория Карелии была оставлена пустой. Жители ушли в Финляндию. Лагерь беженцев не появилось, финские беженцы не остались на улице в чужой стране. В то время Финляндия заботливо отнеслась

к проблеме, она несла огромные жертвы, но без хныканья и не прося помощи.

Но всему свое время. Прошла половина столетия с того времени, как граница Петра Великого вторично была установлена, в Финляндии возникло движение, которое начинает требовать нового возвращения Карелии, на этот раз без населения. Основанием для этого удивительного требования явилось мнение, что несправедливость должна быть исправлена. Этой группе пожилых людей, по-видимому, остается непонятным, что повернуть историю назад невозможно. В истории 2000-х подобное «возвращение» повлекло бы совершенно новые практики, о которых у специалистов международного права нет представлений. Политические партии в Финляндии не вмешиваются в дело, считая его, пожалуй, безобидным, но раскрытие *Wikileaks* содержания беседы премьер-министра Путина и президента Халонен показывает, что это не так. Требование, если не само возвращение, может восприниматься очень серьезно. Это должно вызывать сожаление. События Зимней войны были трагическими, но в них есть своя величественность. В войне-продолжении будущее нашей страны было подрезано, ее независимость была снова оплачена огромными жертвами. Но ничто не вечно, однажды приобретенные лавры славы не могут сохраняться бесконечно. Величественность — суровый стилистический жанр, не терпящий ни одного ложного шага.

Имя России

Наполненные размышлениями об особости России книги стали после крушения Советского Союза выходить потоком. Дело вполне понятное, т. к. в советское время «научная» идеология объясняла эту особость России незамысловато и льстиво — тем, что страна была на острие исторического развития человечества. Ставящие Россию в центр критические размышления, разумеется, не являются сколько-нибудь новым явлением. Уже дореволюционная литература, которая сосредотачивалась на особом пути России, была огромной. Почти единственной темой российской философии всегда была Россия.

В 2008 г. в России организовали по международному образцу большую телевизионную программу «Имя России», целью которой было найти в истории страны лучше всего символизирующую Россию личность. Строго говоря, речь шла не об «одобряемом

россиянине», а о «значительном россиянине». Подобного рода соизъяние, разумеется, не дает подлинной картины того, что в среднем думают об этом в стране. Это значительно лучше проясняет тот опрос, который проводился в связи с программой.

Выбор первоначально осуществлялся из пятисот представителей. Перечислявшая их книга была издана массовым дешевым тиражом. Из этой массы выбирались пятьдесят кандидатов, из которых комиссия выбирала двенадцать. Пятьдесят героев были помещены в пышно изданную книгу, о каждом герое из последней дюжины была опубликована отдельная книга. Финальные кандидаты были представлены на телевидении, каждый получил авторитетного представителя, в их числе были люди из разных областей: полномочный посол, митрополит, представитель России в НАТО, глава коммунистической партии, профессор, генерал армии, художник и кинорежиссер. Принадлежавший к центральным личностям проекта директор Института российской истории РАН Андрей Сахаров констатировал в своем предисловии к книге о пятидесяти героях, что в оценке этих великих людей центральным является вопрос о том, как они повлияли на главную цель истории человечества, на развитие человеческой жизни. В действительности, вклад в историю России оставался основным, и он мог быть сложным и противоречивым. Важным, в любом случае, было то, чтобы касающаяся героев оценка не была идеологизированной, но соответствовала современному уровню исследований.

Вышедшими в финал героями были Петр Столыпин, Александр Пушкин, Дмитрий Менделеев, Александр Невский, Федор Достоевский, Александр Суворов, Иосиф Сталин, Владимир Ленин, Иван Грозный, Петр Великий, Екатерина Великая и Александр II Освободитель. По результатам окончательного голосования они, согласно русской *Wikipedia*, расположились именно в таком порядке. На странице проекта первым был назван Александр Невский, вторым — Столыпин, третьим — Сталин, а четвертым — Пушкин.

Следует упомянуть, что окончательное расположение героев было третьим по счету, т. к. два первых были аннулированы, когда выявились нарушения при голосовании. В первый раз победил Ленин, во второй — Александр Невский. Сталин в первый раз оказался четвертым, а во второй — третьим. Количество поданных голосов было близко друг к другу, около полумиллиона. Заметим, что коммунистические диктаторы всегда оказывались относительно одобряемыми также и в социологических опросах, но более давний самодержец Петр Великий всегда одерживал над ними верх.

При голосовании присяжных партийные вожди оставались теперь далеко позади, но активный народ был иного мнения.

Как бы то ни было, из расположения героев можно было бы сделать вывод, что победителями стали борец с революцией (Столыпин), певец свободы (Пушкин), ученый (Менделеев), защитник родины (Александр Невский). Так что расположение носит вполне «духовный» и немного «военный» характер. С другой стороны, в действительности серьезное голосование за представителей жесткой силы (Александр Невский, Столыпин, Сталин, Петр Великий, Ленин) доказывает именно склонность народа к жесткой руке и доброму царю.

Социологическое исследование подтверждает, что Петр Великий находил поддержку у представителей всех поколений, так же, как и Сталин. К Ленину положительно относились, на удивление, и старейшее, и самое молодое поколения (так же, как и к Пушкину). Исследование основывалось не на интернет-голосовании и лучше отражало в силу этого взгляды всего населения.

Одной из целей проекта было пробуждение у народа интереса к истории и знакомство с героями нации. Заслуживает интереса то, как эти герои представлены в связанной с проектом книге о пятидесяти героях, в которой показаны также и плохие стороны великих мужей. О Сталине в книге говорится, что он виновен в голоде на Украине и в России, унесшем жизни 4–7 миллионов человек. Пятилетки 1930-х гг. принесли, однако, значительные результаты, промышленное производство выросло за 9 лет в четыре с половиной раза. Помимо 7 миллионов человеческих жизней, ценной был в действительности рабский 14–16-часовой труд. В ГУЛАГ было отправлено 20 миллионов человек, «сотни тысяч» из которых умерли. Книга понимает причины союза Сталина с Гитлером и относится с сомнением к взгляду, согласно которому он планировал нападение на Германию. Говорится, что Сталин вел войну со свойственной ему жестокостью и беспощадностью и указания не отступать стали причиной огромных жертв в Ленинграде, Москве и Сталинграде. В любом случае, война была выиграна под руководством Сталина, и солдаты умирали с его именем на устах. Черчилль писал позже, что «у России было великое счастье, что во главе ее был такой талантливый и негиббемый военачальник, как Сталин». Количество жертв Сталина показано явно заниженным, но все же его достижения были реальными.

Отношение авторов книги к Ленину, напротив, поражает благожелательностью. Констатируется, что к концу своей жизни Ленин

осознал, что революция принесла народу огромные страдания, стоила «сотен тысяч» человеческих жизней. С другой стороны, превозносятся необычайные организаторские способности Ленина и с пониманием воспринимается его решение начать революцию, которую все же можно считать величайшим несчастьем в истории России. В книге приводится данная Ленину характеристика, согласно которой он был смесью Антихриста и Сатаны, но читателю остается совершенно непонятным, почему он заслуживает ее. Неубедительным представляется утверждение, что у Ленина можно найти какие-то позитивные черты.

Заслуги Петра Великого представляются как целесообразные, но его деятельность не приукрашивается. Петр окончательно закрепостил крестьян и прибегал к террору как к рычагу при проведении важнейших реформ. Он создал систему, о которой Михаил Сперанский позже сказал: «В России нет других свободных людей, кроме нищих и философов». О Петре говорили, что он использовал варварские средства в варварское время. В книге это представлено в несколько измененной формулировке: «С таким суровым и неподатливым народом, как русский, действовали только жесткими средствами».

Обращает на себя внимание то, что о победителе игры, оставившем короткий след, т. е. о Столыпине не удалось «выкопать» ничего действительно потрясающего. Он был энергичным и жестким администратором, не жалевшим мятежников, учредившим ускоренное судопроизводство в отношении них. Имя Столыпина, разумеется, упоминается в связи с аграрной реформой, как и то, что он был убит «сыном богатого киевского домовладельца» Мордко Богровым, о национальности которого читатель сам может догадаться.

Совершенно очевидно, что проект «Имя России» с разных сторон рассматривался как историко-политическое голосование, в котором образам прошлого будто еще раз давался шанс. Если бы Столыпин выжил, все пошло бы иначе. Альтернативой Сталину иногда называют Николая Бухарина и Сергея Кирова, вошедших в число пятидесяти выбранных. По какой-то причине Сталин, несмотря на всю свою противоречивость, кажется, остается во мнении россиян все же безальтернативной фигурой, насколько можно судить на основании этого проекта. Сталин, Петр, Иван Грозный и даже Достоевский символизируют двойственность России: добро и зло едва ли могут заменять друг друга; и то, и другое присутствует в судьбе России, в которой только хорошие альтернативы предлагались не слишком часто. Складывается впечатление, что

здесь речь идет о совершенно особом историческом образе, чем на американизированном Западе, где фигуры прошлого измеряются мериллом нынешнего общества потребления, а о каждом историческом решении, которое можно считать неподходящим, исходя из учета современных настроений, судят непримиримо.

Девушки, розы и история

«Девушки, розы и договоры расцветают только в свое время» — говаривал Шарль де Голль в 1950-е гг. Хотя сейчас мы, разумеется, понимаем суть дела лучше, выражение, однако, подходит для исторической парадигмы. То, что когда-то было красивым в объяснении истории, в новых условиях утратило свое очарование. Линия Паасикиви являлась когда-то талантливой политикой, с помощью которой была спасена Финляндия. В свое время Юхо Кусти мучительно пришел к тому выводу, что у России нет иных постоянных интересов в Финляндии, кроме гарантий собственной безопасности. Это не предполагало неизбежности захвата Финляндии, т. к. вопрос мог быть разрешен иными способами. Проблема была в том, чтобы верил Кремль. Со дна пропасти наблюдавшему Паасикиви и руководимой им Финляндии этот новый взгляд предлагал, во всяком случае, надежду на спасение, и за него энергично ухватились. Путь к спасению шел под забором, и по нему нужно было идти, распластавшись и измазавшись, но в самом главном ждал успех, и это было исключительное достижение, именно благое достижение, хотя стиль, в силу обстоятельств, не всегда мог соответствовать возвышенным нормам минувших столетий. Время было такое.

Та история, которая соответствовала и требовалась для этой линии, была совершенно особого рода. Сталинский Советский Союз обладал в ней привлекательными чертами и постепенно превратился в корректного соседа, у которого имелись те же самые легитимные интересы, что и у других государств. Ролью Финляндии отнюдь не стало разделять политику соседа, ни в области прав человека, ни во внутренней политике; необходимым было только признание, что на них нельзя ни оказывать влияние, ни запугивать демонстрациями, чтобы добиться своего. Эрозия доверия могла означать утрату всего. Много ошибок можно найти в прошлом.

В парадигме Паасикиви было очарование свежести и красота логики. Ее апогеем были 1960-1970-е гг., когда стали рассматривать

войну 1918 г., Зимнюю войну и войну-продолжение как начатые по вине финнов. Это было противоядием для той раздвоенной ненавистью души, которая заклеивала, оставаясь на заднем плане, более ранние оценки роли Советского Союза в судьбоносные времена Финляндии. Вина за несчастья всегда спихивалась на соседа, и бревно в собственном глазу оставалось незамеченным. Взгляд был свежим и многое объясняющим, хотя он не был вполне доказательным и разделялся не всеми. Но так всегда с парадигмами. Они никогда не являются достаточно доказательными и не покрывают весь спектр действительности. В весну своей жизни они, однако, очаровывают своей свежестью и новой силой.

Историческая парадигма — некий общий каркас, в котором могут уместиться все приемлемые объяснения. Его можно несколько грубо сравнить с конторой по обмену валюты, т. к. в ней обмен происходит в известных пределах, но ценность валюты всегда остается позитивной. Причитающиеся суммы не могут обратиться в долг, для этого требуется иная система координат.

В собственных границах любая парадигма может послужить как плохому, так и хорошему исследованию. В советское время русские и, например, эстонские исследователи могли делать совершенно безупречные исследования по своим темам, если они были достаточно узкими и их можно было оценить в соответствии с нормальными объективными критериями. В Советском Союзе даже частичный выход за рамки парадигмы был запрещен, и каждый уважающий себя исследователь выбирал те проблемы, при исследовании которых результаты не могли затронуть запретную территорию, а он сам — оказаться объектом политического преследования.

В Финляндии и тогда можно было выходить за рамки парадигмы. Только за этим редко следует даже ругань, на которую не всегда нужно обращать внимание. Но выход из рамок парадигмы означает, что ты оказываешься вне пределов нормальной серьезной науки. Это редкое явление. Кауко Каре¹ и Тууре Юннила² остались в маргиналах. После краха Советского Союза их не считают героями, но в спину им и их коллегам повсюду в Европе бурчат: *You were wrong to be right*. В определенном смысле в этом кроется зерно истины.

¹ Кауко Атос Каре (1914–1996) — финский журналист, писатель, переводчик.

² Тууре Юннила (1910–1999) — известный финский консервативный политик, постоянный оппонент президента Кекконена.

Касающиеся общей природы Советского Союза фоновые предположения являются хорошим примером парадигмы, которая основательно изменилась и которая, как общий критерий, стремится оказывать воздействие также на постановку и объяснение конкретных отдельных вопросов. Слом парадигмы произошел при известных обстоятельствах. На Западе «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, когда его опубликовали в 1973 г., потряс и перевернул мир. И это несмотря на то, что в книге не было ничего нового. Как констатировал Тони Джадт в прославившейся книге *Postwar*, выбор времени определил все. Заявление Советского Союза о том, что он обладает мандатом Истории, в любом случае теперь утрачивало доверие к себе. Речь шла уже не об «ошибках» или «искривлении», но обо всей системе. Даже во Франции теперь стало возможным критиковать Советский Союз без опасений быть обвиненным в том, что выступаешь против Прогресса в целом. «Архипелаг ГУЛАГ» был, правда, лишь началом пути. Своей вершины этот процесс достиг в «Черной книге коммунизма», которая была опубликована в 1997 г. И в Финляндии развитие было разновременным, и, как мы знаем, чисто советский коммунизм чествовался в кругах интеллигенции как великий победитель именно в то время, когда вышел «Архипелаг ГУЛАГ». У нас он не пошатнул общей парадигмы о природе советского коммунизма. И это вызывает некоторое удивление.

Крушение Советского Союза заставило, однако, переоценить все основы прежней парадигмы. У системы, которая бесславно рухнула, проклинаяемая собственным народом, не могло быть мандата Истории. Российская историография, которая более половины столетия была сосредоточена на рассказе о том, кому принадлежит заслуга в рождении и развитии советской системы, должна была теперь объяснить, кто был виновен в этом и кто все же пытался воспрепятствовать ее осуществлению. Весьма показательным, что когда пару лет назад в огромном телевизионном проекте «Имя России» выбирали личность, символизирующую Россию, то святой и победитель западных интервентов Александр Невский стал первым, тогда как вторым оказался Петр Столыпин, довольно недолго занимавший пост премьер-министра, самой большой заслугой которого было жестокое подавление революционного движения. Хотя удача ему и не сопутствовала, он все же делал все, что мог.

Смена парадигмы в случае с Россией произошла из-за внеисторических обстоятельств. Это, однако, еще не означало переоценку всего. Эта работа должна быть осуществлена в каждом деле особо.

Ситуация осложняется тем, что коммунистический период охватывает также военное время, когда Россия спаслась от того, чтобы быть уничтоженной нацистской Германией. Так как страной руководили коммунисты, честь за это, по крайней мере частично, достается им, если невозможно убедительно доказать, что победы достигли скорее несмотря на них, чем благодаря им. Те огромные потери, которые были понесены в войне, на первый взгляд могут быть отнесены на счет противника, а ответственность за дела коммунистов еще предстоит выяснить, прежде чем у них можно будет отобрать честь.

Можно удивляться, как легко первоначально приобретенный из прагматической парадигмы Паасикиви образ Советского Союза как «обычного» государства со всеми нормальными интересами великой державы в свое время развился в Финляндии в образ дружественного знаменосца гуманизма, который и муху не убьет. У нас, обольщенных новизной дела, начали искать виновников наших войн среди нас самих. Их и нашли: студенческое общество (Академическое карельское общество) было слишком громкоголосым. Оно реагировало на геноцид спокойными маршами мимо советского посольства. Хуже было то, что оно вообразило, что у Финляндии есть обязательства и просто права в отношении Восточной Карелии. Ленин в свое время, тогда, когда это ему подходило, раздул неистовый фанатизм самоопределения во всей Российской империи. Финляндия и Карелия отнюдь не были исключением. Но в новых условиях прежняя программа превратилась в преступление, заслуживавшее смертного приговора, который щедро выносили в Карельской автономной советской республике. Во времена Кекконена у нас хватало тех, кто обвинял Финляндию в слишком дружественной политике в отношении Германии в 1930-е гг. А ведь у нас не было прогерманской направленности внешней политики, скорее напротив. Но, «желаем мы этого или нет», на нашу голову легла «тень Германии», как сформулировал это Кекконен. То, что на нас и так лежит более мрачная тень сталинского Советского Союза, — совершенно его не интересовало. Советскому Союзу придавалось то величие, на которое мы не могли повлиять, его доверие следовало заслужить именно таким образом, каким он сам желал. Интересно, что у нас совершенно серьезно считали, что постройка подводных лодок в сотрудничестве с немцами в начале 1930-х гг. сильноотяготила бы наши отношения с Советским Союзом. В то же самое время в России с помощью немцев строились подводные лодки и про-

водились испытания самолетов и газов. Сталин отказался от прогерманской ориентации только в 1934 г. и, «скрежеща зубами», как доказал в свое время Олли Вехвиляйнен.

В России, как было сказано, старая парадигма сломана, а новая только рождается. Своеобразием ситуации является то, что тираны советского времени были в фаворе в то же самое время, что и их архивраги. Во Франции ситуация была в свое время до некоторой степени схожей: все, что относилось к истории Великой нации, уже в силу этого приобретало печать святости. Великая Французская революция и все, что за ней последовало, почиталось вместе с Наполеоном, Наполеоном III и Бурбонами. Великая нация была, во всяком случае, в передовых частях торжественного марша прогресса в истории человечества.

Путин действует по образцу, доказывая, что в истории всех народов есть досадные дела, но, несмотря на это, эти народы пользуются высоким уважением. В 1989 г. Великая Французская революция, как и революция в России, отчасти утратила свой блеск. Франсуа Фуре провел в этом отношении большую работу, но, в конце концов, завершение так называемого модерн-проекта, разумеется, не зависело от одного человека или от одного государства, хотя Россия в этом отношении, пожалуй, сыграла ключевую роль. Судьба коммунизма в России имела огромное влияние и при пересмотре французской истории.

Власть в России пытается, таким образом, сохранить из большевистского наследия себя как выразителя интересов государства, хотя при этом признает крушение всей советской идеологии. Исследователи и другие свободные мыслители, разумеется, идут гораздо дальше в своих переоценках. Александр Яковлев, архитектор перестройки и член Политбюро, не оставил камня на камне в оценке советской системы. Для него она была созданием воспользовавшихся люмпен-пролетариатом безответственных фанатиков, на самом деле Россию захватила шайка разбойников, которые держали ее в заложниках, как сформулировал свою позицию видный пионер перестройки историк Юрий Афанасьев.

На международном уровне прежняя советская парадигма стала темой для отделившихся от Советского Союза республик и других зависимых территорий. Их исторический опыт совершенно иной, чем предполагала советская или англо-саксонская точка зрения. Это связано с тем, что они во Второй мировой войне оказались по очереди под катком двух тоталитарных государств. Советская власть, с их точки зрения, была не лучше, чем господство нацистов.

Оба тоталитарных государства убивали граждан этих стран массами, не придавая их национальным интересам никакой ценности. Тимоти Снайдер в своем впечатляющем ревизионистском исследовании *Bloodlands* собрал сведения, которые ранее существовали разрозненно, и очень четко показал, что производимые по национальному признаку массовые убийства не были только нацистскими преступлениями. До войны советские коммунисты осуществляли их в более крупных масштабах, чем Гитлер. Потом, конечно, Гитлер их догнал и перегнал.

Нам хорошо известно, что финнов ликвидировали по национальным основаниям, хотя это и делалось без большого шума. Это не коснулось буржуазной Финляндии, в которой от гибели, можно считать, спаслись сотни две тысяч человек только по той причине, что правительство Куусинена не добралось до Хельсинки. Разумеется, в данном случае не учитываются те жертвы, которые были бы, если бы армии Гитлера и Сталина прокатились по нашей стране дважды. Количество этих жертв можно было бы определить в 10–15 % от количества населения, т. е. — 300 000–450 000 человек. То, что количество жертв за всю Вторую мировую войну у нас достигло 100 000 человек и почти все это были солдаты, является ценным капиталом, сделавшим возможным наши хорошие отношения с Россией (это, разумеется, на так называемом средневропейском фоне). Сохранение обособленности наших народов также спасло нас от тех напряженных противоречий, которые отравляют отношения государств Балтии с Россией. Можно только представить, что могло бы означать переселение миллиона русских в Финляндию после войны. Это все следует учитывать на фоне того, что лично я считаю русских более симпатичными, чем финны. Дело не в этом. Можно также представить, что означало бы переселение в нашу страну миллиона французов.

Прежние парадигмы увядают. Уже трудно найти из низкопоклонства какую-то прелесть в сталинских творениях 1930-х гг. В России такое вызывает только скептическое презрение. Это касается тех нормальных научных кругов, которые я знаю. Другое дело, что там также под фалдами настоящих исследователей мобилизуются свежие силы, потребность в которых связана со службой всей истории великой родины, сравнимой с нашим тайстоизмом 1970-х гг. Тогда же бросание мозгов в лавку старьевщика восхвалялось как высоко символический труд веры. После этого «Краткий курс истории ВКП(б)» и основы марксизма-ленинизма начинают, кажется, вызывать очарование.

В Финляндии нет явной потребности в ревизии большой истории, когда дело касается ее отношений с Советским Союзом. Многие книги, которые написаны также без учета природы соседа, заслуживают, однако, того, чтобы быть переоцененными с учетом того, что мы знаем о сталинизме. Так же обстоит дело и у соседа.

Lunatic Fringe¹ и бренд «Финляндия»

Как известно, Россия учредила за рубежом пару бюро, в которых исследуются практическое применение демократии в стране пребывания и недостатки ее власти. Эти бюро находятся в Париже и в Вашингтоне.

Разумеется, речь шла о контрударе суверенной демократии американцам и другим западным критикам, которые касались ситуации с демократией в России.

Если бревна есть в глазу у американцев и у других, зачем тогда ковыряться в российских недостатках, когда они не худшие в мире?

Вопрос сам по себе обоснованный. Боюсь, однако, что здесь речь идет не о новом триумфе критического духа российской интеллигенции, а о циничном шаге пользующейся дурной славой российской власти, который отражает не веру в вечные ценности, а полное безразличие к ним.

В России уже давно заметили, что в демократии требуется активная деятельность, реклама, PR и вообще публичность. В результате, в них стали вкладывать средства. Со стороны государства их использование, в конце концов, оказалось настолько мощным, что для активности самих граждан осталось немногим больше пространства, чем во времена Советского Союза.

В Советском Союзе в обычае было не спрашивать у народа больше, чем у ученых, что правильно, а что нет. Правильным было то, что, по мнению политического руководства, способствовало делу. Иного быть не могло, т. к. ничего не было выше святого дела коммунизма, представлявшего закономерный прогресс мировой истории. Могли высказывать озабоченность тем, что «все честные люди в мире» осуждают врага Советского Союза и рабочего класса Маннергейма и его приспешников, которые спровоцировали войну против Советского Союза. Могли и утверждать,

¹ Буквально: сумасшедший. Здесь — чокнутое, зарвавшееся крыло политического движения.

что в Финляндии в конце ноября 1939 г. возникла революция, хотя в действительности ничего такого и не было. Дело просто заключалось в том, что это полностью противоречащее действительности утверждение служило — в принципе — прогрессу мировой истории, т. е. делу освобождения человечества. Зачем обращать внимание на такие мелочи, как истинное настроение народа Финляндии? Этот народ не обладал большой военной силой и не был просвещенным политически.

Отдельные информационные кампании в советское время проводились красиво. Например, рабочие всего мира мобилизовались на защиту Георгия Димитрова, Тойво Антикайна, Анжелы Девис или Луиса Корвалана. Например, боролись против нейтронной бомбы и выступали за мир там, где это требовалось. Все время проводились кампании за то, чтобы механизм сохранял работоспособность и всегда находился человек для написания адресов, люди для шествий, книгоноши и просто те, кто могли бы выступить жертвователями, хотя действительное финансирование осуществлялось Советским Союзом, о чем свидетельствуют архивы.

В советское время идеология была огромным источником силы, который эксплуатировали без ограничений. Как известно, деньги использовались на всех уровнях, от военного шпионажа до организации демонстраций, но, кроме того, массы воодушевлялись подлинным фанатизмом, желанием отдаваться великому делу.

С крахом Советского Союза ситуация в этом отношении изменилась. Верит ли кто-то, что путинская Россия представляет высокую идею? Кто смог бы увидеть в этом разъедаемом коррупцией государстве передовой отряд мирового прогресса? Кто мог бы восторгаться этим руководящим классом, чье бестолковое чванливое мотовство основано на воровстве и бесстыдном равнодушии к нуждам и правам народа?

На такое способны явно только исключительные личности, но они таковы. Было бы трудно представить почитание Путина всеобщим, это было бы смешно. Но суть дела в другом. В западной культуре уже в первой половине прошлого столетия заявило о себе значительное движение — отчужденные интеллектуалы. Слово «интеллектуал» для кого-то может звучать *a priori* как положительное, но, например, американский политический социолог П. Холландер подразумевает под ним и так называемых полезных идиотов. Как термин слово «интеллектуал» обозначает только человека, который стремится обосновать свой образ мира аргументами.

Большинство этих аргументов принимаются в различных группах, провозглашающих себя мыслящими критически. Критицизм, однако, избирательный и направлен на собственное общество, которое бичуется в сравнении с теми предполагаемыми совершенными альтернативами, отношение к реальности которых совершенно некритично. Эта базовая позиция сильно сказывается в так называемом политическом паломничестве. Такие паломничества с течением времени стали происходить во всех тех обществах, которые осуждали западную организацию общества и провозглашали себя лучшими.

При этом насколько плохими или хорошими они были на самом деле, с точки зрения «критических интеллектуалов», значения не имело, их не пытались критически осмыслить. «Критицизм» опирался на виновность собственной страны и ее наносящую вред деятельность. В Америке к классикам принадлежит Ноам Хомский, десятки лет по очереди поддерживавший те элементы, которые выступали против американизма: от Мао Цзэдуна и Пол Пота до Эво Моралеса и Уго Чавеса.

В принципе не стоит удивляться, что и в Финляндии есть группа, для которой в эти дни Россия представляет по сравнению с Финляндией превосходящую альтернативу. В ней состоят старые коммунисты, чье участие объясняется, пожалуй, отчасти прежними каналами финансирования и источниками получения указаний, но в ней есть и представители более молодого поколения. Группа стала подлинным *lunatic fringe*, который со рвением нападает на Финляндию, используя в качестве оружия Россию и ее предшественника Советский Союз.

Проблема, таким образом, на самом деле не в России, а в Финляндии. В психологии этих людей Финляндия — чудовище, которое всегда угрожало и мучило безобидного соседа и ныне сильно ненавидит все русское. «Русофобия» заменяет в языке этих «интеллектуалов» более раннее слово «антисоветизм». Предполагается, что дело в моральном пороке и политическом преступлении, если не прямо в грехе против души, который не может быть прощен ни при жизни, ни в будущем.

Несмотря на большую суетливость, эта группа остается в нашей стране почти незаметной. Разве нормальный человек будет читать такие тексты, в которых *Helsingin Sanomat* сравниваются с рупором Гитлера или Коалиционная партия — с СС. Требование выкопать прах президента Рюти из могилы и публично повесить свидетельствует только о душевном здоровье предлагающего,

невозможно представить себе, что такое требование вызовет общую дискуссию.

Активность этих кругов, однако, особенно велика вне Финляндии, а именно, в России, а также в разных странах Европы среди русской диаспоры. Нетрудно заметить, как целенаправленно механизм используется повсюду, где живут русские. Имеет место дезинформация циничная, наглая и массовая.

Страны Балтии уже давно пребывают в жерновах этого механизма. Финляндия оказалась там пару лет назад. Для этого есть причина. Что касается стран Балтии, то причина очевидна — Россия хочет надавить и подчинить страны, которые политически ей не по душе. Политическую выгоду она рассчитывает также получить в собственной стране, в которой эксплуатируемый народ кормят цирковыми представлениями: нас бьют, но и мы отвечаем!

А что в Финляндии? Известно, что Россия не хочет присоединения Финляндии к НАТО. *Lunatic fringe* твердит, что ориентация на НАТО означает то же самое, что агрессивный блок, планирующий нацистский реванш, вступление в который необратимо повлекло бы возмездие со стороны могучего восточного соседа.

Выступление против НАТО — только одна из тем этой странной и в самой Финляндии почти что незримой информационной войны. В области исторической политики в связи с годовщиной Второй мировой войны следует ожидать атак. В нашей стране всегда имела группа полезных идиотов, которые проглатывали, не поперхнувшись, все, что машина дезинформации им бы не предложила. Это имеет свой психологический фон, к пониманию которого упоминавшийся выше Холландер предлагает ключи.

Очень странно, что объектом массивированной дезинформации стал случай с опекой ребенка. В Турку чиновники взяли под опеку малыша, что вызвало в российских средствах массовой информации кампанию против «русофобии», которая активно проявляется в Финляндии и все время усиливается. Так как это дело было затронуто на встрече министров иностранных дел, российский чиновник приехал в Финляндию изучить на месте действия местных чиновников и заявил, что Москва будет заботиться о правах русских в Финляндии.

В этом, пожалуй, прослеживается реванш за то, что финский дипломат тайно вывез ребенка из России в Финляндию. Этот случай вызвал раздражение русских, и в него вмешались на уровне премьер-министра. Речь, без сомнения, идет о дипломатическом просчете, который сослужил Финляндии плохую службу. Ответ-

ные действия показали, во всяком случае, с кем мы имеем дело. Случай оказался в топ-новостях российских средств массовой информации, а *lunatic fringe* был в упоении от него, его представитель даже разважничался, что результатом может быть угроза военного конфликта — у русских было полное право вернуть ребенка силой. В российских средствах массовой информации также намекали на «военную угрозу», пока процесс не получил неожиданный поворот. Финский главный активист и «правозащитник» неожиданно принес извинения за собственную глупость и опрометчивость, а также за причиненное огорчение. Это было для всех совершенно неожиданным. До сих пор нам остается только строить догадки. Почему? Откуда? Для чего? Странно. Даже очень странно, потому, что бурная деятельность покаявшегося «заступника» возобновилась через некоторое время. Стало быть, глупость продолжается. Извинения сняты.

Что бы ни стояло за этими операциями, дело свидетельствует о том, что мы еще не живем в той сказочной стране счастья, которая была в советский период. Тогда Финляндия была спасена от негативной информации, за исключением «известных кругов», которые держались в Финляндии в повиновении внутренними силами. События напоминают, что против нас готовы использовать информационную войну — циничную и беспардонную войну, в которой у правды и права нет ценности.

Российская интеллигенция, кажется, довольно беспомощна перед этим явлением. В средствах массовой информации господствуют государство и спецслужбы, особого значения то, что напишет оппозиционная газета, не имеет. Ведь ее читают довольно немногие.

В 1880-е гг. Финляндия стояла перед проблемой. Тогда петербургские и московские крупные газеты систематически нападали на нее, не передавая правдивой информации и необычайно раздувая каждый досадный для Финляндии частный случай. Финны не могли этому сопротивляться. Одна-две российские газеты всегда принимали сторону Финляндии, но этого было недостаточно. В информационной войне Финляндия несла поражение.

Это было в России. Но что это означало в Финляндии? Там кампания виделась как кампания лжи, каковой она и была. Инициатива не шла «сверху», где у Финляндии имелся и некий друг, но правящие круги участвовали во всем этом. По собственному мнению, защищающее правду финское общественное мнение приобрело в результате этой кампании железную стойкость: насильно

ложью нам горло не заткнешь! В Финляндии действовало несколько проводивших эту кампанию агентов, которые удостоились соответствующего обхождения и затем стонали громкими голосами в отечественных средствах массовой информации. Эта полуторавековой давности информационная война была значимым фактором в том процессе, который способствовал отчуждению Финляндии от России. Презрительное искажение общественной системы и законодательства Финляндии, необоснованные жалобы на притеснение русских, использование проживавших в Финляндии русских как средства в кампании, целью которой было разрушение финляндской общественной системы, — все это порождало в Финляндии такие антироссийские настроения, которые временами затягивали и малочисленных русофилов, и вообще делали их положение нестерпимым.

В Финляндии были и бобриковцы. Они обосновывали свою позицию реальной политикой: Россия была всегда сильнее Финляндии. Почему же тогда не объединиться с ней, если победить нельзя? Во второй период угнетения подчинение политике русификации было настолько общим, что Кюёсти Вилкуна позже полагал, что Финляндия была бы потеряна, если бы все изменившие мировая война и революция задержались на несколько лет. Прямые приспешники России, конечно, имелись. Их по-разному преследовали, а некоторых даже убили. Ненависть к искавшим выгоды за счет родины была настолько глубокой, что, обращаясь к прогнозу Вилкуна, можно представить в качестве возможного сценария вероятное разделение Финляндии на лоялистов и на ненавидящих их. Хотя вера здесь не была главным водоразделом, превращение Финляндии в новую Северную Ирландию представить себе можно. Для метрополии Финляндия была бы, определенно, именно такой опасностью.

В Москве, кажется, кое-кто не знает истории и ничему не учится. Едва ли даже интересуется ею. Там, пожалуй, в очередной раз полагают, что великую истину великой России можно запихнуть в горло маленькой Финляндии, не спрашивая ее разрешения.

Не стоит делать это... Финляндия может без какого-либо ажиотажа спросить у этих жуликов, чего они действительно хотят. Если они поддерживают идею дружбы России с Финляндией, лучше не предпринимать в отношении нее дурных и грубых информационных атак. Народ Финляндии всегда был особенно чувствителен к лжи и, особенно, к исходящим из Москвы указаниям, которые касаются того, как нам надлежит думать.

Дух свободы и отношения с Востоком

В воспоминаниях Антти Эскола¹ «*Mikä henki meitä kantaa?*» («Какой дух нас несет?») есть важное введение, посвященное теме духа и мышления в то время. Многие мемуаристы легко отделяются от таких дел, которые им сегодня кажутся тривиальными или компрометирующими. Некоторые просто злы: рациональность и иррациональность их вечные враги, и они в воспоминаниях всегда руководствуются этим мнением. Внезапное превращение рациональности в иррациональность, головокружительная диалектика всех 1960-х гг. есть то, что осознать или даже вспомнить без вдумчивого вживания не просто. Время уносит от нас очень многое. Эскола признает это. Ключ к мышлению Эскола и всей интеллигенции 1960-х гг. следует искать в том далеком детстве, которое он ценил и тепло описывает. Путешествие из деревни 1950-х гг. в город 1960-х было долгим классовым путешествием.

Нам нелегко вспомнить, какой была послевоенная Финляндия. Выздоровление разрушенной войной экономики оказалось неожиданно быстрым. Те, кто полагал, что добрые последние годы предвоенного десятилетия стоили бы десятилетий труда, оказались посрамлены. К концу 1950-х гг. Финляндия жила зажиточно как никогда. Духовно она была, однако, сломлена. Духовное наследие войн давило на атмосферу как свинец. События 1918 г. рассматривались только в узких академических исследованиях. Они находились в тесной связи с Зимней войной, а та, в свою очередь, с войной-продолжением. Духовно войны оттолкнули культуру назад, в век девятнадцатый, хотя общество было в то время модернизировано. Социальное государство родилось в Финляндии Рунеберга и Топелиуса, коммунизм напрасно пытался его разрушить. В этой ситуации была потребность в свободном слове, мысли, которая объяснила бы современному человеку его место.

Освободительное значение социологии в том культурном переломе, который произошел в 1960-е гг., было центральным. Она была великим рационализатором, *Entzauberer*². В XVIII столетии говорили: «Пусть будет Ньютон! И все было свет!» Значение социологии в 1960-е гг. для послевоенного поколения в Финляндии было соответствующим.

¹ Антти Аарре Эскола (род. 1934) — профессор социальной психологии университета Тампере.

² Снимающий чары, отрезвляющий.

Социология предлагала объективный взгляд на мир, и существенным даром была именно эта свежая научность. Наука представляет действительность таковой, каковой она, очищенная от всяческих заблуждений, является на деле. Добродетель, мораль, мотивы индивида, идеология общества — все было, в конце концов, проистекающим из ограниченности индивида заблуждением, препятствовавшим живому пониманию дел. Наука об обществе — социология — открыла нашим удивленным глазам самого Человека. Был ли он «вещью в себе», по крайней мере, в такой степени, когда об этом можно говорить? Научные выводы заставляли принимать себя.

Социология — великий Выравниватель. Индивиды с удивлением и гордостью видели себя членами референтной группы. Эти группы были не менее равноценными, разве что самые крупные были более равноценными, т. к. имели большую важность. Принадлежность к рабочим или крестьянам становилась своего рода признаком дворянства, если так хотели. А в 1960-е гг. хотели...

Социология была также великим Избавителем. Она провозгласила все грехи прощенными, т. к. с объективной научной точки зрения у воли индивида в действительности не было никакого значения. Все зависело от общества, и, только повлияв на него, можно было действительно влиять на дела. Таким образом, не следовало корить запойных алкоголиков или хвалить преуспевающих предпринимателей; всё, в конце концов, в структурах и механизмах общества.

Однако социология 1960-х, в конце концов, стала разочарованием. Те утопические ожидания, которые были с ней связаны, даже опасения перед возможностями манипулирования обществом были чрезмерными.

Кто были те гиганты, которые несли дух 1960-х? Прежде всего, речь идет о традиционной вере в рациональный прогресс, восходящей от Кондорсе и Локка к Джону Стюарту Миллю, через Конта, Дюркгейма и Вестермарка к Рисману и Парсонсу. Поппер, Адорно и Арендт нанесли удар со стороны по остаткам иррационализма и культурного пессимизма, а сэр Ральф Дарендорф предложил основу для учения об эволюции Эрика Аллардта и радикализма Антти Эскола.

Размышляя о вкладе этих людей, стоит помнить, о контексте, о той молодежи, которая ранее не виданными толпами заполнила в 1960-е гг. университеты. Эта толпа пришла из религиозных сельских домов и скудных по своему достатку жилищ рабочих.

Их родители в молодости пережили войну, их детство пришлось на то время, когда в дискурсе центральными являлись ценности морали, аскетизм, честь, жертвенность и альтеризм.

Говорят, когда после войны на финский перевели рубаи Омара Хайяма, в которых отдавалась хвала вину и гедонизму, наступившее время ударило в голову молодежи как наркотик: «Лепешка из пшеничного зерна/ Нога баранья да кувшин вина/ Подруга, словно ранняя весна, — / Отрада, что султану не дана!»

Этот найденный в средневековой восточной поэзии плод гедонизма стал служить протесту послевоенной молодежи Финляндии, освобождению от слишком узких идеалов, легитимность которых оказалась под вопросом. 1960-е гг. сделали это высвобождение массовым явлением.

Заголовок недавно появившейся диссертации «Свобода в вине» сам по себе характеризует подобное время. Свобода рождалась благодаря анонимности городской жизни, вину, отрыву от рода, общества и веры. Она рождалась из научного понимания гедонистической философии жизни, противоположной всему прежнему. Всему новому строгий образ научности предлагала социология, которая и не пыталась определить или выстраивать иерархию ценностей, но полагала их таковыми, какими люди хотели их иметь в жизни. И она полагала их явно утилитарными.

Однако социология не только описывала, она и объясняла. Она давала крылья воображению, и именно она освободила целое поколение от давления традиционного общества. Ложное следование социологической фантазии могло привести к судьбе Икара. Антти Эскола метко замечал, что старые поговорки могли хорошо использоваться как эвристическое сырье. Они могли говорить о действительности что-то существенное, т. к. ими переворачивалось все вверх дном. Так, например, основной лозунг военного времени «единодушие — сила» не утрачивал в научном размышлении убедительности, приобретая форму «разногласие есть сила». Общество терпимо лишь тогда, когда оно терпит и позволяет обсуждать различие, несхожесть.

Метод рьяно запустили в дело. «Насилия мы не желаем, насилие мы не творим / Только слабый желает насилия, только слабый сражается / Чего мы не желаем, то мы не делаем!» — писал поэт Арво Сало, ловко пародируя лапуласцев 1930-х гг., утравивших делать то, что им хочется.

Мы знаем, какое продолжение имела история. Освобожденное социологией поколение студентов искало момент приключений

в воздушных замках новых левых, пока не попало с головой в духовное рабство самого совершенного порядка XX столетия, советского коммунизма. Бесспорно, социология всем своим рационализмом подготовила почву для той интеллектуальной декларации о банкротстве, которая в качестве центрального пункта веры была одобрена во всей своей полноте и без сокращений в разработанном в середине позапрошлого столетия гегельянском объяснении мироздания. Предложенные Карлом Поппером и Ханной Арендт подходы критического мышления были отброшены, т. к. представилась возможность подчиниться авторитетам и сулилось исчерпывающее объяснение как прошлого, так и будущего.

Притягательная сила псевдосоветского «тайстоизма» не могла основываться на этом интеллектуальном даре советского коммунизма, т. к. она была, мягко говоря, ничтожной. Напротив, вера, коллективизм, альтруизм и жертвенность, которые как раз оказались выброшенными, были сейчас подобраны, в новой форме, но все же найдены. Базовая конструкция — очень знакома. Небо и преисподняя теперь проектировались на Землю, последний приговор капитализму был уже виден, и вечная жизнь верующих предлагалась как на ладони тем, кто сражался за дело прогресса. Так как ход истории необратим, и в манихейском мироздании на стороне коммунизма Ахура Мазды жизнь была вечной. Участие индивида было принесение себя в жертву ради коллектива, но это предполагало, что у него есть цель. Для молодых людей из верующих сельских домов это была родина, вновь завоеванная.

Положительным достижением «тайстоизма» был также вызов давней и продолжавшей жить русофобии и демонизации России. В качестве метода, правда, использовалось переворачивание знака ценностей на противоположный, что, разумеется, не могло иметь прочной основы. Прямые заслуги «тайстоизма» в этой области не следует преувеличивать. Время изменилось во многих отношениях, несмотря на известное молодежное движение. В любом случае, основы нового отношения к России следует также искать в сложившемся в Финляндии в середине 1960-х гг. новом отношении к коммунизму, хотя роль самого «тайстоизма» в этом была ограниченной. В конце концов, это было довольно малочисленное студенческое движение. Следует помнить, что в то время, в соответствии с учением очень известного социолога Ральфа Дарендорфа, коммунисты были включены у нас в 1966 г. в правительство, когда пропасть между их сторонниками и остальным обществом существенно сузилась. Идея заключалась в том, чтобы привлечь

эту изолированную от прочего общества группу к общему делу заботы о стране. Тем самым добивались урегулирование опасно-го и вредного противоречия внутри общества. Советский Союз в то время еще был символизирующим коммунизм государством. Вскоре восхищение им начало, однако, уменьшаться, в том числе и в среде Финляндской коммунистической партии.

Сохранилось ли что-то от строгого рационализма 1960-х гг.? В любом случае, он утратил положение господствующего течения. Антти Эскола вдохновлял дух позитивизма, а бесконечная свобода оказалась неприемлемой. Сам Дэвид Рисман говорил о «толпе одиноких», а Эрих Фромм замечал, что свободы хотели избежать. На уровне метода у рационализма также имелся противник. В объяснительной силе фактор-анализа начали сомневаться, и, по мнению многих, все богатство человеческой жизни даже в приближении невозможно вместить в те шаблоны, которые представляли собой шкалы Гуттмана¹.

Во всяком случае, на поле науки пробрались акторы, которые вскоре разрушили представление о совершенстве основанного на рационализме исследовании общества, которое предлагало свежий олимпийский взгляд на мир и объяснение явлениям, которые мы не понимали.

Так как новые направления предлагали вместо позитивистской объективности и измеримости рассказы о собственной жизни и постмодернистские описания ощущений, не требуя доказательности и представительных выборок, то подошли опасно близко к литературе настроений. Постмодернистское исследование можно было частично отнести уже к кругу фантастической литературы, т. к. она описывала мир как текст и махнула рукой на так называемые серьезные науки, от биологии до физики. Дух 1960-х гг. был почти полностью уничтожен. Объективная действительность уже не была первичной, если она теперь вообще существовала. Ругательством нового поколения стало слово «эссенциализм».

Дух 1960-х гг., без сомнения, был состоянием умов одного периода, разового и неповторимого. Это был поток рационализма между двумя периодами иррационализма. Его основой являлась надежда на лучшее и вера в рациональный мир. В начале третьего тысячелетия то время еще вызывает ностальгию, как и его предшественница — идиллия сельской Финляндии.

¹ Речь идет о многомерном шкалограммном анализе, предложенном Д. Гуттманом в 1940-х гг.

К его заслугам можно, во всяком случае, отнести также изменение отношения финнов к России. Едва ли возможно расставить по порядку все оказавшие на это влияние факторы, если пытаться объяснить, как возникло это новое отношение к России. Очевидно, что важное место принадлежит той объективности социологического мышления, которое рассматривало объект, в том числе и коммунизм, только как отдельное явление в числе прочих. Поскольку коммунисты говорили, что дважды два равно пяти, то, по мнению предшествующего поколения, это было устрашающим и опасным безумием. В бихевиористическом арсенале социологии это было только одно безумие в массе других, если только чуть-чуть не лучше других. Между русским духом и коммунизмом в тот период ставили знак равенства, как в свое время между русским духом и православной верой. Человек мог быть русским и не быть коммунистом или, по крайней мере, его сторонником, но это представлялось неправдоподобным. В глазах социолога русский человек был абсолютно таков, как и все остальные люди в мире. Все различия были обусловлены структурами и законами общества.

Дух социологии уводил нас от прошлого. Это был дух революции, и он был разрушительным. В свое время его воспринимали как освобождение, и он действительно освободил от многого такого, что было глупым, затхлым и просто плохим. Несмотря на громадные обещания, он не смог выстроить ничего. Но все же развитие этой нашей культуры происходит только в одном направлении. В данном случае этот дух революционного времени действительно был «прогрессивным». Он ускорил наш переход к неизбежному.

Исчезновение «китайской стены»

Если бы мы хотели подвести временный итог тысячелетней границе Финляндии с Россией, то в наши дни сальдо по обе стороны границы оказалось бы относительно позитивным. Эта относительность означает то, что Финляндия и финны, с точки зрения России и русских, лучшие соседи. Россия для Финляндии и финнов также теперь хороший сосед, с которым происходят небольшие конфликты только по незначительным поводам. Эта ситуация, однако, не само собой разумеющаяся. Мы можем только представить, какими отношения были бы, если бы русские в свое время

окупировали бы Финляндию и осуществили бы там те же самые мероприятия, что и в странах Балтии. Уже миллионное русское меньшинство привело бы к национальной травме, если бы оно появилось в результате оккупации. Казни или высылка десятков или сотен тысяч финнов, которые стали бы жертвами обычной большевистской политики оккупации, основательно испортили бы отношения на века.

Парадоксально, но сближение наших народов удалось, можно так сказать, на той основе, что они смогли держаться обособленно. Велись войны, в морду получал то один, то другой, но эти сражения, в конце концов, велись открыто и честно, человек против человека. Нельзя сказать, что уничтожение определенного числа гражданского населения происходило в значительных масштабах, а для воина пасть на войне виделось счастьем и привилегией. Бомбардировки Финляндии осуществлялись с советской стороны, но по большей части они отражались. Русское население и военнопленные умирали из-за непреднамеренно плохого обхождения со стороны финнов. Это факты и по своему значению довольно ограниченные, но они также должны быть признаны обеими сторонами. Что же касается блокады Ленинграда и его жертв, виновность финнов в этом является чисто целенаправленной враждебной пропагандой, не подтвержденной фактами.

Насильственное отнятие у Финляндии Карелии, разумеется, вызвало горечь в нашей стране, и слова Молотова в 1940 г., согласно которым Московский мир создавал хорошую основу для развития добрососедских отношений, воспринимались финнами как издевательство. У Молотова все же было на уме большое сближение наших народов, когда он осенью того же года во время визита в Берлин потребовал свободы в действиях. Граница, однако, осталась, и, исходя из перспективы нынешнего времени, ее действительно можно считать хорошей основой для развития наших отношений, т. к. финны покинули территорию Карелии. Если бы четыреста тысяч финнов остались по ту сторону границы или граница была бы ликвидирована, наши отношения с Россией едва ли могли бы стать здоровыми в ближайшем будущем. Война только подтвердила то, что мы всегда были и остаемся обособленными от России и русских. Однако Россию и русских не следует отождествлять. В истории России у народа и государства, у каждого, была собственная роль, что отражается на отношениях народа и власти.

Все же у нас есть круги, которые тоскуют о возвращении Карелии, с населением или без оно. В мире есть те, по мнению которых, историю можно отмотать назад и один и тот же торт можно и съесть, и сэкономить. Аннулирование последствий войны было бы, очевидно, по их мнению, для нас привлекательно, хотя саму войну и не аннулируешь. Подавляющая часть этой группы уже становится такой, у которой едва ли есть какие-то личные, связанные с территорией переживания, и вся «тоска» выглядит очень фальшивой и сконструированной. Мысль о возвращении Карелии новым переселенцам — ошеломительна и безответственна. То же самое можно сказать о мысли, что территорию можно получить назад вместе с жителями. Такое уничтожение границы воспламенило бы отношения народов, которые в данное время довольно хорошие. Уже одно только требование этого может обострить межгосударственные отношения или, по крайней мере, предложить пользующейся недоброй славой российской власти желанную пищу для антифинской пропаганды, как это уже могли видеть. За нынешнюю границу дорого заплачено как финской, так и русской кровью. Ее изменение без новых жертв было бы невозможно, это ни в чьих интересах. Расчеты тех из «возвратителей территорий», кто ограничивается спекуляциями по вопросу о денежных суммах, вызывают жалость, как пример полного отсутствия осознания реальности. В свое время Финляндия выбрала борьбу, хотя ей предлагался мир и расширение территории. Войну проиграли, хотя и с честью. Немного чести в бабьем нытье из-за результатов войны, и ноющие ничего не добьются, но славу страны подпортят. До сих пор Финляндия придерживалась своих международных обязательств, это даже не обсуждалось. Так будет и в будущем.

Между Финляндией и Россией временами возникают государственные противоречия, причины которых известны. Но чем, в конце концов, была эта «китайская стена», которая возвышалась между финнами и русскими? Почему обособленность между народами сохранилась? Во времена автономии она, без сомнения, возводилась на финском патриотизме, на инстинктивном страхе перед превосходящими силами чужаком. Это был инстинкт самосохранения маленького народа и реагирование на ту российскую ксенофобию, которая стремилась русифицировать Финляндию и запретить в ней ее собственный патриотизм. Феннофобия общественного мнения России набрасывала тень на отношения финнов и русских даже на личном уровне в течение половины столетия.

Демократизация России в 1905–1907 гг. после короткого перерыва только ухудшила дело. Это легко видно по источникам. Обособление и цепляние за остатки законных прав, которые поддерживали границу между Финляндией и Россией, были той соломинкой, за которую финны попытались ухватиться.

*Senatus bestia, senatores boni viri*¹ — говаривали древние римляне. Если российское государство угрожало государственным правам Финляндии, это не вина отдельного русского. Почему государственный уровень отношений сказывался на уровне отношений индивидов? Сказывается ли он сейчас?

Очевидно, что на конфликты на государственном уровне сильно влияло то, как относились к русским в Финляндии и как относились там к русскому языку. Также с русской стороны сомневались даже в лояльности финнов, служивших в России, а финны считали за честь быть зачисленными наравне с евреями и поляками в группу русофобов. Отношение к финнам было, разумеется, характерным, хотя о ксенофобском отношении к финнам в России на бытовом уровне имеется не слишком много конкретных сведений. Едва ли их и найдешь... Жалобы русских в Финляндии на обхождение, напротив, имеются в изобилии, как в националистической прессе, так и в воспоминаниях и даже в художественной литературе. Во всяком случае, между ксенофобиями обеих стран имелась определенная взаимность. Финны отнюдь не были единственной активной стороной, они едва ли даже были в действительности таковой.

Исторические факты, однако, таковы, что во времена автономии Россия — высшая власть — различными способами помогала и покровительствовала Великому Княжеству Финляндскому и особо — говорившей по-фински части народа. Была ли у нас причина благодарить за это? В свое время благодарность выражалась неоднократно и адресовалась монарху, от которого исходили знаки милости. Памятник Александру II не просто так стоит на лучшем месте в Хельсинки. Не греша против истины, можно утверждать, что он появился как протест против той угрозы, которая существовала для прав Великого княжества, которые была весьма велики. Благодарность была — и есть — с нашей стороны за возвращение Карелии, осуществленное в 1812 г. как свидетельство великой милости монарха. По мнению некоторых, причиной

¹ Точнее: *Senatores omnes boni viri, senatus romanus mala bestia* — «Сенаторы мужи достойные, а римский сенат — злобный зверь».

признательности могло быть также то, как с Финляндией стали обходиться после Второй мировой войны. Достаточно сравнить с судьбой оккупированных стран. Здесь можно заметить, что от оккупации Финляндию спасло исполнение своего долга финской армией. Это само по себе так, но к этому также можно добавить, что сосед даже и не пытался «советизировать» нашу страну после войны. Когда оказалось, что наши собственные коммунисты на этом не настаивают, оставили все без перемен.

Опять же, мы можем поздравить самих себя, гордясь собственной активностью в отражении угрозы. Москва явно понимала, что попытка окажется напрасной и дорогой, зная об упрямстве финнов, как позже комментировал дело Молотов в разговоре с Феликсом Чуевым. Во всяком случае, у Сталина еще нашлись бы средства, если бы их захотели использовать. В самый жаркий период «холодной войны» Финляндию, и это было известно всем, никто бы не спас от советизации. Можно поразмышлять о том, что было бы, если в 1956 г. Порккала-удд не был возвращен. Для этого не было никакой необходимости.

Фельетонист Олли в свое время предложил, чтобы был введен общий день благодарения, когда специально благодарили бы соседей за все, что они нам *не* сделали. Бесспорно, идея интересная, и дела заслуживают того, чтобы взглянуть на них под этим углом зрения.

Взаимная благодарность народов, не говоря уже о государствах, дело в истории довольно редкое, как и альтруизм, хотя в России особенно славянофилы, а также коммунисты и шили мантию величайшей благодетельницы для всех стран и народов. Если какой-то народ ощутимо помогал другому, как, например, Швеция Финляндии во время Второй мировой войны, в этом охотно видят попытку успокоить собственную совесть, что не сделано больше. У общих фраз в церемониях между государствами есть все же своя значимость. Во времена Кекконена как у нас, так и у соседа высокопарно говорили о даре Ленина и той помощи, которую финны оказывали революционерам. Это было в интересах Финляндии.

Теперь об этом лучше уже не упоминать, т. к. значительная часть российской интеллигенции считает большевистскую революцию национальной катастрофой, в козлах отпущения за которую нуждаются. Правда, дает о себе знать двойственность национального мышления, в котором и коммунизм, и антикоммунизм имеют свою ценность в истории России. В одних кругах считают,

что все, что принадлежит истории страны, уже в силу этого само по себе ценно. Официальная линия оказывает поддержку этому направлению.

Во всяком случае, мы можем констатировать, что в отношениях наших стран имеется много положительного, и это следует подчеркнуть. Особенно следует заметить, что сотрудничество, как ни парадоксально, лучше всего процветало в период мирного сосуществования (т. е. невмешательства) и обособленность была лучшей гарантией хороших отношений. Теперь время изменилось, и изменилось бесповоротно. Общение быстро расширяется, и можно сказать, что в определенном смысле это происходит с чистого листа.

Наши народы еще никогда не смешивались, а если таковое в единичных случаях и происходило, то это было добровольным выбором. Добровольность, по-видимому, сохранит свою силу и в будущем. Исторический балласт в наших отношениях минимален, настоящих причин для новых конфликтов не видно. То, что некоторые мутящие воду личности пытаются такие создавать, не должно закрывать от глаз главное.

Информационная война основательно портила иногда финляндско-российские отношения, она вполне может повториться. Близорукие фокусники из специальных служб, которые организуют в интернете международные кампании «в защиту России» и против Финляндии и поднимают «национальных активистов» и «борцов за права», в чем душевное здоровье можно сомневаться, которые говорят об «угрозе войны» между Финляндией и Россией, могут ввести в заблуждение недалеких людей. Постоянные кампании, в которых мелкие дела раздуваются до немыслимых масштабов и утверждается, что из-за них возникает «угроза войны» между двумя европейскими странами в 2000-е гг., не могут не оказывать воздействия и на Финляндию. Они создают образ соседней страны, в которой, быть может, уже и не царит «рабство и принудительный труд», как это было в 1930-е гг., но в которой к истине относятся совершенно иначе, чем у нас. Это было, особенно раньше, камнем преткновения в нашем отношении к России. России следует поразмышлять о том, какую славу о себе она хочет иметь в Финляндии. Высокомерие всегда имело и имеет вредные последствия. Слава заслуживается, она не покупается и не продается.

Разделяющая народы восточная граница Финляндии как «китайская стена», каковой она была столетия, кажется, исчезает.

Обычная граница суверенных государств, разумеется, сохраняется, но таковая нужна нам со всех сторон, в не меньшей степени с юга, откуда, с учетом дальней перспективы, нам будут угрожать гораздо большие опасности, чем с востока. В прошлом граница была для нас, прежде всего, защитой от грозящих извне опасностей. Только второстепенно она была препятствием для нашего развивающегося общения, хотя, разумеется, она играла такую роль. В третьем тысячелетии угрозы начинают утрачивать свою актуальность. Круг общения людей, напротив, значительно расширяется, и это также может вызывать конфликты. Давайте надеяться, что поддержание расширяющихся контактов и исчезновение границы в этом случае не принесет зла, но, напротив, улучшит отношения между нашими государствами и народами. У обеих сторон есть много того, чего они могут достичь, и много того, что они могут утратить.

Литература

- Aho, Juhani. Muistelmia ja matkakuvia. Sanomalehtimiesajoiltani 2. Helsinki, 1912.
- Ahrenberg, Jac. Наapakoskelaiset. Romaani Itä-Suomesta. Helsinki, 1893.
- Ahti, Martti. Ryssänvihassa. Elmo Kaila 1888–1935. Porvoo, 1999.
- Allardt, Erik – Littunen. Yrjö, Sosiologia. Porvoo, 1964.
- Baranovski, S. Suuriruhtinaanmaa Suomi. Hämeenlinna, 2004.
- Беломорско-Балтийский канал им. Сталина / Под ред. М. Горького и др. М., 1934.
- Berlin, Isaiah, The Hedgehog and the Fox. An Essay on Tolstoy's View of History. NY-London, 1953.
- Бородкин, М.М. История Финляндии. Время императора Александра Первого. СПб., 1909.
- Boym, Svetlana. Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge Mass., 1994.
- Bulgarin, Faddei. Sotilaan sydän. Suomen sodasta Engelin Helsinkiin. Käänt. Marja Itkonen-Kaila. Helsinki, 1996.
- Burbank, Jane. Intelligentsia and Revolution. Russian Views on Bolshevism 1917–1922. NY., 1986.
- Byrnes, R. Pobedonostsev. His life and thought. Bloomington, 1968.
- Copeland, William. Uneasy Alliance. Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground 1899–1904. Helsinki, 1973.
- Custine, Astolphe. Empire of the Czar, a Journey Through Eternal Russia. NY., 1989.
- Данилевский, Николай. Россия и Европа. М., 1991.

- Domostroi. Rules for Russian Households in the Time of Ivan the Terrible. Ithaca and L., 1994.
- Dostojevski, Fjodor. Kirjailijan päiväkirja. Helsinki, 1996.
- Ehrnrooth, Jari. Sanan vallassa, vihan voimalla: sosialistiset vallankumousopit ja niiden vaikutus Suomen työväenliikkeessä 1905–1914. Helsinki, 1992.
- Engman, Max. Pitkät jäähyväiset. Suomi Ruotsin ja Venäjän välissä vuoden 1809 jälkeen.
- Engman, Max. Raja. Karjalankannas 1918–1920. Helsinki, 2007.
- Eskola, Antti. Mikä henki meitä kantaa. Katselen työni jälkiä. Helsinki, 2009.
- Eskola, Seikko. Suomen hurja vuosi 1917 Ruotsin peilissä. Helsinki, 2010.
- Figes, Orlando. A People's Tragedy: the Russian Revolution 1891–1924. London, 1996.
- Fänrikens marknadsminne. Finska kriget 1808–1809 och dess följder I eftervärldens ögon. Red. Max Engman. Stockholm, 2009.
- Getty, J. Arch. Origins of the Great Purges. Cambridge, 1985.
- Горький, Максим. Несвоевременные мысли. Париж, 1979.
- С кем вы, мастера культуры? М., 1932.
- Grot, Jakob. Utdrag ur J. Grots brevväxling med P. Pletnjov angående finska förhållanden vid medlet av 1800-talet. Helsingfors, 1915.
- Гумилев, Лев. От Руси до России. М., 2008.
- Hollander, Paul. Anti-Americanism. Critiques at Home and Abroad 1965–1990. NY., 1992.
- Holm, Karl Johan. Muistiinpanoja Suomen sodasta 1808–1809. Espoo, 1977.
- Hultin, Tekla. Päiväkirjani kertoo. Osat I-II. Helsinki, 1935–1938.
- Huntington, Samuel. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. L., etc., 1997.
- Hyvämäki, Lauri. Ennen routaa. Esseitä ja tutkielmia 1880-luvusta. Helsinki, 1960.
- Häikiö, Martti. V.A. Koskenniemi, suomalainen klassikko. Osat I–II. Helsinki, 2010.
- Jakobson, Max. Diplomaattien talvisota. Porvoo, 1955.
- Judt, Tony. Postwar. A History of Europe since 1945. NY., etc., 2005.
- Jussila, Osmo. Suomen suuriruhtinaskunta 1809–1917. Helsinki, 2004.
- Jylhä, Yrjö. Kiirastuli. Helsinki, 1951.
- Järnefelt, Arvid. Vanhempieni romaani. Hämeenlinna, 1983.

- Järnefelt, Arvid. Veneh'ojalaiset. Helsinki, 1909.
- Карамзин, Николай. История государства Российского. М., 2003.
- Katajala, Kimmo. Suurvallan rajalla. Ihmisiä Ruotsin ajan Karjalassa. Helsinki, 2005.
- Katajisto, Kati. Isänmaamme keisari. Eliitin kansallisen identiteetin murros ja suomalaisen isänmaan rakentuminen autonomian ajan alussa. Helsinki, 2008.
- Ketola, Kari. Ryssän koulussa. Suomalaiset Venäjän-stipendiaatit autonomian aikana 1812–1917. Helsinki, 2007.
- Kiparsky, Valentin. Suomi Venäjän kirjallisuudessa. Helsinki, 1945.
- Klinge, Matti. Kaksi Suomea. Helsinki, 1982.
- Klinge, Matti. Poliittinen Runeberg. Helsinki, 2004.
- Klinge, Matti. Vihan veljistä valtiososialismiin. Porvoo, 1972.
- Kuusinen, Otto. Suuri vuosisatamme. Helsinki, 1961.
- Laasonen, Pentti. Novgorodin imu. Miksi ortodoksit muuttivat Käki-salmen läänistä Venäjälle 1600-luvulla? Helsinki, 2005.
- Latiševa, Inna. Ryssänä Suomessa. Vieras väärästä maasta. Helsinki, 2010.
- Lenin ja Suomi. 3. Helsinki, 1990.
- Lindeqvist, K.O. Isonvihan aika Suomessa. 1919.
- Matich, Olga. Erotic Utopia. The Decadent Imagination of Russia's fin-de siècle. Madison WI, 2005.
- Messenius, Johannes. Suomen kronikka. Tampere, 1997.
- Nabokov, Vladimir. Nikolai Gogol. Jyväskylä, 1963.
- Nevalainen, Pekka. Punaisen myrskyn suomalaiset. Suomalaisten paot ja paluumuutot idästä 1917–1939. Helsinki, 2002.
- Nokkala, Armo. Tolstoilaisuus Suomessa. Aatehistoriallinen tutkimus. Helsinki, 1958.
- Nora, Pierre. Lieux de mémoire. T. I–III. Paris, 1984–1992.
- Новая русская доктрина. Пора расправить крылья. М., 2009.
- Ордин, К. Покорение Финляндии. СПб., 1889.
- Paasikivi, J. Jatkosodan päiväkirjat. Porvoo, 1991.
- Paasivirta, Juhani. Suomen itsenäisyyskysymys I–II. Porvoo, 1947–1949.
- Pachmuss, Temira. Moving River of Tears. Russia's Experience in Finland. NY., 1992.
- Palolampi, Erkki. Kollaa kestää. Kertomuksia Kollaanjoen rintamalta. Porvoo, 1940.
- Петровский, С. Финляндская окраина России. Т. 1–3. М., 1891–1893.

- Pohlebkin, V.V. Suomi vihollisena ja ystävänä 1714–1967. Porvoo, 1969.
- Polvinen, T. Valtakunta ja rajamaa. N.I. Bobrikov Suomen kenraalikuvernöörinä 1898–1904. Porvoo, 1984.
- Polvinen, T. Venäjän vallankumous ja Suomi. Osat I–II. Helsinki, 1967–1971.
- Проект Россия. Ч. 1–4. М., 2007–2010.
- Railo, Eino. Naamulinna. Aineistohistoriallinen tutkimus Englannin kauhuruomantiikasta. Helsinki, 1925.
- Railo, Eino. Kynällä ja kiväärillä. Sissin pakinoita itsenäisyys – ja vapaustaistelunne ajalta. Porvoo, 1918.
- Railo, Eino. Kyösti Wilkuna. Ihmisenä, kirjailijana, itsenäisyysmiehenä. Helsinki, 1930.
- Railo, Eino. Valittu kansa ja luvattu maa. Porvoo, 1944.
- Rajala, Panu. Unio mystica. Mika Waltarin elämä ja teokset. 2008.
- Riasanovsky, N. Image of Peter the Great in Russian History and Thought. NY., 1985.
- Russell, Bertrand. Marriage and Morals. L., 1930.
- Шафаревич, Игорь. Русский народ в битве цивилизации. М., 2011.
- Saraja, Viljo. Lunastettu maa. Helsinki, 1940.
- Sarajas, Annamari. Tunnuskuvia. Suomen ja Venäjän kirjallisen realismin kosketuskohtia. Porvoo, 1968.
- Scheidegger, Gabriele. Perverses Abendland – barbarisches Russland: Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse Zürich, 1993.
- Scruton, Roger. Culture Counts. NY., 2007.
- Широкоград, Александр. Финляндия. Через три войны к миру. М., 2009.
- Siltala, Juha. Sisällissodan psykohistoria. Helsinki, 2009.
- Шкваров, Алексей. По закону и казачьему обыкновению. Хельсинки, 2008.
- Snyder, Timothy. Bloodlands. Europe between Hitler and Stalin. NY., 2010.
- Солоневич, Иван. Народная монархия. М., 1991.
- Солженицын, Александр. Россия в обвале. М., 1998.
- Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. Asiakirjakokoelma, toim. Aaro Pakaslahti. Helsinki, 1937.
- Суворов, Виктор. Ледокол. М., 1994.
- Такала, Ирина. Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002.

- Tarkiainen, Kari. Se vanha vainooja. Käsitykset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suureen. Helsinki, 1986.
- Tihmeneva, Tatjana. Kesäyön lumoa kohti. Venäläisiä matkakuvauksia 1800-luvun alun Suomesta. Jyväskylä, 2001.
- Чаадаев, Петр. Философические письма к даме. М., 2000.
- Tšernyševski, Nikolai. Mitä on tehtävä? Kertomus uusista ihmisistä. Moskova, 1982.
- Upton, Anthony. Vallankumous Suomessa 1917–1918, I–II. Helsinki, 1980–1981.
- Waltari, Mika. Antero ei enää palaa. Helsinki, 1940.
- Wheeler-Bennett, John. Brest-Litovsk. The Forgotten Peace. L., 1956
- Vihavainen, Timo. Suomi neuvostolehdistössä 1918–1920. Helsinki, 1988.
- Viljanen, Lauri. Runeberg ja hänen runoutensa 1837–1877. Porvoo-Helsinki, 1948.
- Yanov, Alexander. The Russian New Right. Berkeley, 1978.
- Yanov, Alexander. The Russian Challenge and the Year 2000. Oxford, 1987.
- Зимняя война. Исследования, документы, комментарии. М., 2009.
- Зимняя война в документах НКВД. СПб., 2010.
- Zinovjev, Alexander. The Reality of Communism, 1984.

Тимо Вихавайнен

Восточная граница исчезает
Два столетия России и Финляндии

Корректор *М.А. Степанова*
Оригинал-макет *Л.В. Философова*
Дизайн обложки *Е.В. Кудина*

Подписано в печать 27.06.2012. Формат 60x90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 15,5
Тираж 400 экз. Заказ № 2639

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23